
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00066322 9

А. И. ТЮМЕНЕВ

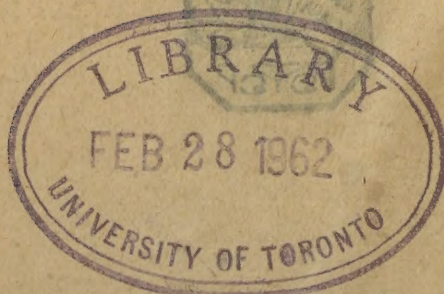
ИСТОРИЯ ТРУДА

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ПЕТРОГРАД
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1922

Р. Ц. № 905. Петроград.
Гиз. № 956. Отпеч. 10.000 экз.
в 1-й Государств. Типографии.

Оглавление.

стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий курс составлен применительно к програме второй ступени трудовой школы. Незначительные отступления допущены лишь в расположении материала и последовательности изложения. Помимо того, в текст внесены некоторые дополнительные отделы, не имеющиеся в програме. Дополнения эти сделаны прежде всего в интересах большей полноты и законченности курса, предназначаемого автором не только для пользования в школе, но и для самообразования. При преподавании дополнения эти легко могут быть опущены, но в то же время не без пользы прочтутся и теми учащимися, которые захотели бы составить себе более полное представление о предмете. С тою же целью дать возможность желающим ориентироваться в отдельных вопросах экономической науки, равно как облегчить учащимся пользование литературой при составлении рефератов на специальные темы, к руководству приложен указатель. По вполне понятным причинам в книге, являющейся прежде всего учебным руководством, дан указатель исключительно литературы на русском языке, журнальная литература также оставлена совершенно в стороне. В указанных книгах желающие всегда могут найти дальнейшие сведения и ссылки как на иностранную, так и на журнальную литературу.

31 октября 1921 года.

ВВЕДЕНИЕ.

Предмет истории труда.

Трудом мы называем производительную деятельность человека, имеющую целью добывание средств существования. Для того, чтобы существовать, чтобы обеспечить себе пищу, одежду, жилище, люди должны затрачивать на их приобретение и изготовление известный труд. Труд составляет поэтому первое и необходимейшее условие существования как отдельных людей, так и образуемых ими общественных групп и соединений. Правда, нередко случается, что целые общественные группы и классы живут, не трудясь сами, но в таком случае они пользуются чужим трудом, перелагают свой труд на других. В конце-концов, таким образом, и существование нетрудящейся непроизводительной части населения точно так же основывается на труде.

Во все времена и при всяких условиях, именно, труд, именно, производительная деятельность лежала и лежит в основе частной и общественной жизни. Само собою, однако, при этом разумеется, что в различные эпохи и условия труда не были одинаковы. С течением времени изменяются прежде всего самые роды и способы добывания пищи, улучшаются и совершенствуются приемы и способы производства. Человек был охотником раньше, чем сделался земледельцем или ремесленником; разрыхлял землю при помощи кирки или мотыки, прежде чем додумался до употребления плуга, пользовался несовершенными ремесленными орудиями, прежде чем изобрести паровые и электрические машины и двигатели.

Рядом с изменением способов и орудий производства не менее существенное значение имеют изменения, происходящие в организации труда, т.-е. в тех взаимных отношениях, в каких находятся между собою отдельные производители. Понятно, что результат труда будет совершенно иным в зависимости от того,

добывает ли и вырабатывает ли каждый все необходимое сам, как умеет, или же между отдельными производителями устанавливается известное распределение труда, причем каждый изготовляет лишь те или иные определенные продукты и изделия. Такое распределение или, как обычно принято говорить, разделение труда в значительной мере повышает его производительность. Ясное дело, что человек, посвятивший себя известному специальному роду деятельности, будет работать и лучше и быстрее, нежели неспециалист. Чем более, следовательно, развито в обществе разделение труда, тем производительнее, тем плодотворнее по своим результатам оказывается и все общественное производство. Разделение труда может существовать при этом как внутри каждого отдельного хозяйства, внутри каждого отдельного предприятия, так и между целыми группами и классами производителей, например, между земледельцами и ремесленниками.

Итак, в развитии производительной деятельности мы должны различать прежде всего две стороны: 1) изменения в способах и приемах производства и 2) изменения совершающиеся в формах организации труда. Рядом с этим необходимо иметь в виду и общественные отношения, возникающие на основе той или иной организации труда и производства. Труд может быть свободным или подневольным (рабским или крепостным); может иметь целью изготовление предметов непосредственного потребления самого производителя и его семьи (так-называемое натуральное хозяйство), исполнение работы на заказ или же, наконец, производство для продажи (меновое или товарное хозяйство); может производиться при помощи собственных инструментов, как, например, труд ремесленника, или при помощи орудий и из материалов, получаемых от владельца предприятия, и в таком случае это будет труд наемного рабочего.

Предмет истории труда и составляет, таким образом: 1) изображение последовательного развития способов и приемов производства, 2) происходящей в связи с изменением способов производства смены различных форм организации труда и 3) вытекающих из этих форм общественных или, иначе, производственных отношений между различными классами общества.

ГЛАВА I.

Первобытный коммунизм.

1. Жизнь первобытного человека.—Первые орудия производства.—В момент своего появления на земле человек мало чем выделялся из среды окружавшего его животного мира. О какой-либо собственно производительной деятельности в это время не могло быть и речи. Подобно животным, люди довольствовались исключительно той животной и растительной пищей, которую находили в данной местности и которую потребляли тут же на месте в сыром виде. Они питались плодами, ягодами, выкапывали съедобные клубни и корни, ловили насекомых, собирали червей и улиток, охотились на мелкую дичь, которую можно было схватить руками. Такова была обычная их пища. Более крупными животными удавалось овладеть человеку лишь после долгого преследования или нападая на них не в одиночку, а сообща целой толпой, подобно стаям животных хищников. Род питания первых людей зависел, таким образом, исключительно от богатства местности той или иной пищей, так же как и от счастья и удачи в поисках пищи.

Не имея обеспеченного пропитания, человек должен был постоянно менять свое местопребывание. Он не знал еще оседлого жилища, обычно довольствовался какими-либо естественными убежищами, походившими скорее на норы и логовища зверей, чем на собственно человеческое жилье. Пещеры, ветви деревьев, в лучшем случае наскоро сделанный из сучьев шалаш доставляли ему приют на ночь, служили защитой от холода и непогоды, укрывали в случае опасности.

Не производя ничего собственным трудом, пользуясь лишь тем, что находил вокруг себя в готовом виде, первобытный человек оказывался вместе с этим в полной зависимости от окружающих природных условий. В освобождении от этой зависимости и заключалось прежде всего значение всего дальнейшего развития. Первым шагом в этом направлении послужило применение хотя бы самых примитивных орудий. Однако, и этот первый шаг

был сделан далеко не сразу. Палка или камень, за которые человек инстинктивно хватался в погоне за дичью или в минуту опасности, долгое время составляли его единственное оружие нападения и защиты. Тот же камень и палка служили одинаково и для выкапывания из земли корней, червей и пр.

Как ни просты были эти орудия, однако, и они сыграли огромную роль в развитии первобытного человека. Чем чаще приходилось человеку прибегать к этим примитивным орудиям, тем более рука его в связи с этим преобразовывалась в специально хватательный орган и переставала служить ему в качестве органа лазанья или передвиженья, как у его полуобезьяньего предка. Единственной опорой при ходьбе сделались для человека его задние конечности, кисти которых вместе с этим развились в ступни ног. Из четвероногого, или точнее из четверорукого животного человек обратился, таким образом, в двуногое, и туловище его вместо горизонтального получило вертикальное направление, что, в свою очередь, имело огромнейшее значение для всего его дальнейшего развития, в частности для развития его черепа и мозга. Рука, вооруженная камнем или палкой, заменяла человеку многие другие органы животных: когти, клыки, сильные челюсти и пр. Камень увеличивал силу удара, служил для раскапывания земли, для разрывания добычи; палка удлиняла руку и позволяла, таким образом, действовать на расстоянии. Но если пользование примитивными орудиями способствовало образованию рук человека, то и обратно развитие рук сделало возможным дальнейшее развитие орудий. Благодаря своим свободным при всяком положении тела рукам, человек имел возможность заменить прежнюю необходимость телесной приспособляемости к окружающим условиям специальными приспособлениями и искусственными орудиями внетелесного происхождения. Камень и палка долгое время служили единственным орудием человека. Лишь медленно и постепенно, путем бесконечного ряда отдельных наблюдений пришел человек к мысли воспользоваться этими естественными данными для изготовления более специальных и отвечавших своему назначению орудий.

Десятки тысячелетий прошли, прежде чем человек научился обтесывать камень и, навязывая или насаживая его для увеличения силы удара на палку, придавать обделанному таким образом камню вид топора, копья, ножа, скребка, кирки для вскапывания земли (так-называемый старый каменный век). Немного лишь меньший срок понадобился на дальнейшее усовершенствование этих примитивных орудий. Важнейшее из этих усовершенствований заключалось в искусстве шлифовки, т.-е. сглаживании поверхности камня путем трения его о другой камень (новый каменный век). Изготовление такого шлифованного орудия требовало очень

продолжительного времени и больших усилий: более тщательная отделка какого - нибудь каменного орудия иногда производилась несколькими поколениями. И все же обработанное с таким трудом орудие все еще действовало плохо и слабо. Каменные копья и стрелы наносили лишь раны животным, но не убивали их. Работы, производившиеся при помощи каменных орудий, требовали невероятной затраты труда и времени. Это можно еще и теперь наблюдать на примере некоторых из современных дикарей, пользующихся каменными орудиями. Северо-американские индейцы употребляют, например, несколько лет на то, чтобы выдолбить из дерева челн, причем дерево иногда успевает загнить, ранее, чем работа будет закончена.

Точно так же далеко не сразу далось людям и их первое великое открытие, именно, открытие способа добывания огня посредством трения или высекания. В настоящее время не существует уже более народов, которые не знали бы употребления огня, но средства, применяемые для его получения, у большинства диких племен оказываются еще настолько сложными и трудными, что многие дикари, например, в Австралии, предпочитают переносить с собою горящие головни, чем разводить огонь на каждом новом месте стоянки. Но и научившись добывать огонь, люди не сразу оценили его полезные свойства и долгое время пользовались им исключительно, как источником света и тепла и средством защиты от диких зверей.

2. Первые общественные объединения.—Изолированное хозяйство.—Отсутствие прибавочного труда.—Необеспеченность существования и беспомощность в борьбе с окружающими опасностями заставляли первых людей держаться вместе более или менее значительными группами. Связи, обусловливавшие эти первые общественные объединения, основывались исключительно на кровном родстве и на общности происхождения. Причины, заставлявшие людей держаться вместе, были в сущности те же, что и причины, объединяющие животных в стада, именно, необходимость совместной защиты и совместной деятельности при добывании пищи. Возникновение таких объединений зависело прежде всего от окружающих внешних условий. Вот почему и самые размеры и прочность первых человеческих обществ точно так же зависели преимущественно от характера местности, от величины опасностей, которыми она угрожала человеку, от обилия или недостатка необходимых средств пропитания. Была данная местность богата разного рода пищей, требовали местные условия для добывания пищи совместной деятельности людей, и группы охотников, державшихся вместе, были там и более значительны и более постоянны и устойчивы. Напротив, пустынные и бедные пищей

местности не благоприятствовали образованию сколько-нибудь значительных групп, причем, в случае ухудшения условий питания, и эти небольшие группы легко распадались на отдельные семьи и даже на отдельных одиночек, на собственный риск и страх добывавших себе пропитание. Это мы можем наблюдать еще в жизни некоторых современных диких племен, живущих в неблагоприятных условиях. Так, бушмены, огнеземельцы, многие австралийские племена скитаются, по большей части, либо небольшими группами, либо отдельными семьями.

Первые объединения людей отличались, таким образом, своей малочисленностью и непрочностью. Даже наиболее крупные из них не могли быть особенно значительными. В то время, когда люди жили и питались только тем, что находили вокруг себя, когда они не знали еще ни земледелия, ни скотоводства, требовалось очень обширное пространство для пропитания даже сравнительно небольшой группы. Незначительность группы при обширности занимаемого ею пространства—такова прежде всего отличительная черта всякого первобытного общества. Каждая отдельная группа держится совершенно обособленно и изолированно от других. Между соседними группами никаких иных отношений, кроме враждебных, не существует. И чем многочисленнее вследствие естественного прироста становились отдельные группы, тем труднее было им добывать себе пищу, тем теснее чувствовали они себя на занимаемой ими территории, тем враждебнее вместе с этим становились их отношения с соседями и чаще должны были возникать столкновения.

Необходимость в обширной территории обусловливалась не только примитивными способами добывания пищи, но также и отсутствием какой-либо планомерной хозяйственной деятельности. Собственно хозяйственная деятельность начинается с собирания запасов, обеспечивающих будущее. Но на первых ступенях развития никакого хозяйства в этом смысле не было, да и не могло быть. В поисках за пропитанием человек довольствовался простым потреблением готовых естественных продуктов, не подвергая их какой-либо обработке. Примитивные орудия едва дозволяли ему прокармливать себя и обороняться от диких зверей. Весь труд, все время первого человека уходили на добывание необходимых в данный момент средств существования. Труд был, таким образом, исключительно необходимым трудом. Всякий прибавочный труд, т.-е. труд, производящий более, нежели то необходимо для поддержания жизни самого трудящегося в данный момент, отсутствовал. Самая мысль о таком труде, о заготовлении запасов на будущее время оставалась еще совершенно чуждой и незнакомой для первобытного человека. Еще и многие современные дикари отличаются полнейшей беспечностью относительно будущего. «Самая забота

о существовании, — говорит один путешественник о туземцах Нового Валлиса в Австралии,—никогда не идет у них далее настоящего момента. У них нет завтрашнего дня. Они едят и пьют, пробуждаются и ищут себе пищу». Дикарь трудится, таким образом, лишь постольку, поскольку это необходимо, чтобы не умереть с голода. Он не только не заготовляет никаких запасов, но не откладывает про запас даже тех излишков, какие случайно оказываются в его распоряжении. Если ему удается напасть на обильные пищей места или на крупного зверя, он не знает никакой меры и наедается до пресыщения. Насытившись же, бросает остатки, хотя, быть может, спустя короткое время при менее удачной охоте ему придется голодать целыми днями.

3. Простое сотрудничество.—Первобытный коммунизм.—Простоте орудий и зачаточному состоянию производительной деятельности соответствовала и столь же примитивная форма древнейшей организации труда. Ни о каком разделении труда, основанном на специализации отдельных производителей, не могло быть и речи. Каждый обладал теми же орудиями (первоначально камнем и палкой), каждый умел делать то же, что и другие, каждый добывал себе пищу одними и теми же способами. Отношения между людьми, объединенными в одну группу, представлялись, таким образом, в виде простого сотрудничества (кооперации). Единственное значение такого сотрудничества заключалось в том, что совместными силами легко можно было достичь результатов, оказывавшихся не под силу одному человеку, например, при облаве и охоте на более крупных животных, равно как и при обороне от крупных хищников.

Простое сотрудничество, объединявшее первых людей в более значительные группы, имело своей целью, таким образом, не обработку естественных продуктов, не производство в собственном смысле слова, но точно так же, как и труд и деятельность отдельных охотников, прежде всего добывание пищи. Все принимали одинаковое участие в общих охотничьих предприятиях, естественно, что и результаты охоты считались поэтому общим достоянием. Добыча делится между всеми участниками охоты и обычно тут же на месте и потребляется. Большее или меньшее счастье отдельных охотников при этом совершенно не принимается во внимание. И теперь еще у многих диких народов принято при находке какой-либо добычи сзывать остальных членов племени для совместного ее потребления. Частной собственности, собственности, принадлежавшей отдельным лицам, в те отдаленные времена еще не существовало. Самое представление о такой собственности не могло создаться, раз человек жил исключительно настоящей минутой, не задумываясь о будущем. Насы-

тившись, дикарь, как мы видели, бросает остаток пищи на произвол судьбы. Никому и в голову не приходило называть своими те средства пропитания, те дары природы, которые люди находили вокруг себя, так же, как и в настоящее время, никто не предъявляет прав собственности на солнечный свет или на воздух. Единственной собственностью при таких условиях могли быть только орудия, изготовленные самим человеком. И орудия, действительно, прежде всего обратились в предметы частной собственности. Однако, и это произошло не сразу, первоначально и орудия составляли предмет общего пользования всех членов данной группы охотников. Отношения, существовавшие внутри отдельных общественных соединений первых людей, могут быть охарактеризованы поэтому как отношения «первобытного коммунизма» [1]).

4. Зачатки разделения труда.—В обществе, где единственной возможной формой организации производства было простое сотрудничество, где не существовало никакого разделения труда, естественно, не было места и для каких-либо общественных подразделений, для каких-либо общественных классов. Древнейшее деление общества, так же как и само первобытное общество, основывается на естественных причинах, именно на различии возраста и пола. Возрастные группы определенно выступают еще у многих современных диких племен. Дети находятся на попечении матерей, отца они в большинстве случаев и не знают. Молодежь, не достигшая еще зрелого возраста и постепенно обучающаяся военным и охотничьим приемам под руководством старших, составляет вторую возрастную группу. Обычно молодые

---

[1]) Следы и пережитки первобытного коммунизма наблюдаются еще и в настоящее время среди многих диких народов. По рассказам путешественников, бушмены и огнеземельцы, получив в подарок или в обмен какую-либо вещь, делятся с другими членами своей группы. То же самое рассказывают и о калифорнийцах. У жителей Каролинских островов, островов Самоа, Дружбы, так же, как и у южно-американских индейцев и у многих других племен, двери жилищ широко открыты для каждого. Всякий нуждающийся в чем-либо единоплеменник, всякий проголодавшийся путник может зайти в любой дом и пользоваться всем, что найдет там, не спрашивая разрешения и даже не благодаря хозяев. Такие порядки существовали и у древних германцев и у славян. Обычай этот, описываемый большей частью наблюдателей, как широко развитое гостеприимство, на самом деле есть также не что иное, как отголосок времени, когда не существовало еще никакого представления о частной собственности вообще и все предметы находились в общем пользовании. Зато и к чужой собственности большинство дикарей относятся так же свободно. Путешественники часто жалуются на наклонность многих диких племен к воровству, хотя и в этом случае так же мало можно говорить о воровстве, как в приведенных выше примерах о гостеприимстве.

люди держатся обособленно, образуя нередко специальные союзы молодежи. По достижении известного возраста и после определенных испытаний молодые люди допускаются в группу взрослых трудоспособных мужчин. Лишь позднее, по мере того, как с развитием производительной деятельности все большую роль начинает играть опыт и руководство старших, выдвигается возрастная группа стариков — старейшин и вождей.

Рядом с возрастным делением существует еще деление по полу. Оба пола во всех возрастных группах обычно держатся обособленно. Хотя такое обособление мужской и женской групп вытекает прежде всего из чисто естественного полового различия, однако, оно основывается не только на этом различии, но и на выступающем уже очень рано различии в способах пропитания.

Первоначально такого различия почти не существовало. Лишь по мере того, как с развитием орудий простые поиски пищи уступали место более систематической охоте и преследованию дичи и мужчина вместе с этим все более превращался в охотника, выступало более определенно и различие в способах добывания пищи обоими полами. Охота требовала силы, напряжения, выносливости, и уже по одной этой причине оказывалась непосильной для женщин. Но и помимо такого чисто физического различия в силах охотничий образ жизни, связанный с постоянной переменой места, был менее доступен для обремененной детьми женщины, нежели для свободного в этом отношении мужчины. Семейной жизни в собственном смысле в те отдаленные времена еще не существовало. Забота о детях лежала поэтому исключительно на матери. А имея постоянно при себе ребенка, женщина не могла так же свободно гоняться за дичью, как охотник-мужчина. Вот почему в то время, как мужчины питались преимущественно мясом убитых ими животных, женщины вынуждены были попрежнему довольствоваться собираемой ими с деревьев или выкапываемой из земли растительной пищей. Это не было еще разделение труда в собственном смысле, но скорее различие в способах питания. Каждый обычно потреблял свою добычу на месте, и охотники-мужчины не имели обыкновения делиться своей пищей с женщинами.

Благодаря такому различию в способах питания, мужчины и женщины привыкали держаться отдельно и обособленно. При этом у мужчин, благодаря постоянному сотрудничеству и совместным действиям во время охоты, равно как совместному потреблению добычи, соответственно гораздо сильнее развита была и привычка к общественной жизни. У многих современных диких народов существуют специальные мужские дома, являющиеся местом общих трапез, ночлега и, наконец, обычного времяпрепровождения мужчин. Такие мужские дома встречаются

в Австралии и в Меланезии, частью на островах Индийского архипелага, наконец, среди индейских племен Бразилии. В Африке, где большая часть негрских племен перешла уже от охоты к земледелию и скотоводству, особые мужские дома в настоящее время попадаются редко, но многие пережитки свидетельствуют, что ранее и здесь они были широко распространены. Следы обособления мужчин можно встретить даже и в некоторых обычаях исторических народов. Таковы, например, общеизвестные спартанские сисситии. Женские союзы и специальные дома для женщин встречаются значительно реже. Обыкновенно женщины с детьми живут каждая в особой хижине.

ГЛАВА II.

Родовая община.

1. Примитивное земледелие и начало хозяйственной деятельности.—Матриархальная община.—Различие в способах питания превратилось в настоящее разделение труда лишь с того времени, когда от простого собирания и потребления пищи на месте люди перешли к более планомерной хозяйственной деятельности. Первый шаг в этом направлении сделан был женщинами. Связанные детьми, они уже очень рано начали вести полуоседлый образ жизни, устраивая для себя и для детей жилище и поддерживая в этом жилище постоянный огонь. В то же время забота о детях и самый род пищи, созревавшей лишь в определенное время года, заставлял женщину-мать быть более предусмотрительной и откладывать собранные излишки в виде запасов на будущее время. От простого собирания запасов естественно было в свою очередь перейти к специальному разведению и посеву питательных растений.

Наблюдая, что из случайно оброненных зерен или брошенных клубней вырастают новые растения, женщины стали специально разбрасывать зерна и, таким образом, производить посев. Дальнейшее наблюдение, показавшее, что на взрыхленном месте семена дают лучший урожай, навело их на мысль о подготовке почвы для посева. Такая подготовка, состоявшая первоначально в простом вскапывании земли, производилась исключительно руками при помощи тех же примитивных орудий, которые служили для выкапывания из земли съедобных корней. Вся внутренняя Африка и Полинезия, несмотря на широкое распространение там земледелия, обходятся совершенно без употребления плуга. Сперва начинают возделываться такие растения, которые сами обращают

на себя внимание быстротой роста и урожайностью. Таковы маис и кукуруза в Америке, особое растение сорго, известное также под названием негритянской ржи—в Африке и рис—в Азии. Маис в одно лето вырастает до восьми футов, дает урожай 180 и 200. Не меньшей урожайностью отличается и сорго, достигающее в вышину 16 футов. В Египте особое распространение получило просо. В северных странах ранее других злаков начали сеять ячмень. На островах Тихого океана и в Индийском архипелаге широко распространена также культура хлебного дерева, банана, кокосовой пальмы.

Земледелие еще более привязывало женщин к месту, между тем как мужчины продолжали свой охотничий бродячий образ жизни. Такое различие в условиях жизни до сих пор наблюдается у многих племен Бразилии и различных местностей Африки. Район охоты, однако, с течением времени стеснялся все более, результаты охоты вместе с этим становились менее успешными и менее надежными. И в то же время даже примитивное земледелие, культивируемое женщинами, доставляло хотя и скудное, но достаточное и притом обеспеченное пропитание. В случае неудачи, охотникам все чаще приходилось пользоваться собранной женщинами растительной пищей. В свою очередь, и они сами начинают приносить домой свою добычу, часть которой в высушенном виде также откладывается про запас. Так впервые создаются условия для совместного хозяйства с настоящим разделением труда. У многих земледельческих народов внутренней Африки мужчины продолжают еще держаться обособленно, но пищу они получают уже от женщин. Такое же совместное хозяйство существует и среди большей части северо-американских племен, у которых охота составляет занятие мужчин, земледелие—женщин.

Планомерная хозяйственная деятельность, основанная уже не на простом сотрудничестве, а на хотя бы еще и слабо выраженном разделении труда, в гораздо большей степени, нежели исполненный случайностей охотничий образ жизни, обеспечивала существование и в то же время теснее связывала между собою членов каждой отдельной группы. С большей обеспеченностью существования и с установлением более прочных связей сделались возможными и более обширные и более устойчивые общественные объединения. На место первобытной подвижной и легко распадающейся орды становятся род и родовая община, отдельные члены которой не только находятся между собою в родственных отношениях, но и связаны общностью хозяйственных интересов. Несколько близких между собою родов образуют племя. Численность отдельных северо-американских племен достигает 10.000 человек, поселения же заключают в себе по несколько сот жителей. Хозяйство в родовой общине ведется попрежнему еще на коммунисти-

ческих началах. Только орудия и украшения и то не всегда составляют предмет частной собственности.

Видное значение, какое приобретают в хозяйстве добываемые женщинами растительные продукты, с одной стороны, первенствующая хозяйственная роль женщин, с другой, поднимают значение женской группы и нередко создают условия для господствующего положения женщин (так наз. матриархата). Повсюду, где существует примитивное женское земледелие, — в С. Америке, во внутренней Африке, в Полинезии, женщины пользуются большим почетом и уважением. Родство обычно считается не по мужской, как впоследствии, а по женской линии. В отдельных, правда, редких случаях женщины и фактически стоят во главе рода и даже племени в качестве вождей. Чаще роль вождя играет ближайший родственник, брат «матери», старшей в роде женщины.

2. Возникновение скотоводства.—Как земледелие, возникшее из собирания растительной пищи, было первоначально исключительным занятием женской группы, так, напротив, скотоводство, развившееся из охоты, составляло преимущественное занятие мужчин. Причины, вызвавшие переход от исполненного случайностей охотничьего образа жизни к приручению и специальному разведению животных, заключались прежде всего в абсолютном перенаселении, т.-е. в росте населения, делавшем границы участка охотничьей группы слишком для нее тесными. Однако, как и всякий другой шаг вперед в развитии первобытного человека, приручение животных явилось результатом не какого-либо преднамеренного действия, но целого ряда случайных совпадений и наблюдений.

Первыми прирученными животными были, по всей вероятности, детеныши, следовавшие за своей убитой матерью или подобранные людьми ради забавы. Первоначально человек вообще держал животных при себе не столько ради пользы, сколько ради забавы. Зачастую это были совершенно бесполезные животныя. В шалаше бразильского индейца можно встретить ручных обезьян, попугаев, даже ящериц. Первым полезным домашним животным была собака, за собакой последовательно были приручены домашние птицы и мелкий скот — коза, овца, свинья, осел, и, наконец, затем уже только крупный рогатый скот и лошадь. Приручение больших стад обычно совершается таким образом, что охотники первоначально только следуют за пасущимися стадами, затем места пастбища обносятся изгородью, так что животныя уже не могут их покинуть, и лишь после этого развивается скотоводство в собственном смысле с постоянной сменой места пастбищ и с систематическим разведением скота.

Содержание больших стад возможно лишь там, где имеется достаточное количество травянистой растительной пищи. Вот почему настоящее скотоводство, связанное с кочевым образом жизни, успело развиться лишь в степных равнинных местностях Азии и восточной Африки. В большинстве же случаев оно соединяется с земледелием и с охотой, являясь первоначально простым дополнением этой последней. Охотничий инстинкт еще долгое время дает себя знать в хищнических набегах на стада соседей. Спор из-за пастбищ представляет другой не менее частый повод к кровавым столкновениям между соседними племенами. Война, таким образом, так же неизбежно связана со скотоводческим, как и с охотничьим образом жизни. Она доставляет скотоводам новые стада, а вместе с этим и военнопленных рабов, труд которых только теперь впервые начинает цениться и применяется по преимуществу для надзора за стадами.

3. Развитие орудий и техники производства.—Разделение труда.—Переход от простого разыскивания случайной пищи к планомерному хозяйству, от простого потребления готовых продуктов к производительной деятельности и к заготовлению запасов сопровождался и соответственным развитием техники Человек научился изготовлять себе более усовершенствованные и более отвечавшие своему назначению орудия и инструменты, обзавелся различной хозяйственной утварью, вместо звериных шкур начал одеваться в специально сотканные одежды, устроил себе более удобное и прочное жилище.

С открытием искусства плавки металлов орудия стали делать уже не из камня, а из бронзы, т.-е. из сплава меди с оловом, прибавлявшейся для придания меди большей твердости (так наз. бронзовый век), и, наконец, после того как найдена была железная руда, и из железа (железный век). Первым предметом утвари были, повидимому, плетеные корзины, употреблявшиеся для собирания и хранения запасов пищи. С искусством варки появляется и глиняная огнеупорная посуда. Первоначально это была та же плетушка, обмазанная глиной для того, чтобы ее можно было ставить на огонь, впоследствии стали лепить горшки и прочую утварь прямо из глины, еще позже вошел в употребление гончарный круг. То же плетение из дерева послужило образцом и для искусства тканья, после того как женщины обратили внимание на волокнистые стебли конопли и льна и научились делать из них пряжу и тянуть нитки. Одежда из холста заменила вместе с этим прежние звериные шкуры. Одновременно мужчины начали обделывать кожи, вместе с чем появилось кожаное производство.

Не довольствуясь уже более случайными естественными убежищами, человек стал устраивать себе специальные жилища.

Сплетаемые из веток заслоны от ветра составили первый шаг в этом направлении. В дальнейшем такие плетеные стенки начали обмазывать глиной или обшивать корой. Настоящие деревянные постройки так же, как и постройки, сложенные из камня, появляются еще позднее. Для безопасности от диких зверей человек устраивал эти первые свои жилища на сваях над водой, а иногда и на суше. Следы таких так-наз. свайных построек открыты в Европе (на Цюрихском озере в Швейцарии). Подобные же свайные постройки встречаются и у многих современных диких народов, в особенности на островах Малайского архипелага. Жилища скотоводов кочевников приспособлены к их подвижному образу жизни и устраиваются таким образом, чтобы их легко можно было разбирать и перевозить.

Прогресс в способах добывания пищи и в производительной деятельности повлек за собою и дальнейшие изменения в формах организации труда. Родовая группа становится обширнее и сплоченнее. Разделение труда между мужчинами и женщинами выступает с большей определенностью. Мужчины — по преимуществу охотники и скотоводы. Пастух-владелец стад гордится своим богатством, он не допускает женщин к скоту, сам и ухаживает за ним и доит его. Женщинам предоставляются исключительно домашние работы, при смешанных формах хозяйства на них же лежат сверх того все земледельческие работы.

Как и в первобытной общине, каждый пол самостоятельно изготовляет необходимые для своей хозяйственной деятельности инструменты и орудия. Плавка металлов, кузнечное ремесло, изделия из дерева, обработка кож — все эти и подобные работы выполняются мужчинами. Изготовление домашней утвари и прежде всего гончарное ремесло, напротив, дело женских рук. В Африке, Америке, Меланезии и Полинезии гончарные изделия производятся почти исключительно женщинами. Прядение и ткачество в большинстве случаев также женские работы. Плетением занимаются оба пола. Сохраняется отчасти еще и древнее обыкновение, согласно которому женщина, на которой лежит все домоводство, берет на себя и постройку самого жилища. У многих африканских племен женщины играют немаловажную роль при постройке и внутреннем устройстве жилищ; у скотоводов Азии женщины точно так же принимают ближайшее участие в разбивке шатров.

Разделение труда не ограничивается уже различием в деятельности обоих полов. Чем разностороннее и разнообразнее становилась хозяйственная жизнь общины, тем сложнее делалось и разделение труда. Рядом с охотниками, скотоводами выступают специалисты по выделке разного рода орудий и хозяйственных предметов, вместе с чем впервые зарождается ремесло. Первона-

чально в качестве ремесленников выступают непригодные для войны старики и инвалиды. Рядом с ними с течением времени все чаще появляются более способные и искусные мастера. На первом месте стоит при этом изготовление оружия и кузнечный промысел, затем обособляются также в качестве особых ремесел строение лодок, домов, вязанье сетей, резьба по камню и по дереву, дубление кож, изготовление разного рода домашней утвари. Нередко случается, что, в зависимости большею частью от местных условий, целые общины, целые деревни посвящают себя какому-либо известному ремеслу. Так, в местностях, богатых рудой, возникает кузнечный промысел, в местностях, богатых лучшими сортами глины, — гончарный. В первом случае все или почти все мужчины данной общины или даже племени становятся кузнецами, во втором случае все женщины посвящают себя гончарному ремеслу. В других общинах, также в зависимости от местных условий, развивается добыча соли, выработка пальмового вина (у некоторых южно-африканских народов), изготовление челнов, оружия, выделка тканей, плетение гамаков, цыновок, корзин и пр. С развитием такого группового ремесла разделение труда выходит уже за пределы отдельных общин и, становясь междуобщинным, служит, как увидим, одной из причин первоначального возникновения междуобщинного обмена и междуобщинной торговли.

4. Патриархальная родовая община.—Патриарх-организатор.— Начало эксплоатации.—В связи с расширением общины, с развитием разделения труда внутри нее, с необходимостью заботиться о заготовке и хранении запасов создается потребность в едином планомерном руководстве всей хозяйственной деятельностью общины. В первобытной орде при простом сотрудничестве такое руководство требовалось лишь временно во время крупных облав или охоты и военных экспедиций, и потому, временно же, и исполнялось отдельными более предприимчивыми членами племени. В сложном хозяйстве родовой общины, напротив, нужда в руководстве становится и более постоянной и более настоятельной. В результате от исполнительского, т.-е. собственно производительного труда всех членов рода обособляется специально организаторская деятельность лица, стоящего во главе общины. Руководя всей хозяйственной жизнью общины, организатор не принимает уже непосредственного участия в производительном труде.

Поскольку такая организаторская роль становится необходимой уже на первых ступенях развития при существовании матриархальных родов, роль эта выполняется обычно дядей по матери, т.-е. ближайшим родственником старшей в роде женщины. С развитием скотоводства и с переходом от примитивного земледелия к плужной обработке земли выдвигается значение отца-владельца

стад и землепашца. Вместе с этим возникает патриархальная родовая община с более или менее исключительной властью отца-патриарха над остальными членами рода. Патриарх становится во главе рода, организует всю хозяйственную деятельность, распределяет труд и обязанности так же, как и хозяйственные продукты между отдельными членами рода. Патриархальный род охватывает несколько семейств, имеющих общее происхождение и продолжающих вести совместную жизнь и совместное хозяйство.

В дальнейшем единый первоначально род распадается на отдельные семьи. Почти у всех известных нам пастушеских народов родовая община оказывается уже распавшейся. Однако, в тех отдельных семьях, на которые распадается род, обычно еще в течение долгого времени сохраняются прежние родовые порядки. Каждая из них в большинстве случаев состоит из нескольких поколений родственников, ведущих совместное хозяйство на коммунистических началах. От первоначального собственно родового единства у многих пастушеских народов сохранилась еще общая собственность родственных семей на пастбища и некоторые обычаи, свидетельствующие о существовании некогда среди них такой же собственности и на скот. У многих кочевых племен выбор пастбищ и определение времени перекочевки зависит от племенного или родового старейшины.

В результате обращения от случайного собирания пищи к земледелию и скотоводству, с одной стороны, развития техники и разделения труда, с другой, в значительной степени повысилась производительность труда. Теперь уже не все время уходило на удовлетворение только потребностей данной минуты. Рядом с необходимым появляется, таким образом, прибавочный труд, который может быть употреблен на изготовление некоторых излишков, образующих хозяйственные запасы, на более совершенную и тщательную отделку орудий и пр.

С возникновением прибавочного труда впервые появляется возможность эксплоатации чужого труда. Пока труд человека был только необходимым трудом, пока все его время уходило на то, чтобы поддерживать свое собственное существование, для пользования чужим трудом, естественно, не оставалось места. Только после того как человек начал производить более, чем то было необходимо для него самого, сделалось возможным присвоение продуктов чужого прибавочного труда. Соответственно различным способам такого присвоения и первоначальная эксплоатация выливалась в различные формы. Самой простой и непосредственной формой эксплоатации чужого труда является рабство. Военнопленные не избиваются и не истребляются, как ранее, но обращаются в рабство. Рабы и рабыни помогают женщинам в их земледельческих и других хозяйственных работах, ходят за ско-

том, перетаскивают тяжести, выполняют различные более тяжелые и неприятные работы. Другой способ эксплоатации представляет подчинение всего побежденного племени с возложением на него обязанности уплачивать известную дань. Дань в сущности есть не что иное, как уступка со стороны зависимого племени в пользу победителя части продуктов прибавочного труда. Третья форма эксплоатации развивается внутри самой патриархальной общины. Именно, по мере того как патриарх-организатор и его семья все в меньшей степени принимают непосредственное участие в производительной деятельности, источником их существования вместе с этим становится прибавочный труд других членов общины. С течением времени по мере расширения границ общины и усложнения ее общественного устройства рядом с семьей патриарха выдвигаются другие близкие к нему правящие семьи, находящиеся в таком же привилегированном положении и образующие, таким образом, зародыш господствующего класса.

Б. Развитие частной собственности.—Возникновение обмена.— Пока человек пользовался только тем, что давала ему окружающая природа, не было и не могло быть никакого представления о частной собственности. Лишь с началом собственно производительной деятельности появляется и частная собственность. Первыми предметами собственности были орудия и оружие. Мало того, что это были изделия собственных рук человека, они всегда могли ему потребоваться и потому он постоянно должен был иметь их при себе. Впоследствии, когда люди перешли к планомерной хозяйственной деятельности, все хозяйственные предметы, равно как и запасы пищи, естественно, стали считаться принадлежностью каждого отдельного хозяйства, каждой отдельной родовой или семейной общины. Прирученный скот точно так же не рассматривался уже более, подобно диким животным, как добыча всякого счастливого охотника, но составлял предмет родовой или с распадением рода семейной собственности, в конце же концов обращался в частную собственность глав отдельных семей. С обращением военнопленных в рабство появляется собственность на людей.

Позднее всего развивается земельная собственность. Представление о собственности на землю менее всего могло сложиться у первобытного охотника, постоянно менявшего свое местопребывание. Землей непосредственно он не пользовался, и потому она и не представляла в его глазах никакой ценности. Однако, чем более росло население, тем теснее становилось отдельным группам охотников внутри их охотничьей территории, тем труднее было добывать им необходимую пищу. Каждая отдельная орда начинает поэтому предъявлять права на известный район охоты, куда старается не допускать соседей. Право орды на

район охоты не представляет еще, впрочем, собственности на землю, но лишь на обретающуюся в районе ее дичь. Такое же право на пастбища всей родовой общины существует и среди скотоводов. И у этих последних признается, однако, лишь родовая или племенная, но не частная собственность на пастбищные земли. Пастбища, как мы уже знаем, остаются в общей собственности рода и после того, как стада перешли уже в собственность отдельных семейных общин. Примитивное земледелие еще менее, чем скотоводство, могло послужить основой для возникновения частной собственности на землю, так как и само это земледелие не было еще оседлым. После нескольких посевов почва истощалась, и тогда ее покидали и переходили на новое место. Право собственности ограничивалось поэтому лишь посевами, но не распространялось на самую землю. На описываемой ступени развития существовала, таким образом, только общественная, но не частная собственность на землю.

С появлением частного имущества возникает и имущественное неравенство. Пока собственность ограничивалась предметами вооружения или украшения, имущественное неравенство не могло еще иметь большого значения. Совсем другое дело у скотоводов. Там, где все благосостояние человека зависит от числа принадлежащих ему голов скота, естественно, и имущественное неравенство приобретает исключительное значение. Вот почему только у пастушеских народов впервые выступает различие между имущими и неимущими, между богатыми и бедными.

Развитие производительной деятельности, повлекшее за собою решительную перемену как в формах организации труда, так и в общественных условиях, существовавших внутри каждой отдельной группы, не осталось в конце концов без влияния и на характер взаимоотношений между различными общественными группами. С возникновением скотоводства и земледелия, с развитием производительной техники рядом с охотничьими племенами появляются племена и общины, достигшие более высокой техники в обработке тех или иных орудий и изделий. Разделение труда не ограничивается уже, таким образом, пределами отдельных общин, но распространяется и на междуобщинные отношения. Хозяйственные продукты отдельных общин оказываются теперь совершенно различными. Охотничьи племена имеют мясо и шкуры, скотоводы сверх того молоко и молочные продукты, шерсть, щетину и пр., земледельцы получают со своего хозяйства хлеб, крупу, различные плоды и овощи, одни общины выделяются своим искусством в изготовлении оружия, другие своими гончарными изделиями. В то же время возникновение прибавочного труда сделало возможным не только заготовление запасов, но и появление хозяйственных излишков. У одних общинных групп образуется, таким образом,

излишек продуктов, в которых у других, напротив, ощущается недостаток.

Благодаря такому накоплению излишков в одних общинах при недостатке соответствующих продуктов в других, возникала необходимость в распределении и перераспределении этих продуктов уже не между членами каждой отдельной общины, но и между различными общинами. Распределение это не могло уже, однако, совершаться в организованной форме, как внутри отдельных общин. Единственной возможной формой перераспределения хозяйственных продуктов между общинами является взаимный обмен излишками. Если племена, обладавшие различными хозяйственными продуктами, оказывались соседями, возникновение обмена между ними в конце-концов становилось неизбежным. Вместе с этим и прежние враждебные отношения должны были смениться более мирными и постоянными сношениями. Враждебные отношения были преодолены, однако, далеко не сразу. Первоначально обе стороны из опасения одна другой избегают непосредственных сношений. Обмен совершается при посредстве так-наз. немой торговли. Одна из сторон раскладывает в условном месте свои товары и удаляется, после чего является другая сторона и кладет рядом предлагаемые в обмен продукты. Первая группа, осмотрев их, либо берет с собою, оставляя свои товары, либо вновь удаляется, что равносильно требованию прибавки. Обе стороны поочередно являются на место торга иногда по нескольку раз, прежде чем мена состоится. На Курильских островах, на Суматре, Цейлоне, в Андах—в Америке, у различных африканских народов такая немая торговля сохраняется отчасти и до настоящего времени. В других местах, например, на островах Полинезии, она существовала 100—150 лет назад. О немой торговле упоминается и у некоторых писателей древности так же, как и в нашей летописи. В других случаях обменивающиеся стороны в полном вооружении располагаются на определенном расстоянии одна от другой, самый же обмен производится на нейтральной полосе между ними.

С течением времени на границах между отдельными племенами устанавливаются для производства торговли специальные рыночные места, в пределах которых воспрещаются, иногда под страхом смертной казни, всякие вооруженные столкновения. Обмен во всех этих случаях производится исключительно товар на товар. При этом обмениваются первоначально между собою не отдельные лица и члены общины, но сами общинные группы в целом. Торговля между частными лицами становится возможной лишь с возникновением частной собственности и с упрочением мирных отношений соседних групп. В дальнейшем, по мере развития собственности, частный обмен начинает вытеснять обмен между-

племенной и междуобщинный, пока не становится, наконец, преобладающей и даже единственной формой обмена.

С ростом частной торговли непосредственный обмен продуктов на продукты становится все более неудобным. Для того, чтобы в каждом отдельном случае такой обмен мог состояться, оба участвующие в нем лица должны взаимно нуждаться в предлагаемых продуктах или предметах. К каким неудобствам нередко приводит такая форма торговли, свидетельствует случай с путешественником Камероном, имевший место в Африке на озере Танганаике. Камерону нужна была лодка. Продавец желал получить за нее слоновую кость, тогда как Камерон мог предложить только проволоку. Пришлось последовательно обменять у нескольких лиц, конечно, не без хлопот и поисков, проволоку на сукно, сукно на слоновую кость, и только тогда оказалось возможным уплатить за лодку.

Выход из подобных затруднений мало-по-малу был найден в признании некоторых определенных предметов общим мерилом ценности. Такие предметы принимаются всеми и заменяют наши деньги. Само собою разумеется, что это должны быть наиболее ходкие товары. У скотоводов таким мерилом ценности чаще всего является скот; у других народов ту же роль выполняют самые разнообразные предметы: сушеная рыба, раковины, служащие предметом украшения (в Африке), одеяла, бобровые шкуры (в Америке), шкуры куниц (в древней Руси), бруски поваренной соли, плитки кирпичного чая (в центральной Азии), и, наконец, куски драгоценных металлов, из которых впоследствии много позднее стали изготовляться настоящие денежные знаки.

ГЛАВА III.

Патриархальная земледельческая община.—Соседская община.

1. Успехи земледельческой техники.—Начало оседлости.— Следующий шаг в истории труда представляет переход от примитивного земледелия к хлебопашеству и к плужной обработке земли. Шаг этот был сделан лишь после того, так земледелие из женского обратилось в преимущественное занятие мужчины. Разведение скота, по крайней мере, в широких, в достаточной мере обеспечивающих существование размерах далеко не везде одинаково возможно. В местах лесистых, болотистых и вообще лишенных обширных и удобных пастбищ, наконец, при известной густоте населения, и скотоводство оказывается либо невозможным, либо,

во всяком случае, недостаточным. Земледельческий труд вместе с этим приобретает первенствующее значение в хозяйстве. В земледельческих работах принимает участие не только женская, но и мужская половина родовой или племенной группы. У некоторых племен Африки и Южной Америки участие мужчин в земледелии выражается прежде всего в расчистке места под посевы: они вырубают и выжигают леса, предоставляя остальные работы женщинам. У многих других племен самая обработка почвы и посевы производятся совместным трудом обоих полов. В работе участвуют по несколько десятков и даже свыше ста человек. Мужчины обычно идут впереди и железными или чаще деревянными мотыками разрыхляют почву, женщины, следуя за ними, разбрасывают зерна и покрывают их землею. Такой совместный способ обработки встречается одинаково во всех частях света, в Америке, в Африке, на островах Индийского архипелага и Тихого океана, на Новой Гвинее, в Новой Зеландии. Так же коммунистически общим трудом производилась обработка полей и у древних германцев времени Цезаря и Тацита, равно как и у древних славян.

Приемы обработки при этом оставались самые примитивные. При помощи первобытной деревянной копалки земля обрабатывалась лишь поверхностно, удобрения никакого не применялось. Единственное удобрение составляла зола от выжженного леса. Почва, благодаря этому, быстро истощается и перестает приносить урожай. Тогда приходится покидать истощенный участок и переходить на новые места. Само собою разумеется, такое упрощенное «подсечное» или «огневое» земледелие возможно лишь там, где для этого имеется еще достаточное количество свободной земли, и, например, в северных губерниях России с их обширным лесным простором и редким населением оно широко практиковалось еще не далее, как в прошедшем столетии.

С ростом населения и распашки свободного пространства оставалось все менее, занимать новые места становилось труднее. Благодаря этому, представлялось необходимым переходить к более тщательной обработке. Землю начинают удобрять, истощенные участки оставляют в течение нескольких лет под паром. Изменяются самые орудия и способы обработки. Вместо того, чтобы делать ямки при помощи первобытной мотыки, стали проводить борозды, волоча по земле суковатую палку. Сук иногда снабжался каменным наконечником. Палка с суком послужила прообразом деревянной сохи. С появлением искусства обработки железа деревянное острие сохи заменено было железным. Так получился плуг. Вместе с этим обработка земли стала производиться уже не руками, а при помощи упряжного скота, сначала быков и волов, позже лошадей. Земледелие становится теперь мужским

занятием. Самое изобретение и изготовление сохи и плуга было делом не женщины, но мастеров - мужчин, опытных в изготовлении всякого рода оружия и орудий. С улучшением способов обработки почвы совершенствуются и способы переработки полученного зерна и прежде всего молотьбы и размола. Простое растирание зерна заменяется ручными и впоследствии водяными и ветряными мельницами, развивается искусство печения хлеба. Вместе с этим обособляются профессии мельника и пекаря.

С началом хлебопашества открывается новая эпоха в жизни человечества. Кочевой и бродячий образ жизни сменяется постоянной оседлостью. Земля уже не покидается более, а, напротив, передается детям и внукам. На место первобытной бродячей или кочевой орды становится земледельческая община.

Первоначально оседание на месте происходит родовыми группами, и обработка земли точно так же производится совместно членами рода. Такая совместная обработка существовала у древних германцев; в Англии, как о том свидетельствуют ее древнейшие законодательные памятники, распашка также производилась сообща целыми деревнями. Наша древняя летопись сообщает о полянах, что они жили вместе родами и совместно же владели землей.

2. Земледельческая родовая и семейная община.—Пока требовалась предварительная расчистка и выжигание или выкорчевывание первобытных дремучих лесов, пока самые земледельческие работы производились примитивным ручным способом, общественная обработка земли представлялась необходимой. С переходом к оседлому земледелию расчистка новины прекращается, распашка плугом требует не более одного-двух работников. Совместный общий труд становится, таким образом, ненужным, и общее родовое хозяйство начинает распадаться на отдельные семейные хозяйства. Вместо единого рода образуются обширные неразделеные семейные общины, обнимающие несколько поколений родственников, вплоть до внуков и правнуков родоначальника и главы— «отца». Неразделеные семейные общины на известной ступени развития существуют у всех народов, у народов Востока, в Греции, в Спарте, так же как в Афинах, в Риме, у кельтов, германцев, славян. В Шотландии, Ирландии, в английском Уэльсе семейно-общинное устройство держалось в течение долгого времени до XVII и частью даже до XVIII столетия. Южно-славянская задруга сохранилась частью еще до настоящего времени. На русском Севере в XVI—XVII веках семейная община представляла господствующий тип земледельческих поселений. Обширные семьи в несколько десятков членов встречались в России нередко еще в самое недавнее время.

Обработка земли и посев в семейной земледельческой общине составляют, как уже сказано, преимущественно мужское занятие. На женщинах с этого времени лежит исключительно ведение домашнего хозяйства. Мужской, а не женский труд образует, таким образом, главный источник пропитания, вместе с тем и все устройство общины приобретает патриархальный характер. «Всяк отец над челядью владыка. Мужи пашут, жены шьют одежду. А умрет глава, начальник дома,—дети вместе начинают править и становят над собой владыку», так изображаются семейные порядки в одной старинной чешской песне. Во главе спартанской семейной общины стоял отец или старший брат — «поддержатель семейного очага», древне-римская familia была типичной патриархальной семьей с безграничной властью отца (pater familias). В славянской задруге хозяйством распоряжается «домачин», старший по возрасту или избранный «владыка дома», в русской семье ту же роль играет «хозяин», «старшой», «большак».

Земля не только составляет общую собственность всей семейной общины, но и возделывается сообща; орудия и прочие хозяйственные предметы также принадлежат всей общине. Мужчины выполняют строительные и другие внедомашние работы, пашут и сеют, женщины ведут все домашнее хозяйство, прядут, ткут, готовят одежду для всех членов семьи, в южно-славянской семье они изготовляют мыло, свечи и даже некоторые лекарственные средства. Как труд, так и потребление — общее. Всякий член семьи имеет равное с прочими право на помещение, пропитание, одежду.

3. Возникновение соседской деревенской общины.—Связь между отдельными семейными общинами, на которые распадается первоначально единый род, не порывается сразу. В большинстве случаев родственные семьи продолжают жить рядом в ближайшем соседстве, сохраняется и общее владение землей. Обработка полей производится, однако, раздельно с перераспределением пахотных участков через известные промежутки времени, соответственно изменяющейся численности отдельных семей; между родственными семьями появляются пришлые поселенцы. Родовая связь вместе с этим утрачивает всякое хозяйственное значение и с каждым поколением ослабевает и забывается. Связь по родству превращается в связь по соседству, родовая земледельческая община в общину деревенскую — соседскую («общество», «мир» в России, «марка» на Западе).

Общинная собственность на землю с периодическими переделами первоначально и иногда в течение долгого времени сохраняется и в соседской общине. Все непахотные земли, леса, сенокосы, выгоны, пустоши находятся не только в общем владении,

но и в общем пользовании. У нецивилизованных народов общинные порядки почти не встречаются. Полного своего развития община достигла лишь у исторических народов Европы и Азии. В России и Индии земледельческая община с периодическими переделами существовала еще недавно, а местами сохранилась и до настоящего времени. В Шотландии, Ирландии, английском Уэльсе, где древние порядки держались особенно долго, земля переделялась еще в XVII и XVIII, а частью и до средины прошедшего столетия. В континентальной Европе общинные порядки вообще просуществовали самое короткое время и давно уже исчезли. Но происходящие время от времени, правда, в отдельных исключительных случаях переделы напоминают о существовавшем некогда и здесь общинном владении землей.

Чем более обособляется отдельное хозяйство, чем более труда и затрат вкладывает каждый отдельный земледелец в возделываемый им участок, тем с большим основанием начинает он считать этот участок своим. Общинное владение землей вместе с этим теряет всякую силу и значение. Переделы пахатной земли производятся все реже и, наконец, прекращаются вовсе. От первоначального общинного владения землей сохраняется еще в течение некоторого, иногда довольно продолжительного, времени только общая собственность на непахотные земли. Переход от общинной к частной собственности на землю совершался тем ранее и быстрее, чем ранее и быстрее заканчивался в данной местности процесс оседания населения. Вот почему в Западной Европе развитие частной земельной собственности происходит ранее, чем в России, в России южной ранее, чем в северной.

Всякая родовая или семейная община, благодаря своим обширным размерам легко могла удовлетворять всем своим хозяйственным потребностям, и хозяйство ее представляло, таким образом, чистый тип замкнутого и самодовлеющего натурального хозяйства. В деревенской общине единое родовое хозяйство делится сначала на отдельные крупные семейные хозяйства, впоследствии же и крупные семейные общины путем разделов распадаются на небольшие семьи с ограниченным числом членов. Силы каждой отдельной семьи вместе с этим сокращаются, и разделение труда внутри нее не может уже производиться с такой же исчерпывающей полнотой, как в обширных родовых или семейных союзах. С другой стороны, и техника производства различных хозяйственных изделий с переходом к земледелию и оседлости становится много сложнее. Многие необходимые в хозяйстве предметы и прежде всего орудия обработки земли не могут уже поэтому изготовляться домашними средствами. В связи с этим в деревенской общине появляются специалисты-ремесленники: кузнецы, сапожники, гончары, плотники, мельники. Первоначально это те же

земледельцы, занимающиеся ремеслом в часы досуга. С течением времени, однако, они оставляют занятие земледелием и посвящают себя исключительно ремесленному труду. Такие странствующие ремесленники либо переходят из села в село, либо, живя на месте, обслуживают исключительно население своей общины.

Сравнивая хозяйственную и производительную деятельность земледельческой общины с хозяйственными формами предшествовавшей ступени развития, мы находим заметный прогресс как в способах производства, так и в формах организации труда. Простое собирание пищи и скотоводство отступают на задний план перед земледелием, в котором видное место занимает собственно производительная деятельность человека. В способах самой земледельческой культуры сделаны крупные успехи в виде трехпольной системы, с одной стороны, и перехода к плужной обработке земли,—с другой. Но чем большую роль в производительной деятельности начинает играть человеческий труд, чем независимее чувствовал себя человек от условий окружающей природы, чем производительнее с успехами техники становился самый труд, тем все более и более вместе с этим оказывалось излишним и первоначальное простое сотрудничество, имевшее смысл лишь в то время, когда силы отдельного человека в борьбе за существование были еще слишком слабы и недостаточны. В том же направлении, т.-е. в направлении от общественного производства к единоличному, развивается и техника земледельческого хозяйства. И вот в результате обширные родовые группы распадаются на отдельные семьи. Связь между отдельными семейными хозяйствами, однако, не утрачивается, только основывается уже она не на кровном родстве, а на территориальной близости и на общности некоторых хозяйственных интересов. И в таком переходе от естественных, вытекавших прежде всего из кровного родства причин объединения общественных групп к причинам, коренящимся в условиях собственно производительной деятельности, точно так же нельзя не видеть крупного шага вперед. В отношении разделения труда заметны некоторые дальнейшие успехи. Хотя вся производительная деятельность попрежнему замыкается в рамках домашнего натурального хозяйства, хотя разделение труда в этом домашнем хозяйстве все еще основывается прежде всего на различии пола, самая хозяйственная деятельность становится несравненно разнообразнее. Развитие ремесленного класса также представляет заметный шаг вперед, как в развитии производства, так и в развитии общественного распределения труда. Специалисты - ремесленники обслуживают нередко несколько соседних земледельческих общин и в таком случае являются связующим звеном между ними, предвосхищая, таким образом, роль будущих городских ремесленников. С уста-

новлением в земледельческой общине частной собственности на землю завершается процесс развития частной собственности вообще. В лице земельных собственников вырастает класс, подчиняющий себе в конце концов земледельческую общину и присваивающий себе организаторскую роль в ее хозяйственной жизни.

ГЛАВА IV.

Поместье и поместное хозяйство.

1. Возникновение землевладельческого класса.—Рядом с выделением класса ремесленников из остальной земледельческой массы населения в земледельческом обществе развивается и иное общественное деление—на классы господствующие и подчиненные, эксплоатирующие и эксплоатируемые. Начало эксплоатации восходит еще ко времени древнейшей патриархально-родовой общины, в которой семья патриарха-организатора вместе с окружавшими ее другими правящими семьями образовала группу, почти или вовсе не принимавшую участия в непосредственной производительной деятельности и существовавшую за счет прибавочного труда остальных членов общины. Чем более разрасталась родовая община, чем сложнее становилась ее хозяйственная деятельность, тем значительнее вместе с этим делалась и группа руководящих семей. С распадением родовой организации и руководящие группы отдельных родов утрачивали свою непосредственную связь с хозяйством своих общин и обособлялись в специальный правящий класс. Рядом с мирно-административной деятельностью на правящий класс сверх того ложатся обязанности по защите земледельческого населения от всякого нападения извне. Административно-правящий класс приобретает, таким образом, значение специально военного класса.

Жизнь охотников и скотоводов проходит в постоянных кровавых столкновениях. Все мужчины привыкают, поэтому, одинаково обращаться с оружием, все одинаково являются воинами. Земледельцу, напротив, приходится иметь дело прежде всего с орудиями мирного труда. Чем прочнее оседал земледелец на месте, чем более свыкался он с своим мирным трудом, тем неохотнее отрывался он от этого труда для военных целей. Только неприятельское вторжение или нужда в земле и земельная теснота, как это было, например, в древнем Риме, могли заставить его взяться за оружие. Ближайшим последствием такого усвоения мирных привычек массой земледельческого населения является выделение и обособление специально военного

класса. Вокруг военных вождей собирается теперь уже не все взрослое мужское население, но лишь люди, специально посвятившие себя военному делу. Всякий выдающийся по своим качествам или по своему положению вождь имеет около себя дружину, состоящую из таких же искателей приключений. Так возникает ядро военного класса, позднейшего рыцарства и дворянства. Примыкая к правящим кругам, этот класс образовал военную аристократию. Мало того, тот же военно-правящий класс выделялся из массы остального населения и по своему имущественному положению. Прежде всего, именно, бо̀льшая имущественная обеспеченность освобождала представителей этого класса от непосредственного земледельческого труда и давала им возможность посвящать себя военной деятельности. С другой же стороны, самое привилегированное положение, занимаемое ими, являлось в их руках средством для дальнейшего увеличения имуществ.

Военная добыча, распределявшаяся ранее между всеми членами племени, теперь попадает исключительно или почти исключительно в руки военного класса. Там, где к тому представляется случай, добыча пускается в продажу и обменивается на более нужные или особо ценные предметы. Зачастую, особенно в приморских местностях, предпринимаются специальные набеги, причем добыча, награбленная в одном месте, сбывается в другом. Торговый обмен первоначально тесно связан, таким образом, с пиратскими набегами знати. Люди, вышедшие из среды правящих военных кругов, были и первыми торговцами. В древности финикияне на Востоке, этруски на Западе были одновременно купцами и пиратами. Египетская и вавилонская аристократия также занимается торговыми делами. Цари и герои Илиады и Одисеи хвалятся своими пиратскими набегами и с гордостью рассказывают о них. В средневековой Европе норманны наводили ужас на все побережье Северного и Средиземного морей. Киевские князья со своими дружинами предпринимали набеги на Византию и в то же время поддерживали с нею и постоянные торговые сношения. В континентальной Европе, где аристократы, за отсутствием удобных водных путей, лишены были возможности принимать непосредственное участие в торговом обмене, пользовались услугами специальных посредников; в большинстве случаев такими посредниками являлись привычные к торговому делу евреи. В каролингскую эпоху все знатные и сильные мира сего имели каждый «своего» еврея.

Война и торговый обмен, обогащавшие представителей военного класса, снабжали их в то же время и необходимыми в хозяйстве рабочими силами, доставляя им массы военнопленных и рабов.

Обладание же значительными средствами и массой даровых рабочих сил в свою очередь давало возможность правящему классу сосредоточивать в своих руках обширные земельные владения. В начальной стадии развития земледельческой культуры, когда разработка свободных земель и пустошей только еще начиналась, каждый мог захватывать в свое пользование такое пространство, какое только был в силах обработать. И естественно, что тот, кто располагал бо̀льшим количеством рабов, мог и земледельческое хозяйство вести в более широких размерах и, следовательно, захватить в свои руки более обширную земельную площадь. Другим источником развития крупной земельной собственности служила система земельных пожалований. Если уже в пределах древней родовой общины правящие семьи не трудились сами и жили прибавочным трудом других членов общины, то теперь, когда в руках правящего класса находились и сила и богатство, существование за счет зависимого населения возведено было в настоящую систему. В обеспечение лиц, несущих известную военную или административную службу, им отводился соответственно положению более или менее значительный участок земли с правом получения в свою пользу доходов с местного населения. Хотя такие пожалования и производились условно и с прекращением служебных отношений должны были возвращаться обратно, однако, обычно лица, получавшие землю в условное владение, в конце концов превращали эти пожалования в свою полную и наследственную собственность. Не менее обширные земельные владения сосредоточивались в руках жреческого или духовного класса. Представители этого класса, благодаря своему хозяйственному опыту и бо̀льшей интеллигентности, играли в развитии и организации хозяйственной жизни еще более существенную роль, нежели светские правящие круги. Располагая многочисленными рабочими силами, богатые и влиятельные храмы и монастыри широко практиковали заимку свободных земель. Щедрые пожалования светской власти и пожертвования и вклады частных лиц составляли другой источник роста духовного землевладения.

Земельные пожалования, развившиеся в законченную систему, как известно, послужили основанием так-наз. феодального строя. Своего наиболее полного развития и завершения феодализм достиг в средневековой Европе, однако, такие же феодальные порядки существовали и существуют у всех земледельческих народов— в Китае, Индии, древнем Египте, Месопотамии, даже у современных полуцивилизованных народов, например, в Абиссинии, в государствах Полинезии, где можно встретить условное вознаграждение землей, напоминающее западно-европейскую ленную систему.

2. **Развитие земельно-зависимых отношений.**—Благодаря системе свободных заимок, с одной стороны, и земельных пожалований—с другой, к тому времени, когда завершился процесс распадения родовой земельной общины и превращения ее в соседскую территориальную общину, бо́льшая часть свободного пространства оказалась уже сосредоточенной в руках аристократического правящего класса. Мало того, более сильные и могущественные землевладельцы, не ограничиваясь этим, начали захватывать в свое исключительное пользование общинные земли и угодья. С развитием крупного землевладения имущественное неравенство, едва намечавшееся в охотничьих общинах, более заметное уже в жизни пастушеских народов, достигает крайнего развития. С одной стороны, образуется класс крупных собственников, обладающих обширными пространствами земли, скотом, многочисленными рабами, различным движимым имуществом; с другой стороны, внутри земледельческой общины, вынужденной замкнуться теперь в своих первоначальных границах, растет избыточное население, не имеющее клочка земли для прокормления.

Имущему классу, располагавшему всеми средствами производства, в том числе и важнейшим из них—землей, противостоял, таким образом, класс малоимущих и безземельных земледельцев. Благодаря этому, создавались новые благоприятные условия для дальнейшего развития эксплоатации и для чисто экономического подчинения малоимущей массы классу собственников. Как землю, так и орудия обработки, рабочий скот, семена для посева, малоимущие и неимущие члены общины могли получить теперь только от землевладельца. Все это выдавалось, но выдавалось не безвозмездно, а в ссуду, под условием уплаты известного «роста» в виде части урожая или же с обязательством «за рост служити», как писалось в московских порядных XVI века. Возвратив ссуду с процентами, земледелец мог вновь считать себя свободным. Но так как в большинстве случаев надежды на такую расплату не было, то и крестьянин, получивший ссуду, обычно становился в зависимые отношения к выдававшему ее землевладельцу. Обычай обращения за долги в рабство широко распространен был на всем древнем Востоке; в Греции во время Солоновой реформы почти все земледельческое население находилось в зависимости от немногочисленного землевладельческого класса; такое же развитие клиентелы, т.-е. зависимых отношений, имело место и в древнем Риме. В средневековой Европе таким путем образовался класс полусвободных вилланов, в древней Руси—закупов.

По мере того, как росла земельная теснота внутри сельских общин и отдельные земельные участки дробились все более и более, росло и число неимущих и малоимущих земледельцев.

Начавшийся в Западной Европе с VIII в., в России с XV—XVI столетия переход к трехпольной обработке еще более увеличивал нужду в земле, так как трехпольная система требовала соответственно и более значительной хозяйственной площади. Если не нужда в земле, то насилия со стороны знати заставляли многих мелких земледельцев искать покровительства сильных людей, «коммендируя» (поручая) или «закладывая» им себя вместе со своим земельным наделом. Отсюда коммендация в Западной Европе, закладничество в России. Нередки бывали случаи, когда таким образом отдавались под покровительство богатых землевладельцев целые общины.

Если нужда заставляла земледельцев-общинников становиться в зависимые отношения к крупным землевладельцам, то и эти последние в свою очередь имели причины предпочитать раздачу земель зависимым от них земледельцам непосредственной обработке своих полей трудом рабов. С расширением границ земельных владений знати такая обработка становилась все затруднительнее. К тому же, за почти полным отсутствием рынка для сбыта хлебных продуктов, обширная господская запашка оказывалась и ненужной. Для удовлетворения же собственных потребностей владельца вполне достаточно было и тех сборов натурой, какие получал он с зависимых от него земледельцев. Вместо того, чтобы расширять свои запашки, обрабатывая их руками рабов, землевладельцы предпочитают поэтому сажать рабов на землю, раздавая им участки и обязывая их уплатой оброка различными хозяйственными продуктами и изделиями. В тех случаях, когда число рабов оказывалось для этого недостаточным, землевладелец старался привлечь на свои земли свободных людей, поставив их в зависимость от себя.

Различие между поселенными на земле рабами и зависимыми арендаторами заключалось при этом лишь в праве свободного перехода, признававшемся за арендаторами по возвращении ими ссуды, и в большем размере повинностей и оброков, падавших на рабские участки. С течением времени и это различие, однако, исчезло: с одной стороны, повинности тех и других постепенно сравнялись, с другой стороны, невозможность в большинстве случаев возвращения ссуды привязывала и первоначально свободного земледельца не только к личности землевладельца, но и к месту, и притом тем крепче, чем долее оставался он на полученном им участке. В конце концов он лишался права уходить со своего участка, прикреплялся к земле и становился крепостным владельца. Оба класса рабов и первоначально свободных арендаторов сливались, таким образом, в одну общую, зависимую от землевладельца, крепостную массу, обязанную в отношении к нему выполнением различных работ (барщина) и уплатой

оброка первоначально натурой, впоследствии деньгами. На Западе такое слияние несвободных и полусвободных элементов состоялось еще в IX—X в. в., в России, благодаря ее земельному простору и долговременному господству примитивного подсечного земледелия, только в XVI—XVII стол. Теперь различаются уже не рабы и свободные держатели земельных участков, но только «личные» крепостные, служащие для личных услуг или выполнявшие различные поделки в хозяйстве владельца, и наследственные крепостные земледельцы или, у нас в России, дворовые люди и собственно крепостные, оброчные или барщинные крестьяне. К числу личных крепостных, рядом с конюхами, поварами, личной прислугой, доверенными лицами, занимавшими различные должности по управлению хозяйством, принадлежали также и специалисты-ремесленники, причем число таких крепостных ремесленников в отдельных имениях бывало нередко очень значительным. Первоначально они работали исключительно на помещика, пользуясь лишь помещением и харчами, впоследствии за уплату известного оброка им стали разрешать выполнение в свободное время частных заказов.

3. Поместье и сельская община. — Поместное хозяйство.— К половине средневековой эпохи свободное земледельческое население почти совершенно исчезло в Западной Европе. Еще в начале IX столетия из 2.859 крестьянских хозяйств, принадлежавших аббатству С. Жермен де Пре (во Франции), насчитывалось только 8 свободных, все остальные были рабские или крепостные хозяйства. В Англии, по переписи второй половины XI столетия (известной Domesdaybook—Книге Страшного Суда), свободные «держатели»-арендаторы составляли едва 5%, т.-е. одну двадцатую часть всего крестьянского населения. В России местом господства крепостных отношений были по преимуществу центральные и южные области, тогда как на севере, напротив, сохранился свободный земледельческий труд.

Одновременно с исчезновением свободного крестьянства исчезала и свободная крестьянская община. Там, где община сохранялась, она попадала в зависимость от соседнего землевладельца. Главным назначением такой зависимой общины являлась круговая ответственность за исправное поступление различных сборов и отбывание барщины. Распоряжался теперь всеми делами общины уже не союз свободных общинников. а поставленный помещиком управляющий.

Община и общинное хозяйство вытесняются, таким образом, поместьем и поместным хозяйством. Поместье становится центром всей хозяйственной жизни деревни. Здесь помещались хозяйственные заведения, обслуживавшие все население деревни (мель-

ницы, печи, виноградные прессы и пр.), отсюда получались ссуды семенами и инвентарем недостаточными земледельцами, здесь же находился, наконец, центральный пункт обороны в случае нередкого в те времена неприятельского вторжения. Поместное хозяйство, пришедшее на смену общинному, не внесло, однако, заметной перемены ни в организацию сельско-хозяйственного труда, ни в порядок землепользования. Сохранилось как прежнее раздельное пользование пахотными участками с периодическими переделами, так и общинное владение пастбищами и лесными угодьями. Стоя в центре хозяйственной жизни общины, усадьба владельца занимала центральное место в самом поселке. К усадебным постройкам примыкали обычно незначительные помещичьи запашки, обрабатывавшиеся первоначально трудом рабов, впоследствии барщинным трудом крепостных, далее следовали деревенские постройки, крестьянские поля и, наконец, сенокосные луга, пастбища и леса.

Крупные собственники, короли, аббатства, монастыри, более значительные сеньеры имели по нескольку и даже по многу поместий. Императорские виллы Карла Великого были рассеяны по всему пространству его обширного государства. Многие богатые аббатства и монастыри владели также несколькими десятками поместий. Хозяйство в поместьях таких крупных собственников велось через специальных управляющих или старост. Мелкие собственники обычно сами стояли во главе своих поместий. При управляющих в крупных поместьях состоял целый штат различных должностных лиц, образовавших впоследствии специальный класс министериалов на Западе, у нас так называемых «слуг под дворским». В известном капитулярии Карла Великого об управлении поместьями (изданном в 812 г.) упоминаются старосты, лесничие, конюха, ловчие, сокольничьи, погребщики, десятские, сборщики податей и другие служащие.

Располагая многочисленными рабочими силами, имея в своем распоряжении специалистов-ремесленников, каждое поместье легко удовлетворяло всем своим необходимым потребностям и не нуждалось поэтому в обмене. Поместное хозяйство представляло собою, таким образом, первоначально чистый тип замкнутого натурального хозяйства. Тот же капитулярий дает полную картину устройства и жизни поместья. Каждое поместье должно было иметь жеребцов и кобылиц, коров, свиней, овец, различных домашних птиц, кур, гусей, уток, а также, в знак зажиточности, лебедей, павлинов, фазанов, голубей, горлиц, наконец, охотничьих птиц— соколов и кречетов. В каждом поместье должны содержаться рыбные садки. В садах и огородах предписывалось разводить самые разнообразные сорта цветов и овощей, всего до 74 видов растений и до 16 пород плодовых деревьев. Обширные виноградники до-

ставляли различные сорта вина. В магазинах и кладовых имелись все необходимые хозяйственные и домашние предметы и продукты. В хозяйстве каждого поместья заготовлялись сушеное мясо, солонина, колбаса, вино, уксус, настойки, наливки, рыбий жир, горчица, сыр, масло, солод, мед, пиво, соты, воск, мука. На девичьей половине женщины постоянно заняты были пряжей и другими женскими работами.

Для различных хозяйственных поделок «каждый управляющий должен иметь в своем хозяйстве хороших ремесленников, а именно, кузнецов, золотых и серебряных дел мастеров, скорняков, токарей, плотников, оружейников, рыбаков, птицеловов, мыловаров, пивоваров, умеющих делать сидр и всякие другие вкусные напитки, хлебопеков, которые изготовляли бы для нас пеклеванный хлеб, мастеров, умеющих плести сети как для охоты, так и для рыбной ловли и на птиц, и других всякого рода мастеров, которых названия было бы долго исчислять». Список ремесленников, приводимый в капитулярии Карла, все еще неполон. Так, в поместьях С.-Галленского монастыря около того же времени упоминаются булочники, мельники, сапожники, портные, сукновалы, стекольщики. В других современных поместьях встречались еще ткачи, башмачники, шапочники, бондари, маляры.

При поместье обычно содержатся общественная мельница, сушильня для фруктов и овощей, холодильники для хранения портящихся продуктов, хлебопекарня, пивоварня, виноградный пресс. Службами этими пользовался не только сам помещик, но и все крепостное население поместья. Играя вначале необходимую хозяйственную роль, впоследствии они превратились в источник дохода для помещика. Крестьянам воспрещалось молоть и печь хлеб, варить пиво, давить виноград где-либо в другом месте, причем за все это взималась в пользу землевладельца известная плата. Это было одним из прав землевладельца, так называемое право баналитета.

Значительная часть хозяйственных продуктов и изделий доставлялись крепостным населением в виде оброка. Оброк вносился обычно натурой: хлебом, овсом, сеном, топливом, скотом, разной живностью, яйцами, маслом, медом, воском, вином, холстом, грубыми шерстяными тканями и другими изделиями крестьянского хозяйства. Земледельческие и полевые работы выполнялись также барщинным трудом крепостных. Барщина составляла известное число дней в неделю, обычно три дня, не считая добавочных дней в горячую пору пахоты и уборки хлеба. Таково было поместье в средневековую эпоху. Приблизительно такую же картину представляла и русская барская усадьба XVII—XVIII в.в.

Обильно снабженное всем необходимым, поместное хозяйство, в особенности на первых порах своего существования, предста-

вляло, как уже сказано, чистый тип натурального хозяйства. Хотя оно и основывалось на эксплоатации труда зависимого населения, однако, пока цель его заключалась единственно в удовлетворении хозяйственных потребностей владельца, пока самые эти потребности отличались простотой и непритязательностью, и степень эксплоатации не была особенно высокой. Границы ее определялись прежде всего размером потребностей владельца поместья. Только по мере того как с развитием торговли поместное хозяйство все более втягивалось в торговый оборот и вместе с этим начинало изготовлять свои продукты уже не для удовлетворения собственных потребностей, но для сбыта на рынке, возрастала и степень эксплоатации, пока в конце концов зависимый подневольный труд вообще не оказался недостаточным для этой цели. С этого момента начинается разложение и самого поместного хозяйства и переход его к новым хозяйственным формам.

ГЛАВА V.

Возникновение городской рыночной торговли и ремесла.

1. Возникновение периодических ярмарок.—Не внося значительных перемен в организацию хозяйственной жизни деревенской общины, поместное хозяйство крепче и прочнее связывало между собою отдельные крестьянские хозяйства. В то же время путем присвоения продуктов прибавочного труда крепостного населения происходило сосредоточение и накопление в руках владельцев поместий значительных излишков, послуживших в дальнейшем одним из важнейших источников развития торговли. Чем более развивалась техника сельско-хозяйственного производства, чем быстрее росло число крепостных ремесленников и развивалась специализация труда между ними, тем большее количество продуктов вырабатывалось в отдельных хозяйствах и тем значительнее вместе с этим становились и хозяйственные излишки, скоплявшиеся в руках владельцев-сеньеров. Даже в поместьях средней величины образовывались излишки, состоявшие из тысяч мер ржи и овса, из десятков тысяч яиц, из массы птицы, шерсти, холста и пр. (Лампрехт). В некоторых отдельных поместьях, в зависимости от местных условий, в изобилии получались сверх того вино, рыба, соль. Последствием такого накопления хозяйственных излишков должно было явиться, как ранее во взаимных отношениях между соседними родовыми и племенными общинами, возникновение обмена.

Само собою разумеется при этом, что для возникновения обмена между соседними сеньерами с тождественными или почти тождественными хозяйственными продуктами было менее причин и поводов, нежели для обмена между сеньерами удаленных одна от другой местностей с различными местными продуктами. Вот почему, как мы уже знаем, торговый обмен возникает прежде всего в приморских местностях, где открывавшиеся перед предприимчивыми представителями господствующих классов морские пути давали им возможность знакомиться и сообщаться с более отдаленными странами. Египетские фараоны снаряжают экспедиции в лежащую на далеком юге страну Пунт, богатую различными благовониями, слоновой костью и другими произведениями; Соломон отправляет свои корабли в отдаленную полусказочную страну Офир; аристократов древней Греции и Рима так же привлекали к себе прежде всего страны богатого Востока. И в средневековой торговле исключительное место принадлежало той же восточной или, как ее тогда называли, левантийской торговле (Левант—Восток). Рядом с ней, но значительно позднее развилась северная торговля, главный предмет которой составляли русские меха.

Левантийская торговля существовала еще в X, частью даже в IX столетии. Предметы роскоши привозились с Востока в итальянские портовые города и оттуда распространялись при посредстве местных купцов, первоначально по преимуществу евреев, в странах средней и северной Европы. Каждый более значительный сеньер имел в то время своего купца — еврея, так же, как он имел своего ткача или кузнеца. Замки крупных сеньеров, куда привозились восточные продукты, становились центрами торгового обмена и для соседних более мелких владельцев. Еще Карл Великий разрешал отдельным феодалам устраивать в своих владениях рынки, предоставляя им право надзора за торговлей, суда в пределах рынка и сбора пошлин с приезжих купцов. С течением времени некоторые из таких рынков выросли в крупные центры ярмарочной торговли, привлекавшие покупателей из самых отдаленных местностей. Особую известность приобрели ярмарки, происходившие в графстве Шампань на верхней Сене. Четыре ярмарки в различных городах следовали здесь одна за другой, так что торговля не прекращалась в течение всего года. С половины двенадцатого до четырнадцатого столетия шампанские ярмарки служили главными центрами сбыта восточных продуктов для всей Западной Европы.

В более скромных размерах такая же ярмарочная торговля развивается и между соседними деревенскими общинами. Здесь главными предметами торговли были предметы крестьянского обихода. Хозяйство крестьянина - земледельца уже с самого начала, как мы видели, не представляло такого чистого типа

натурального хозяйства, как хозяйство первобытной родовой общины. Ни одна соседская земледельческая община не могла обходиться без услуг специальных ремесленников, а между тем не во всякой деревне имелись все необходимые ремесла. В одной общине развивались одни ремесла, в другой — другие. Заказывать и приобретать необходимые хозяйственные предметы оказывалось, таким образом, возможным либо при посещении деревни странствующими ремесленниками, либо путем поездок самих крестьян на местные ярмарки, устраивавшиеся в определенных местах и в определенные сроки. На ярмарки съезжались со своими продуктами и изделиями как крестьяне, нуждавшиеся в ремесленных изделиях, так и ремесленники, нуждавшиеся в различных сельско-хозяйственных продуктах. При неразвитости путей сообщения такие периодические сельские ярмарки могли обслуживать лишь небольшое число соседних поселений.

В древней России с ее редким населением и разбросанными на больших расстояниях селениями ярмарки были распространены мало, и нужды сельского населения обслуживались, главным образом, странствующими ремесленниками. Ярмарочная торговля получила некоторое развитие только в Новгородской области, однако, и здесь погосты или рядки, служившие местами такой торговли, в большинстве случаев не имели большого значения. Напротив, в Западной Европе ярмарки еще в первую половину средневековья представляли повсеместно распространенное явление. Повсюду вблизи особо чтимых аббатств и монастырей под защитой их стен и соблюдаемого в них «божьего мира», в местечках, расположенных в центре густо населенных местностей, при слиянии двух рек, возникают периодические ярмарки [1]).

2. Образование городов.—Город - крепость и город - рынок.— Мало-по-малу, вместо того чтобы доставлять в такие ярмарочные местечки свои товары и изделия, купцы и ремесленники сами начинают селиться там, производя обмен в определенные рыночные дни с крестьянами окрестных деревень. Еще сильнее притягивали к себе торговое и ремесленное население богатые замки и монастыри, где всегда толпилось много разного люда и где поэтому купцы и ремесленники скорее и легче могли найти покупателей. Еще в первой половине IX столетия вблизи стен монастыря С.-Рикье во Франции образовалось обширное поселение из свободных и несвободных ремесленников. В этом поселении отдель-

---

[1]) Такие периодические ярмарки существовали и в древности как в странах Востока, Месопотамии, Сирии, Палестине, Аравии и Египте, так и в Греции и в римском Лациуме. Наиболее известные и посещаемые ярмарки, как и в средние века, приурочивались к празднествам и устраивались вблизи особо чтимых храмов и святилищ.

ными улицами и кварталами расположились кузнецы, шорники, оружейники, пекаря, кожевники, ткачи, меховщики, суконщики и купцы, причем вся эта масса ремесленников работала не столько на братию, сколько на сторонний сбыт. Так, вблизи замков крупных феодалов, у монастырских стен, в крупных ярмарочных центрах, равно как и в местах сельской ярмарочной торговли, постепенно образуются поселения нового городского типа с преобладанием не земледельческого, но ремесленного и торгового населения.

Город, как показывает и самое значение слова, первоначально огороженное место — крепость (ср. нем. Burg, откуда Bürger, bourgeois). Первые городские поселения возникали в большинстве случаев под защитой стен замков и монастырей. Точно так же и вновь образовывавшиеся торговые поселения первым делом ограждали себя стенами. С течением времени значение города-крепости отступает на задний план. Город-крепость превращается в город-рынок, поселение с зависимым от сеньера, в большинстве крепостным населением—в свободную городскую коммуну.

Торговое и ремесленное население города обслуживает уже не специальные нужды поместья, но все окрестное население. Вместе с этим оно все более обособляется от сельского земледельческого населения. Город не только приобретает самостоятельное экономическое значение, но и становится в центре всей хозяйственной жизни своего округа, постепенно заменяя в этой роли поместное феодальное хозяйство. Вместе с этим и зависимость его от местного сеньера теряла всякое значение, и чем богаче и многочисленнее становилось городское население, тем естественнее было с его стороны стремиться сбросить с себя эту зависимость. В течение XI — XIII столетий города повсеместно в Европе завоевывают или покупают себе полную независимость и право самоуправления. Город становится убежищем свободы, и всякий крепостной, проживший в нем год и один день, тем самым делался свободным. Господствовавшему до того правилу: «нет земли без господина» (nulle terre sans seigneur) противополагается теперь новый принцип: «городской воздух делает свободным».

3. Обмен между городом и деревней; городская рыночная торговля.—По мере того, как город приобретал значение хозяйственного центра для окрестного сельского населения, периодическая ярмарочная торговля превращалась вместе с этим в постоянную рыночную. Еженедельно в определенные рыночные дни по направлению к городу со всех сторон тянулись крестьянские телеги, нагруженные всякого рода припасами. Торговля производилась на рыночной площади, расположенной в центральной части города. «В средние века всякий, кто хотел выставить что-нибудь на продажу, делал это на открытом рынке. Бесчисленное

множество крытых и непокрытых стоек, столов и лавок тянулось на рыночных площадях; крытые ряды, павильоны и галлереи обступали их с боков. Тут торговали суконщики, менялы, мелочные торговцы, всех родов ремесленники, продавцы съестных припасов» (Белов).

Как ни ограниченна и ни незначительна была по своим размерам городская рыночная торговля, все же она произвела настоящий переворот в господствовавших до того экономических условиях. Одновременно с развитием ремесла и городской рыночной торговли развивается и специальное производство не для собственного потребления, а для сбыта, для продажи. Торговля, ограничивавшаяся первоначально обменом хозяйственных излишков и производившаяся от случая к случаю, вместе с этим становится постоянной и регулярной. Как городской ремесленник производит свои изделия не для себя, а на заказчика, или же имея в виду сбыт их на рынке, так и крестьянин начинает вырабатывать теперь большее количество продуктов, чем требуется в его собственном хозяйстве, для того, чтобы обменять их в городе на необходимые ему ремесленные изделия. Предметы хозяйства вместе с этим превращаются в товары, т.-е. в такие продукты труда, которые производятся не для собственного потребления, но для обмена их на другие продукты.

С превращением продуктов труда в товары и натурального хозяйства в товарное или меновое завершается и первоначальный круг развития торгового обмена. Начавшись с единичных случаев обмена, например, между дикарями каменными топорами и стрелами (случайная форма обмена), торговля с развитием хозяйства и с возникновением хозяйственных излишков начинает служить целям обмена этими излишками и вместе с этим принимает и более постоянную и более широкую так называемую развернутую форму. Перед обменивающимися хозяйствами открывается больший простор выбора: за топор, например, можно получить не только какое-либо иное оружие, но и другие ремесленные изделия, зерно, овцу, и пр. Неудобство этой формы торговли заключается прежде всего в том, что не всегда интересы обменивающихся сторон находятся в соответствии между собою и не всегда продукт, предлагаемый одной стороной в обмен на предмет, который она желает получить, оказывается в то же время нужным другой стороне. Неудобство это устраняется, как уже указывалось выше, введением посредствующего звена в виде какого-либо наиболее ходкого товара, который все принимают охотно, хотя бы непосредственной надобности в нем и не было, зная, что за него всегда можно получить необходимый предмет. Таким посредствующим звеном при обмене первоначально чаще всего служит скот или какие-либо предметы украшения. Такова третья развитая или всеобщая форма обмена. Однако, и при такой форме обмена различие условных средств

обмена у отдельных племен и народов, как и громоздкость некоторых из них, все еще делает производство обмена затруднительным. Завершением процесса торгового развития является поэтому возникновение металлических денег, служащих средствами обмена одинаково у всех народов, производящих более или менее оживленную торговлю (денежная форма обмена). Эта высшая форма обмена развивается лишь в условиях городской торговли, хотя рядом с ней и на городском рынке все еще в течение долгого времени продолжает существовать непосредственный обмен продуктами между городским ремесленным и сельским земледельческим населением.

Обмен на городском рынке совершался непосредственно между производителями, между крестьянином—сельским хозяином, с одной стороны, и между городским ремесленником, с другой, и потому, по крайней мере, первоначально мог быть только обменом товара на товар. Обходясь без посредства денежных знаков, городской рыночный обмен обходился в то же время и без специальных торговых посредников— купцов. Целью обмена как с той, так и с другой стороны одинаково являлось не извлечение торговой прибыли, но удовлетворение необходимых потребностей. Всякое посредничество намеренно устранялось. Большую часть обращавшихся на рынке товаров разрешалось приобретать лишь для собственного употребления. Торговцы, если они только покупали не для себя, а для перепродажи, допускались на рынок по истечении положенных рыночных часов и могли, таким образом, покупать только товары и припасы, оставшиеся непроданными; число торговцев в большинстве средневековых городов было поэтому незначительно. Значительный торговый класс успел образоваться лишь в крупных центрах торговли привозными товарами, прежде всего в приморских республиках Италии и в городах Ганзейского союза, в руках которого сосредоточивалась вся северная торговля. В этих же городах получила преимущественное развитие и денежная форма обмена и собственно денежная торговля.

ГЛАВА VI

Районное городское хозяйство.

1. Районное хозяйство города.—Город в качестве центра хозяйственной жизни оттеснил на второе место, если и не заменил совершенно поместья. Хотя поместная организация и сохранилась, однако, она утратила не только свое исключительное значение, но и свой первоначальный чисто натуральный характер. Поместное

хозяйство уже не удовлетворяло более всем потребностям владельца и зависимого от него населения. Крестьяне все чаще появляются на городских рынках с предложением своих продуктов; само поместье все теснее связывается с городом и начинает тяготеть к нему, приобретая все необходимые хозяйственные предметы на городском рынке. Поместное ремесло вместе с этим утрачивает значение и мало-по-малу исчезает; для владельца поместья выгоднее оказывается приобретать путем покупки те или иные хозяйственные предметы вместо того, чтобы содержать с этой целью специальных ремесленников, к услугам которых приходится прибегать лишь в сравнительно редких случаях.

Значение обмена, возникающего между городом и деревней, и заключается прежде всего в выделении ремесленной группы в качестве городского населения по преимуществу и в противопоставлении этой группы занятому земледельческим трудом сельскому населению. Чем выше развитие сельско-хозяйственной техники, чем большее количество прибавочного продукта, могущего служить предметом обмена, образуется благодаря такому развитию, тем большее значение получает ремесло и тем резче выступает и обособление ремесленного городского от сельского земледельческого населения. Разделение труда происходит, таким образом, уже не внутри единого хозяйственного целого, будет ли это родовая сельская община или же замкнутое поместье, но приводит к образованию отдельных и обособленных хозяйственных групп. Соответственно с этим и распределение вырабатываемых этими группами продуктов не может уже производиться непосредственно, но исключительно путем торгового обмена.

С этого времени натуральное хозяйство, лежавшее в основе всей хозяйственной жизни предшествовавших ступеней развития, начинает разлагаться и уступает место хозяйству меновому, денежному, приобретающему большую часть необходимых продуктов путем обмена на рынке. Чистый тип такого менового хозяйства образуется первоначально в городе, но затем, по мере того как деревня втягивается в торговый оборот, и деревенская жизнь все более подчиняется его влиянию.

Если город и деревня и не образуют уже единого хозяйственного целого, все же они тесно связаны между собою необходимостью взаимного обмена. Размеры хозяйственной территории с населением, объединенным общностью интересов, вместе с этим значительно расширяются. Место замкнутого поместного хозяйства, включавшего в себя рядом с поместьем, большею частью, не более одной деревенской общины, теперь занимает городское районное хозяйство, охватывающее город со всеми прилегающими к нему сельскими общинами. Не представляя единого хозяйственного целого, город с примыкавшим к нему сельским населением тем не менее образовал

замкнутую и обособленную от соседних таких же районных городских хозяйств группу. Размеры округа, обслуживаемого каждым отдельным городом, при отсутствии удобных путей сообщения и при малой подвижности крестьянина, не могли быть значительны. На пространстве всей средневековой Европы равномерно раскинулись небольшие ремесленные города. В южной и западной Европе расстояние между ними не превышало 4—5 часов езды, на Севере и Востоке 6—8. Из самой отдаленной, принадлежавшей к району города деревни можно было, таким образом, съездить в город и вернуться обратно в течение дня. В России преобладало, как уже сказано, странствующее ремесло. Городское ремесло, напротив, не получило такого развития, как на Западе, и потому районное хозяйство возникало лишь в исключительных случаях и было выражено значительно слабее.

2. Городское население.—Патрициат и купеческая гильдия.— Города развились из поселений сельского характера. Вот почему и первоначальное внутреннее устройство их складывалось по типу сельской общины. Пережитки общинных порядков сохранялись еще в течение долгого времени и впоследствии. Значительная часть городского населения занималась земледельческим трудом. Многие горожане имели под городом свои пахотные участки, и нередко даже в центральных городских частях можно было слышать удары цепа. Пригородные леса и выгоны, как и в собственно земледельческой общине, оставались в общественном владении. Земельная собственность поэтому и в городе составляла первоначально основной вид собственности. Городские земельные собственники и первоначальные насельники, по крайней мере в первое время существования городов, составляли основное ядро их населения. Обладая земельными участками, они смотрели на всех новых безземельных поселенцев, как на неполноправных членов, стоявших вне общины и не пользовавшихся правом голоса при решении различных общественных вопросов. Земельные собственники образовали, таким образом, городской патрициат [1]). К этому основному

---

[1]) Именно, эта неравноправность и служила главной причиной борьбы между старыми насельниками, образовавшими городской патрициат, и новыми пришельцами. Такую борьбу мы видим одинаково и в древности, в Греции и, главным образом, в Риме, но в то время, как в древности это была борьба не столько ремесленного населения за свои права (ремесленники вообще были немногочисленны в античных городах, их заменяли рабы), сколько столкновения по вопросу о разделе общественных земель (ager publicus), в средневековом городе борьба между старыми и новыми гражданами была в то же время борьбой различных общественных классов, аристократии земельных собственников и городского патрициата, с одной стороны, и пришлого неземледельческого, главным образом, ремесленного, населения, с другой.

ядру городского патрициата примыкали министериалы (зависимые от местного сеньера и выполнявшие различные должности лица), получавшие во владении участки городской земли.

Земельная собственность в городе приобретала, однако, совершенно иное значение, нежели в сельских местностях. Там она служила в руках крупных землевладельцев средством эксплотации крепостного земледельческого населения и присвоения продуктов его прибавочного труда. В городе обладание земельной собственностью позволяло патрициям присваивать часть продукта пришлого ремесленного населения в виде платы за пользование застроенными участками городской земли, и эта плата становилась тем выше и значительнее, чем более росло городское население. Если прибавочный продукт, скоплявшийся в руках сельских сеньеров, употреблялся ими, главным образом, на приобретение привозных товаров, составлявших предмет роскоши, то рента (рентой называется всякий нетрудовой доход), получавшаяся городскими патрициями, жившими непосредственно в торговых центрах, обращалась в их руках прежде всего в торговый и ростовщический капитал. Земля являлась в их глазах единственно источником получения ренты, рента же в свою очередь—исходным пунктом для дальнейшего увеличения состояния путем торговых и ростовщических операций [1]). Если сельские сеньеры выступали в торговом обмене, главным образом, в роли покупателей, то городские патриции с развитием городской торговли перерождались, по крайней мере в значительной своей части, в торговцев по преимуществу. Они и составили первоначальное основное ядро торгового класса, к которому лишь позднее присоединились отдельные профессиональные торговцы, вышедшие из других классов и слоев населения. Повсюду, где только развивается торговля, наблюдается такое превращение городских землевладельцев, городского патрициата в торговый класс. Члены аристократических семейств являлись первыми торговцами в древней Греции; в Риме в той же роли выступают первоначально старые патрицианские роды, в итальянских торговых республиках так же, как и в других торговых городах средневековой Европы,—представители городской знати—нобили. В древнем Киеве первыми купцами были князья

---

[1]) Земельная рента являлась, однако, не единственным способом первоначального образования капиталов. Как мы уже знаем, торговля при своем возникновении в огромном большинстве случаев граничала с открытым пиратством и разбойничеством. И впоследствии европейские торговцы при посещении отдаленных рынков при всяком удобном случае прибегали к насильственным способам повышения своих доходов путем ли непосредственного расхищения богатств захваченных стран (например, на Востоке и в Византии во время первого и четвертого крестовых походов) или путем организованной и более или менее откровенной эксплоатации туземного населения.

и близкие к ним бояре и дружинники. В Новгороде торговый класс образовали прежде всего бояре, и только на втором месте стоял неземлевладельческий, собственно купеческий, класс житьих людей.

В связи с перерождением коренного городского населения, в связи с тем новым назначением, какое получили принадлежавшие городскому патрициату земельные участки, естественно, и старые общинные порядки утрачивали значение. Рядом с прежней общиной становится новая организация, постепенно вовсе ее вытесняющая, именно, так называемая купеческая гильдия или союз. Первоначально гильдия охватывала все патрицианские роды, рядом с которыми в нее допускались также и более состоятельные ремесленники, обладавшие собственными участками городской земли. Лишь впоследствии с развитием торговли, с одной стороны, и с выделением ремесленников в особые союзы, с другой, гильдия окончательно становится собственно союзом торговых элементов городского населения, купеческой гильдией в собственном смысле. Если вначале гильдия являлась прежде всего обществом взаимопомощи, помогая своим членам из сумм, образовавшихся путем взносов, в случае несчастия или потери состояния, то впоследствии главнейшую цель ее составляет обеспечение за своими членами монополии (исключительного права) торговли. Только члены местных гильдий могли торговать в городе и его округе. Соседние помещики, равно как и иногородние купцы, чтобы получить право участия в торговле данного города, должны были вступать в члены местной гильдии. Такое стремление к монополии представлялось вполне понятным, если принять во внимание слабое еще развитие и ограниченные размеры торговли. Торговля ограничивалась по преимуществу привозными восточными товарами (ремесленники сами сбывали свои изделия).

3. Ремесленные цехи.—Купеческая гильдия вместе с патрицианскими родами образует городскую аристократию. Остальное ремесленное население города объединяется в свои союзы-цехи. В Италии цехи возникают уже в X—XI в., во Франции— в XI—XII, в Англии — в XII—XIII, в Германии — в XII—XIV столетии. С развитием ремесла и с ростом его значения в городской жизни росло и значение цехов. Цехи начинают стремиться к участию в городском управлении, и городская патрицианская аристократия в конце концов оказывается вынужденной уступить. Все новые и новые цехи становятся рядом с нею у власти в лице своих старейшин или выборных представителей.

Тем же, чем являлась община для крестьян-земледельцев или гильдия для торгового населения города, тем были для ремесленников их союзы-цехи, т.-е. прежде всего той общественной сре-

дой, вне которой в то время человек не мог еще существовать. Цеховые учреждения и установления захватывали поэтому всю жизнь ремесленника, а не только его производительную деятельность. Каждый цех признавал какого-либо святого своим специальным покровителем, нередко имел свои храмы и праздники. Во всех церковных и иных процессиях члены цехов составляли отдельные группы. Должностные лица следили вообще за всем поведением членов цехов и разбирали возникавшие между ними споры и столкновения. Вся жизнь членов цехов проходила в постоянном взаимном общении. Ремесленники одной специальности селились рядом на одной улице, часто сходились на общие собрания и пирушки, участвовали в погребении умерших товарищей. Во время военных действий цехи образовывали особые отряды городского ополчения. Цехи, наконец, являлись и политическими организациями, посылавшими своих представителей в городские советы.

Несмотря на такое широкое значение цехов и в их жизни, как и во всех рассмотренных нами общественных организациях, на первом месте, однако, стояли материальные интересы. Недаром они объединяли исключительно ремесленников и притом каждый отдельный цех ремесленников одной какой-либо специальности. Ремесло есть прежде всего мелкое производство, при котором владелец предприятия является одновременно и производителем. Ремесленник сам располагает необходимыми средствами производства, сам непосредственно участвует в производстве и в сбыте готовых изделий. Ремесло для него является не средством извлечения дохода, но прежде всего средством удовлетворения насущных потребностей. Он трудится лишь постольку, поскольку это необходимо для того, чтобы обеспечить себе приличное существование. Труд его есть прежде всего труд, обеспечивающий существование, т.-е. необходимый труд. Прибавочный труд в его производительной деятельности или вовсе отсутствует или же не занимает видного места. Этим характером ремесла и значением его в жизни ремесленника определялись и те задачи и цели, какие ставили себе цеховые ремесленные организации.

Каждый отдельный ремесленник был еще слишком мало материально обеспечен, слишком слаб для того, чтобы полагаться на свои собственные силы. Всякая неблагоприятная случайность, всякое малейшее несчастие могло выбить его из колеи и лишить всего. Цех давая ему свободу и независимость, обеспечивал положение самостоятельного мастера, приходил на помощь при различных необходимых закупках. Так, цех организовал совместную закупку сырья, содержал общие цеховые заведения, устройство которых оказывалось непосильным для отдельных мастеров, например, красильни. Одной из важнейших задач цехов была,

однако, забота об обеспечении сбыта изделий для своих членов. Первоначально, когда число ремесленников было невелико, они легко находили сбыт для своих изделий. Но чем более расширялся городской рыночный обмен, чем значительнее становилось число ремесленников, чем сильнее с развитием путей сообщения давала себя чувствовать конкуренция иногороднего ремесла, тем более существенное значение приобретал для отдельных ремесленников и вопрос о сбыте их изделий. Сбыт изделий для ремесленников, живших своим трудом, не был уже только сбытом хозяйственных излишков, как в хозяйстве семейной общины или поместья, но необходимейшим условием существования, и первой основной задачей цехов было, именно, обеспечение постоянного сбыта для своих членов. «Предки наши не были дураками», говорится в одном памятнике конца средневековья, «ремесла выдуманы ими затем, чтобы каждый мог добывать хлеб насущный, и никто не должен вторгаться в ремесло другого. Таким образом каждый найдет себе пропитание и удовлетворение своим нуждам».

«Никто не должен вторгаться в ремесло другого», — к этим немногим словам сводится содержание почти всех цеховых уставов и постановлений; в них заключается смысл и значение всего цехового строя. Ремесленник одного города не должен сбывать своих изделий в пределах другого города, ремесленник одного цеха не должен изготовлять изделий, составляющих специальность другого цеха, наконец, внутри каждого отдельного цеха члены его должны быть поставлены в равные условия, и ни один не должен иметь каких-либо преимуществ перед другими. Эти цели и преследовало прежде всего цеховое законодательство, сводившееся поэтому к ряду запретительных и ограничительных мер. В решениях городских дум, в статутах, уставах и постановлениях цехов систематически проводится воспрещение ввоза иногородних изделий. Торговое посредничество также воспрещалось: все изделия и продукты должны были приобретаться из первых рук, т.-е. от самих производителей.

Но не только от всякого соперничества и конкуренции извне хотел себя обеспечить городской ремесленник. И в городе никто не должен был заниматься ремеслом, не принадлежа к какому-либо цеху и не подчиняясь всем его установлениям. Принудительное вступление в цех (Zunftzwang) — общее требование всех цеховых уставов и, если не всегда специально в них оговаривается, то лишь потому, что само собою подразумевается, как существующее согласно установившемуся обычаю. Забота о том, чтобы «никто не вторгался в ремесло другого», являлась прежде всего причиной крайней специализации и дробления ремесла и постоянных столкновений между цехами. Там, где скоплялось

в одном месте большое число ремесленников одной специальности, первоначально единое ремесло делилось на несколько особых отраслей, причем каждый из вновь возникавших цехов старательно отмежевывался от остальных. Так, в Париже существовали особые цехи чеботарей, сапожников, башмачников, выделывавших сапоги из испанской кожи. В Нюрнберге еще в XIII столетии различались между собою мастера, изготовлявшие ножи, бритвы, косы, вилки, цепочки; кузнецы-оружейники в свою очередь делились на латников, кольчужников и мастеров шлемов, клинков для мечей, отделывателей мечей и пр. Такая же специализация существовала и в Англии. Ремесленники, делавшие луки, не должны были изготовлять стрел, что составляло специальность другого цеха. Специальный цех готовил тетивы для луков. При таком дроблении ремесла неудивительно, что в отдельных городах число цехов насчитывалось десятками и даже сотнями: в Париже было 350 цехов, во Франкфурте на Майне до 100, в Вене до 80, в Лондоне — 60, в Нюрнберге и Любеке по 50.

Близкие между собою цехи стремились, как уже сказано, разграничить область производства. На этой почве между ними происходили постоянные столкновения. Цех железников добивался воспрещения шорникам и седельникам изготовлять или подновлять удила, уздечки, шпоры, стремена. Цех красильщиков настаивает на том, что суконщики не имеют права окрашивать сукон. Суконщики, придающие сукну окончательный вид, в свою очередь отстаивают свои права от ткачей. Особенно часты были столкновения между ремесленниками, производившими различные принадлежности одежды, и старьевщиками, придававшими держаным вещам новый вид и продававшими их за новые. В Лондоне существовал особый цех починщиков обуви, отстаивавший исключительное право на починку обуви от всяких посягательств со стороны сапожного цеха.

Отстаивая интересы своих членов от всяких покушений извне, цех в то же время стремился поставить их в одинаковые условия между собою, обеспечивая для всех равный сбыт изделий. Точно устанавливалось время и место закупки сырья так же, как и количество, более которого не мог приобретать отдельный мастер: в некоторых цехах покупка сырья производилась сообща. Запрещалось перебивать работу товарища по цеху. В тех же целях уравнения размеров производства отдельных мастеров определялась продолжительность рабочего дня (обычно от восхода до заката солнца), ограничивалось число подручных рабочих, учеников и подмастерьев, которых мог держать каждый мастер, воспрещалась всякая работа в воскресные и праздничные дни. В самых изделиях не допускалось никакой оригинальности, никаких отступлений от предписанных правил и образцов: работа одного мастера

должна была вполне походить на работу другого. Особо избранные надсмотрщики обходили мастерские и осматривали работы, причем изделия, не удовлетворявшие предписаниям, уничтожались. Самая работа должна была производиться на виду у всех. Сапожник точал свои сапоги тут же за прилавком, портной шил, сидя на столе у окна, горн золотых дел мастера и кузнеца помещался в самой лавке.

Общее руководство делами и надзор за производством поручался избранным из среды членов должностным лицам—старшинам, присяжным и пр. Они заведывали имуществом и кассой цеха, созывали общие собрания цеховых мастеров и руководили ими, пользовались правом суда над членами цеха, являлись их представителями в городском управлении и предводили цеховыми отрядами во время военных действий. Для обхода мастерских и наблюдения над доброкачественностью изделий избирались в большинстве цехов особые смотрители и оценщики (gardes, prud'hommes).

4. Ученичество: ученик, подмастерье, мастер.—В отличие от поделок, выполняемых в крестьянском хозяйстве, труд ремесленника есть прежде всего труд специалиста, посвятившего всю свою жизнь одному определенному ремеслу. Ремесленник приспособляется исключительно к своему специальному роду труда, вырабатывает свои специальные орудия и приемы производства, приобретает сноровку, благодаря чему достигается бо̀льшая быстрота в работе и относительно более высокое качество изделий. В то же время, в отличие от позднейшей машинной промышленности, труд ремесленника остается исключительно ручным. Приемы его основываются не на точных научных данных, но вырабатываются исключительно практикой, не сознательно, а ощупью, путем случайных наблюдений и опытов. При таких условиях они не могут отличаться ни точностью, ни правильностью, и успешность работы зависит прежде всего от личной сметки, навыка, верности глаза самого ремесленника. Предварительная выучка и продолжительный опыт являются, таким образом, необходимым предварительным условием для занятия ремеслом. Всякий ремесленник неизбежно должен был пройти ступень ученичества. Но и обучившись ремеслу, он не всегда имел возможность сразу же обзавестись собственной мастерской и должен был работать в мастерской своего бывшего хозяина или какого-либо иного мастера в качестве рабочего или подмастерья. Только устроясь в собственной мастерской, становился он, наконец, самостоятельным мастером и полноправным членом цеха. Так сами собою намечались ступени ученика, подмастерья и мастера.

Это первоначально вполне естественное деление сделалось впоследствии источником новых стеснений и ограничений. Сна-

чала доступ в цех был свободный: принимались все обученные ремеслу, безразлично мужчины и женщины. В некоторых цехах женщины избирались даже на различные цеховые должности. Пока число ремесленников было невелико, не было смысла в каких-либо ограничениях. С течением времени, по мере того, как росло число ремесленников, росла и конкуренция (соперничество) между ними; тогда ремесленники, достигшие звания мастера, из боязни новых конкурентов, начинают стремиться затруднять доступ в цехи для новых членов. Особенно тщательно следили за тем, чтобы в цехи не проникали люди несвободные, т.-е. искавшие в городе убежища крепостные, затем воспрещался доступ в цех женщинам, лицам незаконнорожденным так же, как и происходившим от родителей, профессия (занятие) которых почему-либо считалась позорящей. Таковы были профессии палача, могильщика, чистильщика улиц, мельника, банщика, цирюльника, сборщика пошлин, уличного музыканта, ткача льняных тканей и др.

В то же время и ученичество и положение подмастерья из необходимых ступеней к достижению звания мастера обращались в новые препятствия. Срок ученичества удлинялся. В Германии он равнялся 4 годам, в Италии—5—7 годам, в Англии—7, во Франции—6—8 годам, в некоторых же цехах даже 12 годам. Между тем и такая продолжительность срока обучения вовсе не вызывалась необходимостью. Устав проволочного цеха требовал десятилетнего обучения, хотя проволочное ремесло считалось одним из простейших. Срок учения сокращался, если ученик мог уплатить мастеру известную денежную сумму. Вместе с удлинением срока обучения ухудшалось и положение ученика. Ученик не мог покинуть мастера даже по самым уважительным причинам. Если он убегал, его разыскивали и возвращали обратно. Первоначально ученик по окончании обучения мог непосредственно сделаться мастером, теперь он обязан был проработать известное минимальное число лет в качестве подмастерья, в том числе некоторое время у своего бывшего учителя. С XIV столетия получил распространение, особенно в Германии, обычай странствования подмастерьев с целью усовершенствования в ремесле. Вначале положение подмастерья было лишь ступенью к званию мастера и мало чем отличалось от положения мастера. Заработок его нередко составлял половину и даже более доходов мастера. С течением времени доступ к званию мастера все более затруднялся, и вместе с этим положение подмастерья изменилось к худшему. Прежде всего в некоторых цехах уже очень рано появляется требование так называемой «пробной работы» (chef d'oeuvre). Для того, чтобы сделаться мастером, подмастерье должен был доказать свое знание ремесла выполнением определенной работы.

Предъявлявшиеся при этом требования становились все более трудными. Кузнец должен был делать подкову, не снимая мерки, по одному взгляду на лошадь. Зачастую выполнение пробной работы сопровождалось крупными расходами. Так, портные г. Данцига должны были изготовить полное священническое облачение, монашескую рясу, дорожный плащ для рыцаря и попону для его лошади, наконец, всевозможные мужские и женские платья по современной городской моде, и все это за собственный счет. Выдержавший испытание сверх того обязывался делать высокий вступительный взнос и ставить дорого стоившее угощение мастерам. Уже все эти расходы предполагали наличность у кандидата значительных денежных средств, но многие цеховые уставы, особенно позднейшего времени, не довольствуясь этим, вводили специальное требование обладания определенным имуществом для получения звания мастера. Препятствия в большинстве случаев создавались лишь для посторонних цеху лиц. Сыновья мастеров, как и ранее, становились сами мастерами непосредственно по окончании ученичества, причем по отношению к ним не предъявлялось никаких требований, либо эти требования не исполнялись на деле.

По мере того, как росли затруднения, создававшиеся на пути к званию мастера, цеховые организации все более превращались в замкнутые привилегированные и доступные лишь для ограниченного числа лиц учреждения. Но чем труднее делался доступ к званию мастера, тем более увеличивалось число подмастерьев, утративших надежду когда-либо стать мастерами. Большинство их превращалось вместе с этим в настоящих наемных рабочих. Во многих городах существовали специально установленные сборные пункты, где такие наемные подмастерья ожидали нанимателей. Одновременно значительно ухудшились и условия работы подмастерьев. Они должны были работать нередко по 14 и даже более часов в день и в то же время не могли получать свыше установленной платы. Мастера, платившие больше, сами подвергались ответственности.

ГЛАВА VII.

Развитие денежного обмена и влияние его на жизнь деревни.

1. Денежная форма обмена.—Металлические деньги.—Крепостные ремесленники исполняли различные поделки по требованию владельца, ремесленники сельской общины работали по

заказу своих сообщников. Те и другие нередко совмещали занятие ремеслом с занятием земледелием. Городской ремесленник работает не только на заказ, но и для продажи на городском рынке; в то же время он занят исключительно своим ремеслом. Его хозяйство утрачивает, таким образом, характер натурального хозяйства и становится исключительно меновым хозяйством. Ремесленник должен предварительно сбыть свои изделия для того, чтобы на выручку от продажи приобретать необходимые хозяйственные предметы и продукты. Теперь уже не только случайные хозяйственные излишки или предметы роскоши, но и самые разнообразные продукты и изделия появляются на рынке в качестве товаров. Обмен постепенно охватывает все хозяйственные предметы. Но чем более широкие размеры принимает торговый обмен, чем разнообразнее становятся обмениваемые продукты, тем недостаточнее оказывается непосредственная меновая торговля, практиковавшаяся первоначально на городских рынках, тем настоятельнее начинает ощущаться потребность в условных меновых знаках, на которые можно было бы приобрести любой предмет (третья всеобщая или развитая форма обмена).

Еще у многих диких народов, как мы уже знаем, неудобства непосредственного обмена привели к возникновению условных меновых знаков. Это, по большей части, наиболее ценимые предметы, раковины, предметы украшения, меха, скот, наконец, драгоценные металлы. В конце концов исключительное значение всеобщего средства обмена, всеобщего эквивалента (равноценности) приобрели драгоценные металлы, золото, серебро, медь. Этому способствовала их сохранность (они не портятся и не ржавеют), их делимость на произвольные части, их портативность (удобоносимость) и вследствие этого возможность всегда иметь их при себе в любом количестве. Драгоценные металлы в виде слитков различной величины и формы играли роль денежных знаков еще у народов древнего Востока. Чеканная монета впервые появляется в VII веке до Р. Х. в Лидии и затем в Греции в связи с широким развитием древне-греческой торговли.

2. Деньги, как мера ценности, как средства обращения и как средства накопления.—Деньги имеют различное назначение и употребление. Прежде всего они являются мерой ценности для всех других товаров. Выражение ценности товара в денежных единицах, в рублях, франках, марках и пр. есть его денежная форма или цена. Служа мерилом ценности, деньги в то же время служат и масштабом цен, при чем определенное весовое количество золота принимается за единицу меры. Роль денег в качестве масштаба цен дает возможность сравнивать и сопоставлять между собою товары различной ценности.

В отличие от других товаров, приобретаемых на рынке для того, чтобы быть потребленными, деньги являются средствами обращения по преимуществу. Они не представляют собою предметов непосредственного потребления и не имеют, таким образом собственной потребительной ценности; их назначение заключается прежде всего в том, чтобы играть роль средств обмена (именно, отсутствие потребительной ценности и исключительно меновое значение денег и дало возможность впоследствии заменить золотые и серебряные денежные знаки выпускаемыми государством бумажными деньгами). В противоположность другим товарам, которые, будучи раз обменены, употребляются в дело и вместе с этим выходят из обращения, деньги находятся постоянно в обращении, переходя от одного владельца к другому. Продавец, только что получивший деньги за свой товар, тут же на рынке выступает в роли покупателя, приобретая необходимые ему самому товары. Одни и те же денежные знаки успевают, таким образом, в течение дня совершить не один оборот и переменить не одного владельца. Общее количество денег в стране всегда оказывается поэтому менее по сравнению с общей стоимостью обращающихся в ней товаров, и эта разница тем значительнее, чем более развита в стране торговля и чем быстрее совершается ее товарооборот.

Деньги имеют далее и еще одно назначение, именно, служить средством расплаты, платежным средством; покупатель не всегда оказывается в состоянии уплатить за товар наличными и в таком случае отсрочивает уплату, выдавая на себя расписку (вексель). Так, ремесленник платит за сырье после того, как обработает его и сбудет в виде готового изделия; купец, закупающий товары, расплачивается после того, как перепродаст их с выгодой для себя. Деньги в этом случае не уплачиваются непосредственно за товар и являются, таким образом, уже не средством обращения, а средством расплаты, когда товар поступил уже в пользование покупателя и, следовательно, вышел из обращения на рынке. Такая же расписка об уплате выдается должником кредитору и в случае простого займа. Векселя с правом получения по ним задолженной суммы могут быть передаваемы кредитором другим лицам. Так возникают кредитные деньги (векселя, чеки), находящиеся в обращении на рынке рядом с другими денежными знаками. Такие кредитные деньги не следует смешивать с выпускаемыми государством бумажными деньгами.

Не все деньги находятся одновременно в обращении. Если хозяйство, обращающее в деньги свои излишки, ни в чем в данный момент не нуждается, оно откладывает вырученную сумму с тем, чтобы воспользоваться ею, когда в том представится надобность. Хозяйственные излишки начинают копиться в виде однородных

денежных ценностей. Деньги выступают в данном случае в новой роли, именно, в качестве средств накопления. Накопленные деньги, если они лежат праздно без движения, представляют собою простое сокровище. Если же они пускаются в оборот или вкладываются в какое-нибудь предприятие с целью получения прибыли, обнаруживая вместе с этим тенденцию (наклонность) к постоянному самовозрастанию, они образуют капитал. Смотря по тому назначению, какое дается капиталу, он может принимать форму торгового, ростовщического или промышленного капитала. Первоначально капитал возникает в форме торгового и ростовщического капитала. В этих начальных формах капитал впервые выступает уже в эпоху городского районного хозяйства. Промышленный капитал развивается значительно позднее, представляя собою заключительную стадию в развитии менового или денежного хозяйства.

3. Разложение поместного хозяйства.—Накопление более значительных денежных средств ранее всего началось в руках того общественного класса, который, располагая обильными хозяйственными излишками, в то же время более других ощущал нужду в деньгах. Это был класс крупных землевладельцев, располагавший средствами обширных поместий. В этом классе возникла прежде всего потребность в торговом обмене, из этого же класса выделился первоначально и собственно торговый класс, для которого накопление денежных средств сделалось призванием. Однако, и та преимущественно сельская часть землевладельческого класса, которая не принимала такого непосредственного участия в торговле, тем не менее с расширением своих хозяйственных потребностей и с распространением в ее среде привычек к роскоши, точно так же все более начинала ощущать нужду в деньгах. Как для приобретения городских ремесленных изделий, так и в еще большей степени для приобретения привозившихся с Востока предметов роскоши нужны были деньги. Крестовые походы, непосредственно сблизившие западные страны с богатым Востоком и способствовавшие тем самым оживлению восточной торговли, сразу же повысили в среде землевладельческого класса потребность в восточных продуктах, а вместе с тем и нужду в деньгах. Самое участие в крестовых походах, представлявшее случай лично побывать в богатых странах Востока, так же связано было с значительными денежными расходами.

В связи с растущей нуждой землевладельческого класса в деньгах натуральные повинности и натуральный оброк, собиравшийся с крестьян, заменяется денежным оброком. Продавая на соседнем городском рынке продукты своего хозяйства, крестьяне получали возможность уплачивать требовавшиеся с них денежные суммы.

Одновременно с превращением натурального оброка в денежную форму повышаются и его размеры. Крестьяне оказываются вынужденными отдавать землевладельцу все большую и большую часть, если не весь свой прибавочный продукт.

Поместье, для которого удовлетворение собственных потребностей являлось до этого времени конечной и единственной целью, превращается, таким образом, в источник дохода, дающий возможность владельцу удовлетворять свои растущие потребности. Целью сельского, как и городского, землевладения теперь становится получение нетрудового дохода—земельной ренты, причем нередко сам владелец и не живет уже более в своем поместье. Поместное хозяйство все более утрачивает свой исключительно натуральный характер и все более превращается в чисто меновое хозяйство. Вместе с этим начинается его разложение и замена новыми хозяйственными формами, различающимися в отдельных странах в зависимости от степени и условий их общего экономического развития.

4. Ослабление крепостной зависимости.—Хотя замена барщины и натуральных повинностей денежным оброком и сопровождалась в большинстве случаев повышением тяжести лежавших на крестьянах поборов, тем не менее в то же время она ослабляла непосредственную зависимость их от землевладельца, превращая их из крепостных в полусвободных арендаторов. Разложение крепостного хозяйства на этом, однако, не остановилось. Все более нуждаясь в деньгах, землевладельцы нередко целыми деревнями освобождали своих крепостных; такое освобождение проводилось за уплату высокого выкупа, являвшегося нередко замаскированным повышением платежей. В 1315 году французский король Людовик X освободил всех крепостных в королевских имениях (доменах), потребовав за это выкупную сумму, которая должна была служить «достаточным вознаграждением за те выгоды, которые эти рабские состояния могли бы доставить нам и преемникам нашим». То же в меньших размерах делали на своих землях и другие сеньеры. Освобождение при этом далеко не всегда производилось по желанию и инициативе самих освобожденных. С одной стороны, оно было далеко неполным; крестьяне освобождались от барщины и повинностей, но оставались поземельно-зависимыми, т.-е. должны были нести различные платежи за те земельные участки, которыми пользовались. С другой стороны, далеко не все оказывались в состоянии уплатить требовавшееся с них «достаточное вознаграждение». «Может случиться», писал тот же король Людовик X комиссарам, взыскивавшим выкупные суммы, «что некоторые вследствие дурного совета или недостатка благоразумия не увидят в этом великого благодеяния и великой

милости, так что скорее захотят оставаться в бедности рабского состояния, чем освободиться». С таких предписывалось «взять сколько можно без обиды и сколько потребно для наших нужд».

Помимо получения выкупа, и другие соображения побуждали сеньеров переводить своих крепостных на положение свободных или полусвободных арендаторов. Повинности и оброки крепостных устанавливались обычаем, и потому их труднее было произвольно повышать, нежели арендную плату. Неисправного арендатора сверх того всегда можно было заменить другим, чего нельзя было сделать с крепостным. Наконец, многие отдельные сеньеры научились уже ценить преимущества свободного труда над подневольным. «Крепостные», говорится, например, в одной отпускной, «нерадивы к работе, так как выполняют ее на других; по этой причине они безжалостно истощают почву и не заботятся о том, что будет после их смерти. Но они проявят старание, если получат уверенность в том, что их имущество перейдет к их ближайшим родственникам». Те же соображения повторяются и в других отпускных. Многие отпускные содержат в себе менее определенное указание, что свобода дается крепостным прежде всего в интересах самих владельцев.

Разложение поместного хозяйства непосредственно связано было с развитием городской рыночной торговли: владелец нуждался в деньгах для того, чтобы покупать на городском рынке, крестьянин получал возможность уплачивать денежный оброк и денежный выкуп, лишь продавая свои продукты на том же городском рынке. Освобождение крестьян совершалось поэтому тем ранее и было тем полнее, чем ранее возникали города и чем более широкое развитие получала городская жизнь в стране. В Италии почти полное освобождение крепостных и обращение их в свободных арендаторов достигнуто было уже в XIII веке. Здесь оно проводилось даже как общая мера постановлениями отдельных городских республик. Большинство самих сеньеров переселялось здесь в города, живя на получаемую с поместий ренту. Во Франции к концу XIV века около двух третей крепостных обратилось в свободных арендаторов или в поземельно-зависимых вилланов. Крепостное состояние в его прежней форме удержалось только по преимуществу в восточной и в центральной Франции. В Англии бо̀льшая часть крестьян к этому времени были так же лично свободны, и попытки сеньеров вернуться к системе барщины после опустошений, произведенных черной смертью в 1348 году, в общем не имели успеха. Несколько позже началась замена натуральных повинностей денежными в Германии. Освобождение крестьян вообще не получило здесь такого широкого развития, как в других европейских странах, и с конца XIV столетия, как увидим, сменяется обратным движением в сторону нового

закрепощения и возвращения к барщинному труду. В России, где города и городская рыночная торговля почти отсутствовали, процесс замены натурального оброка и повинностей денежным оброком начался еще позже и совершался гораздо медленнее. Натуральные повинности рядом с денежным оброком просуществовали здесь вплоть до XIX столетия.

С освобождением крестьян сельское хозяйство начинает строиться на новых основаниях. Зависимые принудительные отношения, на которых основывалось поместное хозяйство, уступают место более свободным и договорным. Внутренние связи, объединявшие все население поместья в одну хозяйственную группу, вместе с этим ослабляются. Взаимоотношения между владельцем и арендатором, с одной стороны, между владельцем или арендатором и рабочими, с другой, из натурально-хозяйственных, при которых как сборы в пользу помещика, так и поддержка, оказываемая им зависимому населению в случае нужды, производилась исключительно натурой, превращаются в чисто денежные. Землевладелец получает с арендатора денежную ренту, работник, работающий на его земле, получает от него денежную плату.

На смену зависимых крестьянских «держаний» помещичьей земли выступает свободная или полусвободная аренда. На смену крепостному барщинному труду впервые появляется вольнонаемный труд. В батраки шли крестьяне, лишившиеся своих земельных участков вследствие замены их свободными арендаторами или же разоренные непосильными поборами. На отдельные работы, кроме того, нанимались менее обеспеченные малоземельные крестьяне. К половине XIV столетия наемный труд получил относительно широкое распространение как в Италии, так и во Франции и Англии. Издаются специальные постановления, определяющие условия найма сельско-хозяйственных рабочих и высшую заработную плату, какую они могут получать. Особенно частыми сделались такие постановления после 1348 года страшной эпидемии «черной смерти», охватившей всю Европу и унесшей с собою около трети ее населения. Цены на труд, благодаря этому, поднялись, и против такого повышения заработной платы и направлялись прежде всего все правительственные меры. В ордонансе (указе), изданном с этой целью в 1350 году во Франции, перечисляются в качестве наемных рабочих работники, обрабатывающие виноградники и производящие сбор винограда, пахари, косари, жнецы, молотильщики, возчики, коровники, свинопасы, пастухи. Правила касаются поденного и сдельного, т.-е. на определенную работу найма так же, как и условий найма годовых рабочих. И в Англии в это время поденщики и годовые рабочие представляли относительно частое явление.

ГЛАВА VIII.

Междукоммунальная торговля и возникновение национального хозяйства.

1. Междукоммунальная (междугородская) торговля в средние века и в древности.—Денежные суммы, собиравшиеся в виде оброков землевладельцами, не являлись еще в их руках средством накопления, так как употреблялись на приобретение предметов роскоши и на другие потребности. Стремление к накоплению в чистом виде проявляется лишь тогда, когда деньги сами начинают родить деньги, когда они пускаются в оборот с тем, чтобы вернуться к своему владельцу с прибылью. Первичными способами извлечения прибыли служат торговля и ростовщичество, а вместе с тем и первичными формами капитала являются, как уже сказано, торговый и ростовщический капитал. В промышленности, где всецело господствовал еще мелкий ремесленный труд, огражденный цеховыми уставами и учреждениями, не было места для извлечения прибыли.

В отличие от позднейшего промышленного капитала, непосредственно организующего производство, торговый капитал совершенно не принимает участия в производстве. Производитель трудится вполне самостоятельно. Роль торгового капитала сводится исключительно к посредничеству между отдельными производителями, сохраняющими во всех других отношениях полную независимость. Прибыль, выручаемая на торговый капитал, не является еще в это время результатом присвоения капиталистом части прибавочного продукта. Величина ее определяется, с одной стороны, степенью потребности покупателя в предлагаемых ему товарах, а, следовательно, и той цены, какую он согласен за них дать, с другой же стороны, исключительным монопольным положением купца на рынке, благодаря которому покупатель нигде, кроме как у него, не имеет возможности получить желаемый продукт. Сеньор-владелец поместья, обменивавший излишки своего хозяйства, ничего ему самому не стоившие и являвшиеся в его руках простым присвоением чужого прибавочного труда, готов был дать любую цену за нужный ему или прельстивший его товар. В то же время и торговец имел полную возможность назначать произвольные цены, благодаря устранению иногородних конкурентов и установлению полной монополии на местном рынке. Достижение такой монополии для местных торговцев и составляло, как мы уже знаем, главную цель городских купеческих гильдий.

Такое стремление к монополии, характеризующее собою прежде всего торговлю времени городского хозяйства, обусловливалось как слабым еще развитием самой торговли, так и общими неблагоприятными условиями, до крайности стеснявшими всякие торговые сношения. Прежде всего сама по себе городская рыночная торговля для извлечения торговой прибыли представляла малоблагоприятную почву. На городском рынке встречались непосредственные производители, ремесленники и крестьяне. Они обменивались между собою необходимыми хозяйственными продуктами и изделиями, цены которых определялись количеством затраченного на них труда. Всякое торговое посредничество, т.-е. покупка товаров и перепродажа их с барышом, воспрещалось и намеренно устранялось цеховым строем. Посредничество купца, исключавшееся на городском рынке, напротив, становилось неизбежным в междукоммунальной торговле, т.-е. в торговле привозными продуктами, равно как и в торговых сношениях между отдельными городами, требовавших перевозки товаров на более или менее значительные расстояния. Однако, такая торговля была еще крайне незначительна, и, кроме того, встречала на пути своего развития множество препятствий.

Каждый отдельный город замыкался в пределах своего округа и почти ничего не вывозил, воспрещая в то же время и ввоз иногородних изделий. Предметами торговли служили поэтому почти исключительно произведения богатых стран Востока, различные благовония, пряности, драгоценности, частью промышленные изделия, шелковые ткани, стеклянные изделия и т. п. Привозившиеся издалека и стоившие дорого восточные товары представляли предмет роскоши, доступный лишь для высших классов. Купец являлся в это время, как уже указывалось выше, прежде всего посредником в обмене излишками, накоплявшимися в крупных землевладельческих хозяйствах отдаленных стран и местностей. Свыше трех четвертей всего привоза из восточных стран приобреталось лицами и учреждениями, получавшими доход с земельных владений, князьями, рыцарями, духовными сановниками, церквами, монастырями, капитулами орденов, остальная часть расходилась среди более богатых и состоятельных кругов городского населения.

За отсутствием удобных сухопутных дорог сообщение производилось почти исключительно водными путями. Более значительная торговля привозными товарами могла развиться поэтому лишь в городах, расположенных вдоль таких водных путей, по берегам морей и рек. Главнейшим, а долгое время и единственным путем для доставления европейским народам произведений восточных стран, Африки, Малой Азии, Аравии и Индии служило Средиземное море. Область этого моря и являлась

вследствие этого как в древности, так и в средние века местом наиболее оживленной междукоммунальной торговли. Именно здесь возник ряд крупных торговых городов. В древности это были финикийские города Тир, Сидон, Карфаген, греческие — Милет, Афины, Коринф, Тарент, Сиракузы, позднее Александрия; в средние века — итальянские торговые республики и прежде всего Венеция и Генуя, в руках которых находилась вся восточная левантийская торговля. Во второй половине средневековья, начиная с XII — XIII столетий, значительная торговля развилась и на северных — Балтийском и Немецком морях. Здесь предметами торговли служили меха и различные сырые материалы, кожи, воск, строительный лес, привозившиеся из России и скандинавских стран. Северную торговлю захватили в свои руки немецкие прибалтийские города (Бремен, Гамбург, Любек и др.). Водными путями, соединявшими оба моря, служили путь по р. Рейну (г. Кельн и расположенные недалеко от устья Рейна фландрские города Антверпен и Брюгге) и ответлявшийся от него путь по р. Сене, приводивший в Нормандию и через Ламанш в Англию (гг. Париж, Руан). На разветвлении этих двух путей в центральной Европе происходили знаменитые шампанские ярмарки, где одновременно производилась торговля продуктами богатого Востока и далекого Севера.

2. Торговые союзы и товарищества. — Торговое движение совершалось, таким образом, по немногим водным и сухопутным путям, однако, и проезд по этим путям далеко не был свободен. Бесчисленные поборы и опасности ожидали торговцев в пути. Вся Европа дробилась на множество феодальных владений. Каждый даже мелкий владелец требовал при проезде через свои владения уплаты с провозимых товаров высокой таможенной пошлины в свою пользу. В XIV столетии на Рейне насчитывалось свыше 60 таможенных застав. Каждый замок, встречавшийся на пути, грозил нападением и ограблением. Море также кишело пиратами и судами враждебных торговых республик. Все эти опасности заставляли купцов держаться вместе.

Не только местные городские купцы соединялись в гильдии, но и между купцами различных городов заключались союзы для совместной торговли. Таковы были, например, союзы итальянских и провансальских городов, посещавших ярмарки Шампани; немецкие прибалтийские города образовали немецкую ганзу, города нижнего Рейна и Фландрии — лондонскую ганзу для торговли с Англией. Купцы союзных городов объединялись в караваны или флотилии для совместного посещения отдаленных рынков, имели в городах, с которыми вели более оживленные торговые сношения, свои особые дворы для остановок и для

склада товаров. Так, ганзейцы имели четыре главные конторы в Новгороде, Лондоне, Брюгге и Бергене; южно-германские купцы имели свое фондако в Венеции. Итальянские города заводили такие же дворы (лоджи) в главных торговых центрах Востока. Во главе таких торговых поселений становились избранные должностные лица: ольдермены у ганзейцев, консулы у итальянцев. Крепкие стены, какими обносились дворы иногородних купцов, показывали, что даже на месте производства торговли они не чувствовали себя в полной безопасности и должны были постоянно опасаться враждебных действий со стороны туземного населения.

Вынужденные союзы не исключали враждебных отношений между купцами отдельных городов. Напротив, постоянные враждебные отношения составляли самое обычное явление, обусловливавшееся прежде всего монополистическими стремлениями отдельных, входивших в союзы городов. Солидарность на чужбине не исключала резкого расхождения и даже противоположности интересов на родине.

3. Городская торговая политика.—Торговля производилась исключительно между отдельными городами, была, таким образом, междукоммунальной. Международной торговли в современном значении этого слова еще не существовало, так как не существовало еще и сколько-нибудь прочных национальных объединений. Каждый город вел свою самостоятельную торговую политику, стремясь захватить всю местную торговлю в свои руки и в то же время добиться возможно широких прав и привилегий на иногородних рынках.

В древности Афины господствовали во всей восточной половине Средиземного моря, так же как Коринф на Западе. Торговое соперничество между этими двумя первенствующими торговыми городами и послужило главной причиной роковой для Афин Пелопоннесской войны. Такое же соперничество из-за господства на восточных рынках существовало и между итальянскими торговыми республиками. Враждебные отношения между Генуей и Венецией не прекращались в течение всей средневековой эпохи. То же стремление к монополизации характеризует собою прежде всего и привилегии, получавшиеся купеческими гильдиями французских и английских городов. «Никто», говорится обычно в таких привилегиях, «не должен выставлять своих товаров ни в городе, ни в его предместьях, если он не состоит членом городской гильдии».

Города, расположенные по берегам судоходных рек, стремились сверх того присвоить себе исключительное право провоза товаров по речному пути в пределах городской территории. Благо-

даря этому, путь для иногородних и иноземных купцов оказывался закрытым, и им оставалось либо сбывать все свои товары местным городским купцам, либо входить с ними в специальные соглашения для провоза своих товаров. Таким исключительным правом, известным под названием стапельного права, обладали, например, парижская гильдия «торговцев на воде» (marchands de l'eau), руанская ганза, многие немецкие ганзейские города. Разумеется, приобретение таких исключительных прав не обходилось без борьбы и без сопротивления со стороны купечества других заинтересованных городов. Борьба между Парижем и Руаном продолжалась в течение более двух столетий, пока не закончилась, наконец, торжеством парижской гильдии. Немецкие ганзейские города, выступавшие объединенно в чужих краях, у себя на родине по большей части враждовали между собою, причем поводом к столкновениям здесь также служило чаще всего захватывавшееся отдельными городами стапельное право.

4. Ростовщический капитал.—Банки и денежная торговля.— Рядом с торговлей другим первоначальным способом накопления капиталов служит ростовщичество, т.-е. выдача денег взаймы под проценты или под залог вещей и доходов, поступавших в распоряжение заимодавца вплоть до уплаты занятой суммы. Нередко, ссужая деньги крупным феодалам или государям, ростовщики выговаривали себе право сбора той или иной части их доходов, выступая таким образом в качестве откупщиков.

Ростовщичество и более развитая его форма—кредит возникает одновременно с тем, как с распространением денежного обращения начинает ощущаться нужда в деньгах. Первоначально торговые и кредитные операции не различаются строго. Люди, обладавшие денежными средствами, одинаково обращали их как в торговые, так и в ссудные операции. Евреи во всю первую половину средних веков были одновременно и купцами и ростовщиками. Точно так же и позднее итальянские купцы, проникавшие за Альпы и известные там под общим именем ломбардцев, ссужали деньги королям, князьям и другим крупным феодалам. И местный городской патрициат и купечество точно так же, рядом с евреями и ломбардцами, занимались ростовщическими операциями, где только к тому представлялся случай. Ростовщические операции не в меньшей степени, нежели торговля, способствовали сосредоточению капиталов и в частности перемещению прибавочного продукта, накоплявшегося в крупных поместьях, в руки торгового класса.

Кредит и другие денежные операции непосредственно связаны с развитием торговли. Рост торговли неизбежно сопровождался развитием денежного обращения, а, следовательно, и денежных

операций разного рода, размена денег, займов, денежных переводов и пр. Кредит развивается поэтому прежде всего в крупных торговых центрах, в древности в Афинах, в средние века в Генуе, Венеции и других итальянских городах. Здесь же в этих городах впервые возникли и банки, учреждения, специально занимающиеся кредитными и денежными операциями. Первыми банкирами были менялы, столы которых помещались на всех городских рынках. Деятельность менял при необычайной пестроте и разнообразии монеты, когда каждый город, каждое феодальное владение имело свою особую монетную систему, представлялась настоятельно необходимой. В крупных торговых центрах менялы не ограничивались разменом денег; они ссужали и принимали деньги на хранение и производили и многие другие денежные операции, например, денежные платежи за своих доверителей.

Банк есть не что иное, как разросшееся предприятие менялы. Возникши вместе с торговлей, банки играли видную роль в ее развитии, особенно в Италии. Деятельность их, как и деятельность менял, сводилась первоначально прежде всего к приему денег на хранение и к производству платежей и переводов денежных сумм от имени и по поручению доверителей, вкладывавших в них свои деньги. Принимая от купцов деньги на хранение, они записывали полученные суммы на имя вкладчиков, производили от их имени платежи, переписывая выплачиваемую сумму с имени плательщика на имя получателя, производили переводы денег, т.-е., принимая переводимую сумму, выдавали так называемый переводный вексель, по которому такая же сумма выплачивалась в любом другом городе, где имелись доверенные лица или отделения банка. Все эти операции избавляли купца от необходимости иметь деньги постоянно при себе, что при тех опасностях, с какими сопряжены были торговые поездки в средневековую эпоху, представлялось крайне существенным.

Обслуживая прежде всего нужды и потребности торговли, банки занимались в то же время и кредитными и ссудо-залоговыми операциями, частью за счет собственных, частью за счет доверенных сумм. Такое пользование вложенными деньгами являлось, впрочем, в отличие от нашего времени, скорее злоупотреблением со стороны банков, нежели общим правилом, и обычно не только не предусматривалось, но даже прямо воспрещалось специальными постановлениями. Короли, светские и духовные князья так же, как и менее значительные землевладельцы, занимали необходимые им денежные суммы у итальянских банкиров, предоставляя им зато сбор тех или иных государственных доходов, таможенных пошлин, земельной ренты. К концу средневековой эпохи в Венеции и Генуе возникли акционерные банковые предприятия, т.-е. такие, капиталы которых образуются из вкладов нескольких лиц. Особой

славой пользовался генуэзский банк св. Георгия. Банк этот имел дела почти во всех европейских государствах. Капитал его в течение 50 лет с 1417 по 1470 г. возрос более, чем в четверо (с 2,7 милл. до 12 милл. лир).

5. Специализация производства по городам и развитие местной междукоммунальной торговли.—За исключением Италии, междукоммунальная торговля в течение всего средневекового периода развита была относительно слабо и ограничивалась немногими более значительными торговыми городами. Преобладающим типом торговли оставалась городская рыночная торговля. Городская жизнь начинает утрачивать свою замкнутость лишь после того, как предметом междукоммунальной торговли сделались, рядом с привозными товарами, и изделия местной промышленности. Не развитие торговли, но прежде всего развитие промышленности, переросшей узкие рамки гордского районного хозяйства, преодолело в конце концов городскую замкнутость и прорвало те плотины, которыми стремились отгородить себя от внешнего мира цеховые ремесленники.

С течением времени в отдельных городах та или иная отрасль промышленности развивалась настолько, что перерастала потребности местного городского рынка и начинала работать на более широкий рынок для вывоза в другие города. Таковы прежде всего те роды ремесла, которые требовали особого искусства, например, выделка тонких сукон или же сырых материалов, получавшихся лишь в немногих определенных центрах производства, как изготовление шелковых тканей. Развитию специальных производств в отдельных городах могли способствовать также и другие обстоятельства, — добывание в данной местности необходимого для этих производств сырья, например, железных руд, олова, янтаря, скопление в городе ремесленников одной специальности, наконец, торговое значение города, привлекавшее многочисленных ремесленников.

Ранее всего из промышленных изделий предметами междукоммунальной торговли становятся тонкие сукна; особенно славились фламандские и брабантские сукна, выделывавшиеся в городах Фландрии и частью северной Франции. Каждый город или местность специализировались на производстве отдельных сортов: Брюгге и Валансьен производили полосатые материи, Гент и Ипр— ярко-красные, Бургундия и Шампань — зеленые. Производство сукон на широкий рынок развилось так же в некоторых итальянских городах, особенно во Флоренции, также в Милане и Венеции. Центром полотняного производства в средние века сделался г. Констанц. Шелковая промышленность развилась почти исключительно в итальянских городах, получавших шелк с Востока.

главным образом, в Генуе, Венеции и Лукке. В итальянских же городах, прежде всего в Венеции, развилось и стеклянное производство, так же, как и шелковая промышленность, заимствованное с Востока. Некоторые германские города славились своими металлическими изделиями: Золинген—оружием, Нюрнберг—мелочными железными изделиями. В Любеке, расположенном недалеко от места добычи янтаря, процветало производство янтарных четок.

Первоначально промышленные изделия сбывались по преимуществу на ярмарках. С течением времени, по мере того как специальные производства отдельных городов входили все в большую славу, привоз их разрешался и на местные городские рынки. Изъятия допускались сперва лишь для изделий, не изготовлявшихся на месте (для шелковых тканей, тонких сукон и пр.) Позднее разрешение распространилось и на другие изделия.

6. Возникновение национального хозяйства.—С того момента, как преодолена была городская замкнутость, разрушаются основы городского хозяйства. Чем большее число местных промышленных изделий становились предметом междукоммунальной торговли, тем более расширялась и крепла самая эта торговля. Слабые и разрозненные вначале торговые связи между городами превращались в более тесные и постоянные и закреплялись специальными торговыми договорами и соглашениями. Специализация производства по городам усиливается. Отрасли, развивающиеся в одних городах, в то же время совершенно исчезают в других. В каждой стране образуются специальные округа и центры отдельных производств. В Париже в конце XV века продавались сукна из Шампани, Нормандии, ткани из Оверни, саржа из Арраса, железные и кузнечные изделия из Тулузы, гребни из Лиможа; оживленная торговля сукном производилась в г. Туре, куда присылали свои изделия свыше 15 французских городов. Шелковая промышленность развилась по преимуществу в Лионе. В Германии сукна выделывались в прирейнских городах, полотна в Силезии, железные и кузнечные изделия в Нюрнберге. В Англии также образовались свои центры производства сукна (в восточных графствах), полотна, железных изделий и других отраслей промышленности.

С упрочением связей между городами вся экономическая жизнь начинает строиться на более широком основании, принимая размеры национальные и государственные. Городское хозяйство разрушается, уступая место хозяйству национальному. Вместо ограниченного городского рынка образуется национальный рынок. Крупные промышленные центры работают уже не на свой только округ, а на всю страну. Развивается национальная промышленность и национальная торговля. Устанавливается единая для всей страны монетная система так же, как и единообразная

система мер и весов. Бесчисленные внутренние таможенные перегородки исчезают и заменяются установлением таможен на границах государства. Принимаются меры к улучшению путей сообщения и к их безопасности, к поимке и наказанию как мелких грабителей, так и феодалов, нападавших из своих замков на проезжих купцов. Вместе с этим выдвигается значение центральной власти. В связи и одновременно с развитием национального хозяйства развивается и национальное государство и национальная государственная власть, обслуживавшая прежде всего интересы вновь нарождавшегося класса буржуазии, сила и значение которого заключались уже не в земельных владениях, а в обладании денежным капиталом.

XV и XVI столетия составляют переходную эпоху, XVII и XVIII — время расцвета национального хозяйства. В России процесс образования национального хозяйства начался также в XVI столетии, но здесь он совершался более медленно и завершился лишь в половине XIX века.

ГЛАВА IX.

Разложение цехового строя.

1. Расширение производства и превращение цеховых мастеров в предпринимателей.—С развитием специализации производства и с ростом междукоммунальной торговли, цеховая организация оказывается слишком тесной для растущей промышленности. Вместе с этим начинается ее разложение. Разрушение цеха одновременно совершается как изнутри, путем исчезновения прежнего равенства, так и извне, в результате вмешательства в область производства торгового капитала. Чем труднее становился доступ к званию цехового мастера, тем быстрее росло число подмастерьев, тем более было занято их и в отдельных мастерских. Такому возрастанию числа рабочих благоприятствовало и увеличение спроса на промышленные изделия в связи с развитием междукоммунальной торговли. Вопреки запрещению иметь свыше 1—2 рабочих, более зажиточные мастера доводят число подручных рабочих в своих мастерских до 6—10 и даже более. В то же время они усиливают и эксплоатацию труда этих рабочих, удлиняя рабочий день далеко за пределы, разрешенные цеховыми уставами.

Расширив таким образом производство, отдельные более зажиточные мастера начинают сбывать свои изделия не только на местном городском рынке, но и отвозят их на ярмарки и в бли-

жайшие, более значительные торговые центры. Вместе с этим они все чаще берут на себя также сбыт изделий других ремесленников, выступая, таким образом, уже в новой роли торговых посредников. В тех отраслях производства, в которых продукт труда последовательно проходил через руки мастеров нескольких цехов, например, в суконной промышленности, в производстве холодного оружия, сбыт изделий уже в силу одного этого сосредоточивался в руках членов цеха, заканчивавшего производство и придававшего изделиям окончательный вид. Это обстоятельство ставило их в исключительно благоприятное положение по отношению к членам других цехов, оказывавшимся как бы в зависимости от них. Особенно выдвинулся, благодаря этому, цех суконщиков, господствовавший над целым рядом низших цехов — продавцов шерсти, шерстобитов, чесальщиков, прядильщиков, ткачей, валяльщиков, стригальщиков, красильщиков, набойщиков. Еще в средневековую эпоху цех суконщиков возвышался над всеми остальными цехами, занимая между ними первое место и по богатству и по влиятельному положению. Суконщики же прежде всего выиграли и от расширения производства, так как именно сукно составляло один из наиболее ходких товаров в междукоммунальной торговле.

2. Подчинение ремесла капиталу.—Переход от ремесла к новым формам производства совершался, однако, не столько этим путем, не столько путем объединения производства в руках немногих ремесленников и превращения этих последних в предпринимателей, сколько посредством подчинения ремесла капиталу. До этого времени капитал, как мы уже знаем, развивался только в двух формах, в форме торгового и ростовщического капитала. Обе эти формы капитала развивались одновременно и параллельно, находясь в тесной связи между собою. Торговый капитал являлся необходимым орудием в руках купца-продавца; ростовщический снабжал в нужный момент деньгами покупателя. Оба вида капитала играли, таким образом, роль в процессе обмена, обслуживая две стороны этого процесса и являясь в этом отношении как бы дополнением один другого. Вот почему развитие первоначальных форм капитала непосредственно связано с развитием торгового обмена.

Напротив, процесс производства в эпоху господства ремесла и замкнутого городского хозяйства оставался совершенно независимым от капитала. Торговый капитал ограничивался первоначально исключительно посредничеством, притом не столько между самими производителями, обменивавшимися между собою непосредственно, сколько между феодалами, обменивавшими продукты труда зависимого населения на привозные предметы роскоши. Ростовщический капитал точно так же удовлетворял прежде всего

потребность в деньгах феодального класса. Лишь позже и в значительно меньших размерах развивалось мелкое ростовщичество, обслуживавшее земледельческое и ремесленное, т.-е. собственно производительное население. Рост капитала, как торгового, так и ростовщического, совершался, таким образом, прежде всего за счет имущества и доходов высших классов, главным образом, крупных феодалов. Гнет его, однако, уже очень рано и притом все в возрастающей степени ощущался и мелкими производителями, в особенности крестьянами, так как сеньеры удовлетворяли растущую нужду в продуктах сбыта и в средствах для расплаты с ростовщиками путем повышения эксплоатации зависимого от них населения.

Способствуя, таким образом, посредственно и непосредственно разорению мелких производителей и подрывая вместе с этим основы старых форм производства, капитал, однако, не вмешивался еще в самую область производительной деятельности и не изменял ни способов, ни характера производства. Капитал и производитель оказывались, таким образом, разобщенными и взаимно независимыми. Только тогда, когда узкие рамки прежних способов и форм производства сделались слишком тесными, а средства, какими они располагали,—явно недостаточными, наступило время для непосредственного вмешательства капитала в процесс производства.

Вмешательство капитала первоначально выражалось в ссуде денег, в раздаче материала недостаточным мастерам, в закупке вперед всего их производства без права продажи на сторону, наконец, и просто в массовой скупке ремесленных изделий. Операциями этого рода занимались все наиболее богатые и выдающиеся торговые дома Германии XV — XVI в.в., Фуггеров, Вельзеров, Гумписсов, Руландов и пр. Капитал выступает, таким образом, попрежнему в качестве торгового и ростовщического капитала, но уже в новой форме скупщического капитала. Становясь между производителями и потребителями, капитал с течением времени все более превращается в полновластного господина рынка. Вот почему эпоха национального хозяйства является в то же время эпохой преобладания торгового капитала, эпохой торгового капитализма так же, как и предшествовавшая эпоха городского районного хозяйства была временем господства ремесла, а последующая—промышленного капитализма [1]).

[1]) В отдельных городах с специально развитой торговлей, где торговые интересы уже очень рано потребовали расширения производства на вывоз, еще в эпоху городского хозяйства создались условия для возникновения скупщического капитала и для подчинения ему ремесла. Так было, например, в Венеции и в других итальянских торговых республиках, равно как и в немногих промышленных центрах континентальной Европы. Но только в эпоху торгового капитализма эти единичные случаи превращаются в общее правило. В торговых городах древности, прежде всего в Греции, благодаря особо благоприятным географическим условиям, торговое развитие, именно

3. Разложение цехов.—С выделением отдельных ремесленников, с одной стороны, и с падением независимости ремесла и подчинением его торговому капиталу, с другой, разрушение старого цеха, цеха, стремившегося поставить всех производителей в равные условия, пошло вперед быстрыми шагами. Исчезло прежнее равенство и независимость ремесленников. Исчезла и непосредственная связь ремесленника с рынком, вместе с чем утрачивается и власть производителя над продуктами его труда: между ним и рынком становится посредник, так тщательно изгонявшийся ранее цеховыми уставами. Утратили, наконец, силу и ограничения числа рабочих и рабочего времени, имевшие целью предупредить неравномерность производства между отдельными членами цеха. С расширением рынка и с общим увеличением производства все эти ограничения отпадали сами собою. Напротив, попадая в зависимость от торгового класса, ремесленники сами вынуждены были усиливать эксплоатацию зависимых от них подмастерьев и рабочих. В богатых цехах, в роде цеха суконщиков, мастера в большинстве случаев переставали работать лично, оставляя за собою лишь общий надзор за работой и превращаясь, таким образом, в настоящих предпринимателей. Вместе с этим исчезали и последние следы прежней близости, существовавшей когда-то между мастерами и подмастерьями. Прекращение доступа к званию мастера, с одной стороны, усиление эксплоатации, с другой, завершили превращение подмастерьев в наемных рабочих, интересы которых чем далее, тем все более расходились с интересами хозяев-нанимателей.

Такая противоположность интересов и в то же время быстро возраставшая эксплоатация их труда, естественно, вызывали сопротивление со стороны подмастерьев и толкали их на борьбу с мастерами. Условия, в каких находились в то время подмастерья, благоприятствовали их общим выступлениям и, таким образом, облегчали им борьбу с хозяевами. Живя и работая, по большей части, в непосредственном соседстве, на одной и той же улице, встречаясь постоянно в харчевнях, на местах найма,

---

развитие посреднической торговли между культурными народами Востока и малокультурными областями западной половины Средиземного моря, совершалось с исключительной быстротой и, в противоположность средневековой Европе, значительно опередило развитие ремесла. Здесь торговый капитал поэтому должен был в замену отсутствовавшего еще ремесла прибегнуть к рабскому труду, покупая рабов и заставляя их работать в специальных мастерских. Такая промышленность, основанная на подневольном рабском труде, оказалась, однако, нежизнеспособной и потому не получила дальнейшего развития. Экономическое развитие Греции вместе с этим остановилось, что в свою очередь повлекло за собою общий упадок всей страны, упадок, довершенный перенесением морских торговых путей, которые во вторую половину древности проходили через Александрию, южнее Греции.

подмастерья легко сходились между собою и во всякое время могли столковаться относительно совместных и общих выступлений. Уже очень рано, еще в четырнадцатом столетии, они образовывают союзы-братства, но особенно быстро число таких союзов начинает увеличиваться в следующем столетии.

Братства подмастерьев первоначально носят тот же характер похоронных касс и обществ взаимопомощи, какой имели и ремесленные цехи в начальный период своего существования. С течением времени, однако, по мере обострения отношений с мастерами, они все более превращаются в боевые организации, в специальные союзы для борьбы с хозяевами. Подмастерья вступают между собою в соглашения для предъявления общих требований относительно сокращения рабочего дня, повышения заработной платы и вообще улучшения условий работы и существования. Средствами для достижения этих требований служат стачка, приостановка работ по соглашению и бойкот, уклонение от всяких сношений как с мастерами, пользовавшимися особенно дурной репутацией, так и с подмастерьями, не поддерживавшими товарищей в их общей борьбе.

Столкновения между мастерами и подмастерьями становятся особенно частыми с пятнадцатого столетия. На забастовки и требования подмастерьев мастера отвечали составлением черных списков с именами участников стачек и других выступлений, преследованием наиболее беспокойных подмастерьев и отказом им в работе, наконец, рядом общих законодательных мер. В 1465 году в Страссбурге издан был специальный устав относительно рабочих и подмастерьев, воспрещавший им вступать в союзы и устраивать стачки, иметь свои харчевни и вообще собираться вместе. Устав этот послужил образцом и был принят во многих других городах. Помимо таких общих постановлений, против подмастерьев принимался и ряд отдельных специальных мер. Все эти меры в большинстве случаев оказывались, однако, безуспешными, и борьба не только не прекращалась, но с течением времени разгоралась все сильнее и сильнее.

ГЛАВА X.

Способы первичного накопления капитала: колониальное хозяйство.

1. Накопление капитала, как необходимое предварительное условие для развития крупного производства.—Старая цеховая организация производства под влиянием новых требований, которые она не в силах оказывалась удовлетворить, пришла в упадок.

Если отдельные цехи и продолжали еще существовать, то они далеко уже не имели значения прежних цехов, организаций, объединявших и заключавших в себе всю промышленную деятельность. Цехи XVII—XVIII веков—это замкнутые общества немногочисленных ремесленников, в которых ремесло передается по наследству от отца к сыну, организации, лишенные жизненности и постепенно утрачивающие всякое значение в промышленной жизни.

Несколько долее цеховое ремесло сохранило значение лишь в тех отраслях промышленности, которые работали на местного покупателя или на заказчика и потому не требовали сразу массового производства изделий, как ремесло портных, сапожников, булочников, мясников и пр. Напротив, в других отраслях промышленности, работавших на более обширный рынок, и прежде всего в ткацкой и металлургической промышленности, равно как и в горном деле, уже очень рано намечается тенденция в сторону развития крупного производства, объединяющего большое число рабочих в немногих предприятиях. Подчинение ремесла скупщическому капиталу представляло лишь первый шаг на этом пути. Процесс развития не мог на этом остановиться, так как сам по себе ремесленный способ производства все более оказывался недостаточным и бессильным удовлетворить требованиям времени. Новые возросшие потребности требовали и новых способов производства. Таким способом могло быть только крупное производство. Однако, для возникновения этой новой формы производства необходимо было, с одной стороны, предварительное накопление капиталов, более значительных по сравнению с капиталами, какие требовались для совершения торговых операций, и, с другой стороны, образование класса наемных пролетариев, вынужденных продавать свою рабочую силу.

2. Условия и приемы накопления торгового капитала.— В настоящее время, при господстве капиталистического способа производства, главным источником накопления капиталов является присвоение прибавочной ценности, создаваемой трудом наемных рабочих. В ту эпоху, когда капитал существовал еще только в форме торгового и ростовщического капитала, он, как мы видели, не имел непосредственного доступа к производству, а, следовательно, не мог присваивать и продуктов труда независимых от него производителей. Единственными источниками накопления служили поэтому торговая прибыль и проценты по ссудам.

В основе торгового капитала лежали феодальные доходы, непосредственно ли, когда сами феодалы, нуждаясь в получении различных продуктов, принимали участие в торговле (а это было, как мы знаем, обычным явлением в начале торгового развития),

или посредственно, когда эти доходы путем различных торговых и ростовщических операций переходили в распоряжение профессиональных торговцев. Дальнейший рост торгового капитала совершается, однако, уже вполне самостоятельно в виде прежде всего накопления торговой прибыли. Торговая прибыль достигала огромных размеров. Это зависело, с одной стороны, от примитивных способов завладения колониальными продуктами, совершавшегося в большинстве случаев путем непосредственного насильственного присвоения, с другой же стороны, от условий самого европейского рынка, позволявших приезжим купцам назначать совершенно произвольные цены.

Торговля при своем возникновении близко граничила, как мы знаем, с пиратством. И в дальнейшем, с установлением более постоянных сношений, она далеко не сразу освободилась от первобытных насильственных приемов. Финикийские и греческие купцы в древности, итальянские торговцы в средние века, новгородские ушкуйники в России были в такой же мере купцами, как и простыми грабителями. Разграбление во время четвертого крестового похода Константинополя так же, как ранее разграбление Антиохии, Цезареи и других городов Леванта, послужило одним из главных оснований при образовании богатств в средневековой Европе.

Более систематический способ накопления за счет колониальных владений представляла самая широкая эксплоатация туземного населения в виде ли сбора оброка или в виде непосредственного принуждения к труду. Итальянские торговые республики, и прежде всего Венеция и Генуя, разводили в своих левантийских владениях различные восточные фрукты, пряности, красящие вещества, устраивали плантации сахарного тростника и хлопчатника, широко пользуясь при этом трудом туземного населения. Рядом с этим они подчиняли себе и туземные производства шелковых и хлопчатобумажных тканей, гончарных и стеклянных изделий. В то же время итальянские торговцы насильственно сбывали туземцам свои товары, заставляли их покупать изделия и продукты, совершенно им ненужные. Торговля получала, таким образом, характер одностороннего акта, в котором сильнейшая сторона навязывала свою волю слабейшей. В результате двухсотлетнего хозяйничанья итальянских купцов в городах Леванта, эта цветущая страна была превращена в совершенную пустыню.

Благодаря таким упрощенным способам приобретения колониальных продуктов, себестоимость их для купца сводилась в большинстве случаев к ничтожной величине. В то же время на европейских рынках купец являлся полным господином и мог назначать какие угодно высокие цены. Преимущественными покупателями на этих рынках были феодалы, обменивавшие на пред-

меты роскоши свои хозяйственные излишки, производившиеся трудом крепостных и, следовательно, доставшиеся им без каких-либо усилий и издержек с их стороны. Вот почему, нисколько не считаясь с ценностью продуктов собственного хозяйства, они готовы были уплатить любое количество их ради удовлетворения своей прихоти или страсти к роскоши. Неудивительно при таких условиях, что обычная торговая прибыль того времени измерялась сотнями процентов.

Но как ни высоки были прибыли, выручавшиеся от торговых операций, значение их умерялось незначительностью размеров самой средневековой торговли, трудностями пути и высотой путевых издержек, наконец, огромным риском, с каким были связаны торговые операции того времени. К тому же и самые прибыли распределялись довольно неравномерно. Львиная доля их оставалась в руках итальянских торговцев, находившихся в непосредственных сношениях с странами Востока. Ранее всего крупные денежные капиталы образуются поэтому в Италии. В других же европейских странах накопление начинается лишь к концу средневекового периода не ранее XIV—XV столетия. Во Франции в XV столетии выдвигается торговый дом Жака Кера, успевшего завязать непосредственные торговые связи с Востоком. В Германии крупные состояния возникают в течение того же XV столетия в Аугсбурге и Нюрнберге, городах, поддерживавших постоянные торговые сношения с Венецией (торговые дома Фуггеров, Вельзеров, Имгофов, Шейерлей и др.). С конца XV столетия картина резко меняется. Эпоха великих открытий начинает собою новую эру в деле «первоначального накопления». Огромные колониальные владения с их неисчерпаемыми богатствами открывали перед европейскими купцами такие перспективы, по сравнению с которыми прибыли от левантийской торговли были ничто.

3. Колониальное хозяйство нового времени. — Закрытие восточных рынков и прекращение сношений с Востоком после завоевания Константинополя турками побудили европейских купцов искать непосредственных морских путей в Индию. Португалец Васко де Гама в 1498 году впервые достиг Индии, объехав вокруг Африки. За шесть лет до того Колумб, как известно, имевший в виду ту же цель, открыл Америку. Результаты открытий превзошли все ожидания. Португальцы не только проникли в Индию, Китай, Японию, но попутно заняли все побережье Африки, обосновались на Яве и других островах Индийского архипелага. В то же время испанцы завладели целой новой частью света, из которой на Европу полился настоящий золотой дождь.

С перемещением морских путей и с утратой Средиземным морем его прежнего исключительного значения торговое первен-

ство от итальянских республик переходит к странам, тяготеющим к Атлантическому океану. Испанцы и португальцы, голландцы, англичане, французы одни за другими стремятся обзавестись колониальными владениями и приобщиться к благам колониальной торговли. Началось такое же хищническое разграбление колониальных богатств, как ранее во время господства итальянских купцов в странах Леванта. Пользуясь своим превосходством в силе, европейцы отнимали у туземцев их имущество, налагали на них различные дани и контрибуции, навязывали им совершенно ненужные изделия и безделушки, заставляя платить невероятно высокие цены, наконец, принуждали их работать на себя в рудниках, на кофейных (голландцы на о. Яве и других Зундских островах) и сахарных (Америка) плантациях. Там, где в результате такой безграничной эксплоатации туземное население вымирало (например, на о.о. Ямайке, Кубе, в Испаньоле), туземное население исчезло уже к половине шестнадцатого столетия, его заменяли привозными рабами.

В то время, как Америка и Индия с прилегающими островами служили прежде всего странами вывоза колониальных богатств, Африка поставляла, главным образом, человеческий материал, необходимый для эксплоатации этих богатств. Уже с самого начала XVI столетия португальцы предпринимают специальные экспедиции за рабами-неграми. Ежегодный вывоз негров временами достигал нескольких сотен тысяч человек. Такое же систематическое похищение людей впоследствии организовано было голландцами на о. Целебесе. Начиная с XVI столетия, в течение трех столетий продажа людей составляла одну из наиболее прибыльных отраслей европейской торговли.

Не менее хищнически, нежели человеческий труд, эксплоатировались и туземные богатства колоний. Величественные леса падали жертвой алчности европейцев, сахарные плантации, заводившиеся без всякой системы и плана, истощали почву и делали ее непригодной для дальнейшей обработки. Голландцы истребляли на Молуккских островах целые леса мускатного ореха и обширные произрастания гвоздики только для того, чтобы этими богатствами не могли воспользоваться их торговые конкуренты. В результате, богатейшие области были разорены и совершенно обезлюдели.

4. Оживление торговли.—Торговое соперничество европейских государств.—С приобретением колониальных владений для европейских торговцев впервые открывалась возможность получать продукты восточных и вообще колониальных стран на месте, и притом в неограниченном количестве. Ввоз колониальных продуктов вместе с этим сразу же увеличился в колоссальной степени. В Лиссабон ввозилось уже в начале XVI в. до 700 тыс. тонн

(тонна — около 62 пуд.). Ввоз перца в Португалию достигал 26 тыс. тонн, тогда как в XV столетии венецианцы вывозили из Александрии, главного центра восточной торговли того времени, не более 200 тонн. Хищнически разграбляя богатства колоний, торговцы колониальными продуктами эксплоатировали в то же время и европейских потребителей, назначая произвольно высокие цены. Прибыль, выручаемая от колониальной торговли, нередко достигала 500 и более процентов.

Высота цен, а, следовательно, и высота торговой прибыли зависела при этом прежде всего от степени монополизации торговли и от устранения конкуренции. Только тот, кто являлся полным и единственным господином на рынке, мог устанавливать произвольные цены, не боясь понижения их со стороны торговых соперников. И вот в связи с таким стремлением к монополии начинается, с одной стороны, борьба между соперничающими нациями за исключительное обладание наиболее богатыми колониями, с другой стороны, внутри каждой отдельной нации возникают торговые общества, стремящиеся захватить в свои руки всю колониальную торговлю.

В течение всего XVI столетия Испания и Португалия оставались единственными европейскими странами, владевшими колониями. Первой принадлежало господство в западной, второй — в восточной половине земного шара. Видная роль, какую играли в колониальной политике оба государства Пиринейского полуострова, была, однако, совершенно случайной и продолжалась недолгое время. Для этого экономическое развитие их оказалось слишком недостаточным. Португалия была еще совершенно молодой торговой страной; в Испании, за исключением немногих городов, торговля не была развита вовсе. Торговля и промышленность, созданные маврами, исчезли с их истреблением или изгнанием. Португальские купцы ограничивались доставкой колониальных продуктов в Лиссабон, предоставляя дальнейшее распространение их иноземным, преимущественно нидерландским купцам. Уже в XVI столетии, благодаря этому рядом с Лиссабоном выдвинулся в качестве второго центра колониальной торговли, Антверпен, снабжавший колониальными товарами всю северную и центральную Европу. Испанцы с своей стороны не производили почти никакой торговли, ограничиваясь почти исключительно вывозом американского золота. Богатства накоплялись поэтому быстро, но, в виду слабого промышленного развития, они не могли найти себе никакого производительного помещения.

Ни Испания, ни Португалия, благодаря слабому экономическому развитию, не могли таким образом в течение долгого времени сохранять своего случайного и обусловливавшегося прежде всего их географическим положением на крайней юго-западной

оконечности Европы первенства в колониальной торговле. Совсем в другом положении оказывались страны северной Европы: Голландия и в особенности Англия, страны, промышленная жизнь которых уже к концу средневековья достигла высокой степени развития. Капиталы, извлекавшиеся из колониальной торговли, находили здесь себе помещение в промышленности, результатом чего и было возникновение крупного производства, именно, в Англии. Преимущества северных стран не замедлили сказаться. К половине XVII столетия португальцы были вытеснены почти из всех своих колоний голландцами; к концу же XVII столетия большая часть голландских колоний в свою очередь перешла в руки англичан. XVIII век был временем борьбы за колониальные владения между Англией и Францией, борьбы, закончившейся полным торжеством Англии. К началу XIX столетия Англия оказывалась, таким образом, почти единственной колониальной державой, владевшей колониями во всех частях света.

5. Акционерные компании.—Биржи.—В тех же целях монополизаций колониальной торговли, какими прежде всего вызывалась международная борьба за колониальное преобладание, и внутри отдельных государств возникали, как уже сказано, специальные торговые компании, участники которых присваивали себе исключительное право торговли с теми или иными колониальными областями и странами. Первой такой компанией была Ост-Индская, возникшая в Нидерландах в 1602 году. Вскоре затем в Нидерландах же образовалась Вест-Индская компания для торговли с Бразилией. Почти одновременно в Англии появляется своя Ост-Индская компания, позднее Африканская, Гудсонова, Гренландская. Во Франции существовали компании Канадская, Ост-Индская и Вест-Индская.

Бо̀льшая часть этих компаний не довольствуется капиталами своих основателей и непосредственных участников, но сверх того собирает денежные средства путем выпуска и продажи акций, бумаг, обладание которыми дает право на участие в известной доле прибыли. Первые акционерные компании были, таким образом, торговые (в настоящее время это, по преимуществу, промышленные общества). Объединяя и сосредоточивая денежные сбережения мелких собственников, лежавшие до того без употребления, акционерные компании в свою очередь сыграли немаловажную роль в процессе образования и роста капиталов.

В связи с колоссальным увеличением торговых и денежных оборотов, в связи с массовым появлением на международных рынках колониальных продуктов и промышленных изделий и самая торговля принимает совершенно иной вид. Ни ярмарочная, ни тем более рыночная городская торговля не в состоянии уже удо-

влетворить потребностей в обмене нового времени. Торговля не сводится уже более к простой меновой сделке, к непосредственному обмену товара на товар или даже к приобретению товара за наличные. Товары не привозятся уже обычно на место, но закупаются и заказываются по образцам. Торговые сделки заключаются на товарные грузы, находящиеся еще в пути. Крупные заказы принимаются на промышленные изделия, еще не изготовленные и не имеющиеся в наличности.

В связи с этим и торговый кредит, игравший видную роль уже в итальянской левантийской торговле, приобретает теперь исключительное значение. Сделки по векселям с уплатой вперед за неполученные еще товары становятся обычным явлением. Расчет, особенно между купцами различных национальностей, производится также, большею частью, векселями. Антверпенский купец, например, приобретая товар у генуэзского купца, пересылал ему не соответствующую денежную сумму, но имеющийся у него вексель на другого генуэзского купца. В виду различия монетных систем в различных государствах, так же как и в виду колеблющейся ценности денежных знаков (в зависимости от порчи монеты, от общего состояния финансовых средств страны и т. п.) представляется необходимым установление известного соотношения между монетными системами отдельных государств для того, чтобы мог производиться расчет векселями. Это и достигается посредством так называемого вексельного курса, выражающего отношение денежных единиц отдельных стран в определенной весовой единице золота, благодаря чему становится возможным и вычисление их взаимного соотношения.

Изменившиеся условия торговли и денежного кредита вызвали к жизни и совершенно новое учреждение—биржу. Биржа и была тем местом, где происходили описанные торговые, кредитные и вексельные сделки и где встречались купцы различных стран. Здесь же производилась и купля-продажа акций торговых компаний, равно как и подписка на государственные займы. Биржа таким образом одновременно являлась местом товарной, денежной и фондовой торговли (фондами называются ценные бумаги, доходность которых меняется, напр., акции, в противоположность облигациям, обеспечивающим неизменный ежегодный доход в размере обычного ссудного процента; таковы в большинстве государственные займы и прочие бумаги, выпускаемые государством).

Первые биржи возникли еще в конце XV столетия в Брюгге (первоначально собрания происходили здесь на площади перед домом местного богача Ван-дер-Бурсе, откуда и самое название биржи). В XVI веке значение биржи в Брюгге отступает перед значением антверпенской и лионской биржи. В XVII в. общеевропейское значение приобретает амстердамская биржа.

В связи с широким обращением на бирже фондовых и государственных бумаг развилось совершенно новое явление—биржевая игра и спекуляция. Так как цены на те и на другие бумаги зависели от их доходности, а доходность менялась в зависимости от положения дел данной компании или от кредитоспособности и политических успехов данного государства, то изменялись соответственно и цены бумаг. При благоприятном положении дел они повышаются, в противном случае понижаются. Биржевая игра и сводится прежде всего к скупке акций по низким ценам в расчете на предстоящее улучшение дел соответствующих компаний или предприятий, равно как и в своевременной продаже высокостоящих бумаг в предвидении их падения.

ГЛАВА XI.

Способы первичного накопления капитала: кустарная промышленность.

1. Присвоение торговым капиталом прибавочного труда ремесленников. — Как ни огромны были богатства, приносимые хищнической эксплоатацией колоний, как ни быстро подвигался вперед таким путем процесс накопления капиталов, однако, пока этот процесс ограничивался исключительно областью торгового обмена и денежного обращения и не приносил с собою никаких изменений в формах и способах производства, он оставался в конце концов бесплодным и неспособным произвести коренной экономический переворот. Обладание богатейшими колониями почти не изменило условий экономической жизни в Испании и Португалии. Только там, где промышленность уже ранее достигла более значительного развития и где поэтому накопленный в колониальной торговле капитал мог найти себе производительное помещение, роль его становилась действительно прогрессивной.

Гораздо существеннее по своим последствиям и окончательным результатам был поэтому другой способ накопления путем эксплоатации городских и, в особенности, сельских производителей и путем присвоения продуктов их прибавочного труда. Капитал приходил при этом в непосредственное соприкосновение с производителями, сначала подчиняя их себе, а затем собирая в одном общем предприятии. Самое накопление совершалось здесь в связи с расширением производства и, именно, этим расширением и обусловливалось. Накоплявшиеся суммы, по мере своего накопления, вкладывались непосредственно в дело, которое, благодаря этому, расширялось и развивалось, вместе с чем

в свою очередь ускорялся и дальнейший процесс накопления. Превращение торгового капитала в производственный промышленный совершалось при этом, таким образом, одновременно и параллельно с самым процессом его накопления.

Способы и приемы, какими торговый капитал закабаляет себе свободных производителей-ремесленников, нам уже известны. Это ссуда деньгами или материалом, закупка всего производства вперед на определенный срок или бессрочно, массовая скупка готовых изделий и уничтожение вместе с этим непосредственной связи, существовавшей до этого между производителем и рынком. Подчинение городских ремесленников представлялось, однако, нелегким делом. Объединенные в цеховые организации городские ремесленники оказывали упорное и не всегда безуспешное сопротивление посягательствам капитала на их свободу. Несравненно более благоприятную почву находил капитал для эксплоатации в среде неорганизованного и в то же время более нуждавшегося сельского населения.

2. Эксплоатация сельских кустарей. — Распространение денежного хозяйства в деревне сопровождалось ослаблением крепостной зависимости, но в то же время и частичным или полным обезземелением значительной части крестьянства. Возрастающий гнет налогов и повинностей довершил разорение массы сельского населения. Хозяйство крестьянина разрушалось, земледелие переставало кормить его, и ему вместе с этим все чаще приходилось обращаться к подсобным промыслам и заработкам, в частности, и к чуждой ему до этого времени ремесленной деятельности.

Нуждаясь в дополнительном заработке, не имея ни собственной мастерской, ни собственного материала, незащищенный в то же время никакими специальными общественными учреждениями и организациями, такой сельский промышленник оказывался в несравненно более полной зависимости от капиталиста-скупщика, нежели городской ремесленник. Ремесленный труд являлся к тому же для сельского ремесленника лишь подсобным, а не главным, как для цехового городского ремесленника, источником средств существования, и потому, уже в силу одного этого обстоятельства он мог довольствоваться низшей платой. Сверх того, и самый уровень потребностей сельских жителей был значительно ниже потребностей горожанина. В деревне, наконец, широко можно было использовать также и женский и детский труд, применение которого строго воспрещалось позднейшими уставами городских ремесленных цехов.

Эксплоатация сельских производителей представлялась таким образом не только более доступной для капиталиста-скупщика,

но и сулила ему в то же время более выгод. Вот почему, стремясь подчинить себе производство и производителей, торговый капитал и направился по линии наименьшего сопротивления, по преимуществу в пригородные и сельские местности. Первичной и простейшей формой эксплоатации была здесь так называемая кустарная или домашняя промышленность. В отличие от современного промышленного рабочего, кустарь работает у себя на дому, и только материал (а иногда и орудия производства) получает от капиталиста. Для распределения материала между кустарями устраиваются специальные раздаточные конторы. В эти же конторы кустари должны затем представлять и готовые сработанные изделия по определенной, в большинстве случаев, крайне низкой расценке.

В сущности кустарь уже не столько ремесленник, сколько рабочий, работающий за определенную плату, хотя еще и не в мастерской хозяина, но у себя на дому. Точно так же и сам капиталист, от которого зависит кустарь, выступает не в роли простого скупщика, но прежде всего в роли раздатчика материала, приобретаемого им путем предварительной закупки. Ранее, чем иметь дело с кустарем, он должен таким образом произвести известные затраты капитала. Вот почему это уже не простой скупщик, но на половину предприниматель, заинтересованный не столько, подобно купцу, в окончательной цене приобретаемого им для перепродажи продукта, сколько в издержках производства, в издержках по закупке сырых материалов и на заработную плату кустарям.

3. Распространение кустарной промышленности.—Кустарная промышленность развивается в связи с растущим спросом на промышленные изделия. Вот почему ранее всего еще в средневековую эпоху кустарная промышленность возникает в тех городах и местечках, где развились в широких размерах различные специальные производства для вывоза. Так, уже в пятнадцатом и частью даже еще в четырнадцатом столетиях в Лукке, Венеции, Генуе получило относительно широкое развитие кустарное производство шелковых тканей, во Флоренции и Милане так же, как во Фландрии и прилегающих местностях, кустарное производство сукон, в окрестностях Констанца кустарное производство полотна, в Нюрнберге и Золингене кустарное производство самых разнообразных металлических изделий.

С шестнадцатого столетия кустарная промышленность получает более широкое и повсеместное распространение. В этом и следующем столетиях кустарное ремесло развивается во Франции, Англии, Германии, где область его применения распространяется и на горное дело. В течение семнадцатого и восемнадцатого

столетий кустарное производство проникает и в наиболее экономически отсталые местности Европы. В России кустарная промышленность, по крайней мере в местах своего наибольшего развития, именно, прежде всего в приволжских губерниях, так же восходит еще к семнадцатому столетию.

ГЛАВА XII.

Пролетаризация крестьянства и образование рабочего класса.

1. Вовлечение в товарный обмен продуктов сельского хозяйства.—Второй необходимой предпосылкой для возникновения крупного капиталистического производства должно было служить, как сказано, образование обширного класса наемных рабочих, которые, будучи лично свободны, в то же время не имели бы собственных средств производства и потому были бы вынуждены продавать свою рабочую силу. Образование такого класса наемных пролетариев совершалось одновременно и параллельно с накоплением капиталов в качестве обратной стороны того же процесса. Класс наемных рабочих пополнялся частью бывшими цеховыми подмастерьями, частью утратившими самостоятельность и вполне подпавшими зависимости от капитала ремесленниками, но все это были только единицы. Главную массу рабочего класса составили разорившиеся и обезземеленные крестьяне. Вот почему причин возникновения пролетариата должно главным образом искать в изменившихся условиях сельскохозяйственной жизни и прежде всего в вовлечении продуктов сельского хозяйства в общий товарный оборот.

Оживление междукоммунальной торговли и расширение производства неизбежно должно было повлечь за собой и увеличение спроса на сельскохозяйственные продукты. С одной стороны, возрастала потребность в сырых материалах (в шерсти, льне, кожах и пр.), с другой, все большая часть населения обращалась к занятию промышленностью и, отрываясь вместе с этим от земледельческого хозяйства, начинала нуждаться в получении сельскохозяйственных продуктов. Развитие колониальной торговли действовало в том же направлении. Способствуя накоплению капиталов, колониальная торговля в то же время в значительной мере расширяла рынок. В обмен на получаемые из колоний продукты, европейские государства вывозили промышленные изделия, которые, как мы видели, самым бесцеремонным образом навязывались туземцам. Вывоз изделий в колонии

в свою очередь требовал расширения производства, а, следовательно, косвенным образом влиял и на повышение спроса на сырые материалы.

В то же время колоссальное увеличение ввоза колониальных продуктов и понижение вместе с этим цен на эти продукты способствовало более широкому распространению их, в частности, в землевладельческих кругах. Испытывая поэтому постоянную нужду в деньгах, землевладельцы все чаще обращаются к выработке продуктов, пользовавшихся наибольшим спросом, и прежде всего шерсти, или вынуждали к тому арендаторов, повышая арендную плату.

2. Повышение денежных повинностей и усиление эксплоатации крестьян. — Вовлечение сельского хозяйства в общий торговый обмен сопровождалось коренным переворотом в условиях сельско-хозяйственного производства и вместе с этим в положении всего земледельческого населения. Растущую нужду в деньгах землевладельцы удовлетворяли, увеличивая денежные поборы с зависимого населения, или же, как они делали это и ранее, заменяя зависимых и полузависимых от них крестьян более платежеспособными свободными арендаторами. Напротив, там, где сохранились еще в полной неприкосновенности крепостные отношения (в Германии, преимущественно в восточной, в Австрии, и в России), увеличение производства сельско-хозяйственных продуктов на рынок достигалось путем непосредственного повышения эксплоатации труда крепостного населения. Помещичьи запашки увеличиваются за счет крестьянских, число барщинных дней за счет дней, в которые крестьянин мог работать на себя. Одновременно с повышением повинностей и поборов в пользу землевладельца росли и налоги, взимавшиеся государством.

Нуждаясь в деньгах для уплаты растущих денежных повинностей, крестьянин все большую часть продуктов своего труда вынужден сбывать на рынке, соответственно ограничивая потребление их в собственном хозяйстве. Хозяйство его, благодаря этому, падает; хозяйственный инвентарь (рабочий скот, сельскохозяйственные орудия) сокращается. Вместе с этим открывается широкое поле для деятельности мелкого сельского ростовщичества, отнимающего у крестьянина все большую часть производимых им продуктов и рабочего времени посредством ссуд или сдачи земли в аренду под часть урожая или под работу (так-называемой испольной или отработочной аренды). Вмешательство мелкого ростовщического капитала довершает разорение крестьянина. Земледелие перестает кормить его, и ему приходится обращаться вследствие этого к каким-либо подсобным и сторонним заработкам. Рядом с земледельческим наймом такой необходимый дополнительный

заработок доставляет крестьянину кустарное ремесло, или «отход» на зимний сезон на заработки в город.

Повышение денежных повинностей, лежавших на крестьянах, усиление эксплоатации крестьянского труда, водворение ростовщичества в деревне, разорение крестьянского хозяйства и растущее обнищание и пауперизация массы крестьянства при одновременном выделении из этой массы немногих зажиточных хозяев—таковы были первые результаты проникновения товарно-торговых отношений в жизнь деревни.

3. Сельско-хозяйственный прогресс и падение крепостной зависимости. — Еще более решительный переворот в условиях сельского хозяйства произошел в тех странах, где, как в Англии, частью в Нидерландах, влияние торгового капитала ощущалось с особой силой. Повышение спроса на сельско-хозяйственные продукты сопровождалось повышением и цен на них. Цены на шерсть возросли в течение XVI столетия в полтора и в два раза. Цены на хлеб росли еще быстрее. Такое возрастание спроса при одновременном возрастании цен прежде всего на шерсть имело своим последствием широкое распространение овцеводства и пастбищного хозяйства. Несколько позже, в связи с ростом промышленного населения и повышением спроса на хлеб (в Нидерландах и в Англии в XVII столетии, во Франции, частью в Германии в XVIII столетии, в России не ранее первой половины XIX столетия) пробуждается интерес и к собственно земледельческому хозяйству. Пустоши распахиваются, болота осушаются, вводятся улучшенные системы земледелия, традиционное трехполье заменяется правильным шести- и семилетним севооборотом.

Следствием пробудившегося интереса к сельскому хозяйству и повышения доходности земельных владений в свою очередь явилось быстрое возрастание арендных и продажных цен на землю. Бедное крестьянское хозяйство, уплачивавшее сравнительно незначительный оброк (чинш, ценз), при таких условиях все более становилось для землевладельца бременем, препятствовавшим ему извлекать из своих владений более высокий доход. Вот почему землевладельцы сами начинают стремиться освободиться от этого бремени и охотно отпускают своих крепостных на свободу за выкуп и даже без выкупа. Процесс разложения и исчезновения крепостной зависимости, начавшийся еще в эпоху городского хозяйства, теперь при господстве торгового капитализма быстро приходит к концу и притом тем быстрее, чем сильнее сказывалось влияние торгового капитала в жизни деревни.

В Италии крепостная зависимость исчезла окончательно еще в средневековый период, в Нидерландах и в Англии последние следы крепостных отношений исчезают также уже в XV столетии.

Преобладающей формой хозяйства в Англии XVII и XVIII вв. являлось крупное фермерское хозяйство. Во Франции такое крупное хозяйство появляется лишь во второй половине XVIII столетия, однако, и здесь лично зависимые крепостные встречались лишь в виде редкого исключения. Огромное большинство крестьян находились к землевладельцам в отношениях поземельной, а не личной зависимости, т.-е. должны были нести различные платежи и повинности за пользование своим участком, покидая который они освобождались и от всяких обязанностей по отношению к землевладельцу. В экономически отсталых странах, Германии, Австрии, России, процесс освобождения крестьян принял более затяжную форму. Повышение доходности первоначально достигалось здесь, как мы видели, не ослаблением, а, напротив, усилением эксплоатации крепостного труда. XVII и XVIII века в этих странах были временем наивысшего развития крепостничества и крепостного хозяйства. В Германии крепостное право просуществовало до начала XIX столетия, в Австрии оно окончательно было уничтожено лишь революцией 1848 года. В России частичное освобождение крестьян началось в северных промышленных губерниях в первой половине XIX столетия, и только в 1861 году отмена крепостного права была проведена как общая мера.

4. Пролетаризация крестьянства. — Освобождение крестьян обычно сопровождалось урезкой их земельных участков, а нередко и полным их обезземелением. Степень обезземеления зависела прежде всего от степени влияния торгового капитала в стране. Чем полнее было это влияние, тем более широкий спрос находили сельско-хозяйственные продукты на рынке, тем более соблазна было для землевладельца окончательно развязаться с крестьянином и перейти либо к собственному хозяйству, либо к сдаче земель крупным арендаторам на более выгодных условиях.

Особенно широкие размеры приняло обезземеление крестьянства в Англии в связи с повышением спроса на шерсть и с развитием овцеводства. До середины XV столетия шерсть не перерабатывалась в Англии и вывозилась в сыром виде по преимуществу во Фландрию. Со второй половины XV столетия в Англии развивается самостоятельная суконная промышленность, и сукно с этого времени становится одним из главных предметов английского вывоза. Вывоз английской шерсти за границу, с одной стороны, усиленное потребление ее на месте, с другой, создавали необычайный спрос на шерсть и сделали овцеводство одной из выгоднейших отраслей сельского хозяйства. И вот в связи с этим начинается последовательный захват и «огораживание» общинных полей (до этого на полях, считавшихся общинной собственностью,

не существовало частных изгородей), нередко сопровождающийся и полным удалением землепашцев с занимаемых ими участков. Захваченные земли обращались в пастбища для овец. Хозяйства, содержавшие по 5—6 тысяч овец, по свидетельству одного законодательного акта XVI века, не составляли исключения. Отдельные же лица обладали стадами в 20 и в 25 тысяч голов. «Овцы пожирают людей», это образное выражение автора «Утопии» (Т. Мора) неоднократно повторяется и другими писателями XVI века. «Овцы пожирают наши луга и пастбища, наш хлеб, наш лес, целые города и деревни», жалуется, например, один из современников Т. Мора. Пастбища, составлявшие еще в XV столетии менее четверти всех сельско-хозяйственных земель, уже к половине XVI столетия занимают не меньшее пространство, нежели пахатные земли; еще позднее три акра пастбищ приходятся на один акр пашни. «Огораживание» особенно энергично проводилось в конце XV и в первой четверти XVI столетия, затем во второй половине XVIII и в начале XIX столетия, в связи с переходом к машинному ткачеству, вновь поднявшему спрос на шерсть. В результате уже к началу прошедшего столетия крестьянство почти совершенно исчезло в Англии.

Система огораживания имела место и в других европейских государствах, например, во Франции и в Германии, однако, далеко не в таких исключительных размерах, как в Англии. Захватывая общинные земли, землевладельцы сдавали их тем же крестьянам за уплату различных повинностей, приглашали свободных арендаторов, либо, наконец, заводили на этих землях собственное хозяйство. Последствием повсюду было разорение и обезземеление значительной части крестьянства и усиление бродяжничества.

Изгнанные со своих земель, крестьяне в большинстве случаев редко могли найти себе заработок в сельском хозяйстве, в особенности там, где получило распространение пастбищное хозяйство. «Они охотно стали бы работать», пишет тот же Мор, «но нигде не могут найти себе занятий. Одного пастуха достаточно теперь для стада, где прежде хлебопашество требовало многих рук». Кустарное ремесло и вообще наемный труд в промышленности представляли единственный выход для всей этой массы выбитых из привычной колеи людей. Пролетаризация сельского населения, особенно в Англии, подвигалась, однако, настолько быстро, что далеко опережала рост требований на наемный рабочий труд в промышленности. Для огромной части обезземеленных крестьян не находилось таким образом занятий и в промышленности, и потому им оставалось, по словам современника, «бродить по государству, куда глаза глядят, одни нищенствуя, другие, занимаясь воровством». Литература, равно как и офи-

циальные документы конца XVI века полны жалоб на чрезвычайное развитие бродяжничества. Против бродяг принимались самые суровые меры, вплоть до смертной казни. Но, разумеется, никакие наказания не могли помочь там, где менее всего виновны были сами наказываемые. Те же явления, хотя и в более слабой степени, имели место и в других европейских государствах. Так, бродяжничество сильно было развито и во Франции, и еще накануне революции там существовал многочисленный класс нищих (mendiants).

ГЛАВА XIII.

Капитал, как средства эксплоатации.

1. Капитал, как средства производства, ставшие средством эксплоатации.—Пока капитал выступает исключительно в качестве торгового каитала, пока его роль сводится к простому посредничеству, к простой перепродаже готовых изделий, весь процесс производства с начала и до конца протекает без какого-либо вмешательства с его стороны, и производитель, как крестьянин-земледелец, так и городской ремесленник, сохраняет по отношению к нему полную самостоятельность и независимость.

Дело меняется лишь после того, как капитал берет на себя снабжение производителя сырьем или, как это в большинстве случаев имеет место в сельской кустарной промышленности, также и орудиями производства. С этого времени капитал выступает уже не в денежной форме, а в превращенной форме средств производства. В этой новой своей форме он не только непосредственно вступает в область производства, но и приобретает власть над производителями и притом тем более полную, тем более значительную, чем более нуждается производитель в средствах производства и чем менее имеет он возможности получить их без посредства капитала. То обстоятельство, что сельский кустарь вынужден получать не только сырье, но в большинстве случаев и все обзаведение своей мастерской от капиталиста, является одним из условий, усиливающих его зависимость от этого последнего.

Капитал со времени своего обращения в средства производства начинает служить таким образом в руках капиталиста орудием закабаления независимого до того производителя и эксплоатации его труда. Но само собою разумеется, для того, чтобы капитал мог выступить в этой своей новой роли, необходимо,

чтобы производители тем или иным путем предварительно лишены были собственных средств производства, чтобы предварительно произошло разобщение производителя со средствами производства. Таким разобщением производителя и средств производства и является прежде всего обезземеление крестьянина, для которого именно земля и служит главным средством производства.

Закрытие доступа к званию мастера, лишающее подмастерьев права и возможности обзавестись собственной мастерской, так же отдает их в руки капиталиста. В некоторых отраслях производства сырые материалы, как, например, шелк-сырец, хлопок, могли получиться лишь через посредство торгового капитала; вот почему эти отрасли производства с самого начала получают капиталистическую организацию первоначально в форме домашней промышленности.

2. Разобщение производителя от рынка. — Не менее существенное значение в процессе закабаления производителя и подчинения его власти капитала имеет утрата им непосредственной связи с рынком. Чем шире и неопределеннее в то же время становится рынок, тем затруднительнее для мелкого производителя непосредственный сбыт его изделий на рынке, тем более порывается его связь с рынком. А между тем немедленная продажа изделий является для него вопросом жизни, так как только такая продажа дает ему необходимые средства как для поддержания существования, так и для продолжения производства.

Посредничество скупщика становится таким образом все более неизбежным и необходимым. Такое посредничество покупается, однако, дорогой ценой. Ремесленнику-производителю приходится довольствоваться самой низкой платой, едва дающей ему возможность поддерживать существование и продолжать производство. Приобретение сырья и продажа изделий, начальный и конечный моменты в деятельности производителя, таким образом, ускользают из его рук. Двойные узы связывают его теперь с капиталистом-скупщиком и ставят его в зависимость от торгового капитала.

Завершением этого процесса и является первая форма капиталистической организации—так называемая домашняя промышленность, при которой кустарь получает сырье из раздаточной конторы и туда же должен представлять по определенной расценке готовые изделия. Здесь имеются налицо в зародыше, с одной стороны, капиталист - предприниматель, исходящий в своих расчетах уже не из цены готовых изделий, как торговец прежнего времени, а из общей суммы издержек производства, с другой, кустарь, все более превращающийся в наемного рабочего, работающего за определенную плату.

3. Эксплоатация труда сельских кустарей и городских ремесленников. — Домашняя промышленность развивается, как уже сказано, преимущественно, в сельских местностях, где торговый капитал не встречает того сопротивления, как в городе, и где, благодаря этому, перед ним открывается возможность самой широкой, почти беспрепятственной эксплоатации труда кустарей. В пригородных местностях такая эксплоатация получает более организованные формы с распределением материала из раздаточных контор. В более удаленных от города местностях торговый капитал выступает по преимуществу в виде скупщического капитала, причем в качестве посредников по скупке кустарных изделий являются и местные более зажиточные крестьяне-кулаки или мелкие скупщики, разъезжающие по деревням. В лице последних торговый капитал проникает в наиболее удаленные и захолустные уголки деревни. Такое мелкое скупщичество особенно распространено в России, обширность расстояний которой препятствует установлению непосредственных сношений между сельскими кустарями и крупными предпринимателями.

Менее полным оказывается торжество торгового капитала в городе. Городской ремесленник, как уже было сказано, был более обеспечен, чувствовал себя самостоятельным мастером, наконец, находил себе опору в цеховых организациях. Цехи упорно отстаивали именно те пункты своих уставов, которыми исключалось всякое посредничество и всякая продажа изделий не членами цеха. В конце-концов, однако, скупщический капитал восторжествовал и в городе, хотя и не в столь полной мере, как в деревне. Первые скупщики вышли, как мы знаем, из среды самих ремесленников, в особенности в тех отраслях производства, где продукт проходил до своего окончательного изготовления через руки ремесленников нескольких цехов. Мастера, придававшие изделиям заключительный вид и сбывавшие их после этого на рынке, уже по этому самому оказывались в положении настоящих скупщиков. Развитие скупщичества внутри самих цехов в конце концов облегчало доступ в цехи и для профессиональных скупщиков-капиталистов. В некоторых отраслях промышленности (в шелкоткацкой, золотошвейной, ленточной, позументной, бархатной промышленности), где доставка сырья производилась исключительно при посредстве торгового скупщического капитала, в руках его владельцев, по большей части, находился и сбыт готовых изделий.

С другой стороны, в городах все чаще появляются ремесленники, стоявшие вне цехов и потому легче подпадавшие зависимости от торгового капитала. К числу таких ремесленников принадлежали, например, подмастерья, для которых закрыт был доступ к званию мастера, затем «привилегированные» мастера,

получавшие от королевской или местной городской власти за известную плату разрешение заниматься ремеслом, не будучи цеховыми мастерами, иностранцы, в особенности, гугеноты изгнанные с родины, выходцы из окрестных деревень, женщины-работницы, для которых занятие ремеслом так же обычно воспрещалось цеховыми уставами. В конце концов число таких нецеховых ремесленников даже превысило число мастеров, входивших в цехи. Во Франции в больших промышленных центрах целые предместья, как, например, Тампль и С.-Антуан в Париже, заселены были представителями такого «незаконного» труда. В этой-то массе неорганизованных нецеховых ремесленников капитал и находил прежде всего благоприятную почву для насаждения и в городе зависимой от него домашней промышленности.

ГЛАВА XIV.

Мануфактурная промышленность.

1. Возникновение мануфактуры.—Уже домашняя промышленность представляет собою переходную форму от ремесла к крупному капиталистическому предприятию. Кустарь работает у себя на дому, но он уже несамостоятелен; он находится в зависимых отношениях к капиталисту, от которого получает сырой материал. Капиталист организует не только снабжение кустарей сырьем, но и сбыт готовых изделий. Все изделия проходят через его руки или через руки его агентов, причем изделия, не удовлетворяющие известным требованиям, бракуются. Таким образом, и самое производство подчиняется контролю предпринимателя. Остается объединить разрозненных кустарей в одном помещении для того, чтобы процесс образования крупного капиталистического предприятия завершился.

Первоначально такое объединение не сопровождается даже какими-либо заметными переменами в способах и технике производства. Труд остается ручным. Самое название первой формы собственно-капиталистического предприятия—мануфактура происходит от латинских слов manus—рука и factus—сделанный и означает, следовательно, «рукоделье». Развитие мануфактуры может совершаться двумя путями. С одной стороны, мануфактура объединяет ремесленников различных специальностей, последовательно работающих над одним и тем же изделием. Так, например, в изготовлении экипажей участвуют каретники, шорники, слесаря, токаря, обойщики, стекольщики, маляры, лакировщики; в изготовлении холодного оружия — кузнецы, закаливальщики,

шлифовщики, мастера, изготовляющие отдельные части и, наконец, сборщики. В других случаях, напротив, в мануфактурном предприятии соединялись рабочие одной и той же специальности. Таковы были часовые, игольные, бумажные мануфактуры. Первоначально это было, таким образом, простое сотрудничество, простая кооперация, и только постепенно, по мере того как обнаруживались выгоды разделения труда, процесс производства распадался на отдельные части, поручавшиеся специальным рабочим.

Мануфактуры, таким образом, могут возникать одинаково как путем соединения разнородных рабочих, так и путем последующего разделения труда между первоначально однородными ремесленниками, выполнявшими весь процесс от начала до конца.

2. Преимущества мануфактурного способа производства.— Разделение труда. — Если объединение рабочих различных специальностей в одном предприятии представлялось вполне естественным и понятным, то и для объединения в одном помещении рабочих-кустарей у капиталиста могло быть не мало мотивов.

Благодаря такому объединению, прежде всего устранялась необходимость в посредниках, раздававших материал кустарям, и предупреждалась возможность утайки материала со стороны тех и других, облегчался как контроль над трудом рабочих, так и общее руководство всем делом, которое, в случае надобности, легче и скорее могло быть расширено, нежели домашнее производство, рассеянное по многочисленным кустарным мастерским. При мануфактурном способе производства достигается далее значительная экономия на устройстве мастерской и на средствах производства. Устройство и обзаведение одной общей мастерской на 20 человек обходится много дешевле, нежели устройство 20 мастерских для каждого в отдельности. Одни и те же инструменты во время работы переходят поочередно из рук в руки, и потому не требуется полного комплекта для каждого отдельного рабочего. Экономится время, необходимое для распределения материала по мастерским отдельных кустарей и для получения от них готовых изделий.

Главное преимущество мануфактуры над мелким разрозненным производством заключается, однако, в разделении труда. Выгоды, вытекающие из разделения труда, обнаруживаются, впрочем, в большинстве случаев не сразу, но лишь по мере развития мануфактурного способа производства, тем более, что в значительной части мануфактур, объединяющих работников одной специальности, первоначально никакого разделения труда еще и не существовало. Разделение труда на мануфактуре может быть двух родов: или каждому рабочему поручается выполнение отдельных частей предмета, например, при изготовлении часового механизма,

или же предмет при своем изготовлении последовательно проходит через ряд рабочих, выполняющих над ним различные специальные операции. Процесс производства в этом последнем случае распадается на ряд самых простых действий. Примером может служить изготовление булавок на мануфактуре: один рабочий тянет проволоку, другой растягивает ее, третий разрезает на части, четвертый заостряет конец, пятый шлифует другой конец, где должна быть насажена головка; двое или трое рабочих заняты изготовлением самих головок, двое—насаживанием их и полированием; даже втыкание готовых булавок в бумагу поручается специальным рабочим. В общем производство булавок распадается, таким образом, на 18 обособленных действий. Еще более рабочих занято в иголочном производстве: каждая иголка проходит через руки 72 рабочих.

Ничего подобного не существовало в ремесленном производстве. Случаи разделения труда между отдельными цехами, как, например, в суконном или оружейном производстве, представляли редкие исключения. Между отдельными цехами развита была, как мы знаем, тщательная специализация по родам изделий, но никакого разделения труда в производстве каждого специального рода изделий в огромном большинстве случаев не существовало. Обычно каждый ремесленник выполнял всю работу с начала до конца, причем нередко для этого требовалось знание нескольких родов ремесла. Так, ювелиры сами плавили металл, сплющивали его, соединяли сплавы, чеканили, гравировали, наводили эмаль. То же наблюдалось и во многих других ремеслах. В большинстве случаев ремесленник должен был сам изготовлять и необходимые ему инструменты. Настоящее разделение труда в производстве одного рода изделий и притом не общественное, не между отдельными цехами, но между рабочими одного предприятия впервые проводится лишь на мануфактуре, и уже одно это обстоятельство ставит мануфактурный способ производства много выше ремесла и дает ему огромный выигрыш в экономии времени и в производительности труда.

Все отдельные операции производятся на мануфактуре не последовательно одна за другой, но одновременно и параллельно, причем каждый рабочий непрерывно выполняет одну и ту же работу. Благодаря этому, не теряется время на переход от одной операции к другой, на перемену инструментов и т. п., как при ремесленном труде. Рабочий, специализировавшийся на какой-либо отдельной простой операции, выполняет ее с несравненно большей ловкостью и быстротой, нежели ремесленник, переходящий от одной операции к другой. Вместе с такой специализацией труда вырабатываются и лучшие и более приспособленные к каждой отдельной операции инструменты и орудия труда.

Распадение производства на отдельные операции позволяет, наконец, поручить наиболее простые из этих операций лицам без всякой ремесленной подготовки, слабым, инвалидам, женщинам и даже детям. Благодаря этому, опытные рабочие могут все свое время посвящать исключительно выполнению более сложных и трудных операций.

Мануфактура представляет собою как бы единую машину, в которой отдельные рабочие соответствуют отдельным частям механизма. Число рабочих, выполняющих различные операции, должно быть поэтому строго согласовано между собою и, например, число рабочих, выполняющих свою долю труда вдвое быстрее, нежели другие, должно быть соответственно вдвое меньшим, так как в противном случае им пришлось бы терять половину времени на ожидание.

Узкая специализация мануфактурного рабочего и сосредоточение всего его внимания, всего его труда на какой-либо одной операции превращает его в автомата, лишает его жизнь и деятельность всякого духовного содержания, калечит его физически и нравственно, но до этого капиталисту - предпринимателю нет дела. Напротив, именно это обстоятельство представляет в его глазах новую выгоду. Простые операции, выполняемые мануфактурными рабочими, в отличие от ремесла, не требуют никакой предварительной выучки. Вместе с этим понижается ценность рабочей силы, а соответственно может быть понижена и заработная плата. И, действительно, в течение всего периода расцвета мануфактур в XVI—XVIII вв. наблюдается непрерывное падение заработной платы. Заработная плата французского рабочего (в переводе на современные деньги) в конце XV столетия составляла 900 франков, в начале следующего столетия — 1.230 фр., в начале XVII столетия—750, в конце 516 фр. Относительное падение заработной платы, в виду общего вздорожания всех продуктов, было еще значительнее.

3. Мануфактура и ремесло.—Благодаря преимуществам, представляемым мануфактурой и отчасти домашней промышленностью, благодаря низкой заработной плате, какой довольствуются сельский кустарь и мануфактурный рабочий, благодаря большей производительности труда при мануфактурном способе производства, благодаря, наконец, лучшему знакомству капиталиста-предпринимателя с условиями рынка, кустарная и мануфактурная промышленность легко одерживает верх над ремеслом. Еще в половине XVI столетия, как свидетельствует знаменитый «акт о ткачах», изданный в Англии в интересах цеховых ремесленников, ткачи жалуются, что «богатые и зажиточные суконщики всячески притесняют их, заводя и держа в своих домах по многу

станков, на которых производят работы при помощи подмастерьев и необученных рабочих, приводя к разорению многих ремесленников и уплачивая во много раз более низкую заработную плату, чем та, какая платилась раньше».

Мануфактура появляется в половине XVI столетия в Англии, во Франции и в Нидерландах, в XVII столетии—в Германии, в XVIII столетии—в России, и повсюду появление ее сопровождается упадком ремесла во всех тех отраслях промышленности; в какие только проникал торговый и промышленный капитал.

В отличие от самостоятельного цехового ремесла, кустарная ремесленная промышленность в течение всего этого времени не только не падала, но, напротив, росла и развивалась. Чрезвычайная напряженность труда кустаря, работавшего вместе со всей семьей и притом довольствовавшегося крайне низким уровнем заработной платы, обеспечивали капиталисту не меньшую прибыль, избавляя его в то же время от хлопот и расходов, связанных с устройством мануфактурного предприятия. Обе капиталистические формы промышленности, домашняя промышленность и мануфактура, в течение почти трех столетий до начала машинного производства продолжали поэтому существовать рядом. Нередко они совмещались даже в одном предприятии, особенно в ткацкой промышленности: материал первоначально обрабатывался кустарями и затем уже поступал на мануфактуру для окончательной обработки.

4. Эксплоатация труда мануфактурных рабочих.—Женский и детский труд.—Чем более новая форма производства превращалась в собственно-капиталистическое предприятие, чем решительнее было ее торжество над ремеслом, тем полнее становилась и власть капитала внутри предприятия, тем в большую зависимость попадали от него рабочие. Хотя рабочие мануфактуры и считались людьми свободными и нанимались по специальным договорам обычно на срок в несколько лет, однако, внутри мануфактур господствовали чисто казарменные порядки. Рабочие не имели права выходить за пределы мануфактуры далее определенного расстояния, не могли покидать здания мануфактуры позже известного часа, за малейшие проступки владелец подвергал их по собственному усмотрению различным штрафам и наказаниям [1]).

---

[1]) В восточной половине Европы, где принудительный труд вообще преобладал над свободным, и на мануфактурах работали крепостные или приписанные к ним, так называемые «поссессионные» крестьяне. В первом случае это были вотчинные, заводившиеся помещиками фабрики, во втором поссессионные заводы, принадлежавшие в большинстве случаев лицам недворянского происхождения, не имевшим права владеть крепостными. Такие мануфактуры с несвободным принудительным трудом распространены были в Австрии, частью в Германии и, в особенности, в России восемнадцатого столетия, начиная со времени Петра I.

Такая почти безусловная власть владельца мануфактуры над рабочими создавала для него возможность самой широкой эксплоатации их труда. Мы видели, как заметно и быстро падала заработная плата в период господства мануфактурного способа производства. Понижение заработной платы сопровождалось одновременным удлинением рабочего дня. Уже повышение производительности труда сокращало необходимое рабочее время, т.-е. время работы, потребное для выработки стоимости средств существования самого рабочего, оплатить которое представлялось по этому необходимым. Вместе с этим, даже при сохранении прежней продолжительности рабочего дня, увеличивалось количество прибавочного труда, присваиваемого капиталистом (относительное увеличение прибавочного труда). Не довольствуясь этим, владельцы мануфактур удлиняли самый рабочий день до крайних пределов (абсолютное увеличение рабочего дня). Рабочий день в 14 и 16 часов представлял обычное явление. Дети, начиная с девяти и даже с пяти-шестилетнего возраста, также должны были работать от 5 часов утра и до 7 вечера.

Эксплоатация женского и детского труда, как более дешевого, получила в мануфактурных предприятиях (так же как и в домашней промышленности) самое широкое распространение. На многих мануфактурах число женщин в 5 и 6 раз превосходило число рабочих-мужчин. Детский труд также представлял обычное явление. Нередко при мануфактурах имелись специальные «детские дома», где жили занятые на них дети; оторванные от родителей, они оказывались тем в более полной зависимости от владельца предприятия.

ГЛАВА XV.

Развитие международной торговли и расширение рынка.

1. Международная торговля в XVI—XVIII в.—Меркантилизм.— Как ремесло развивалось в замкнутых рамках городского районного хозяйства, точно так же развитие кустарной и мануфактурной промышленности совершалось в границах отдельных государств. Время расцвета мануфактуры было и временем расцвета национального хозяйства. Каждая страна, каждая нация, как прежде каждый город, стремится замкнуться и обособиться от других, стремится обеспечить развитие туземной национальной промышленности и торговли прежде всего путем воспрещения ввоза иностранных товаров и изделий, причем исклю-

чение делалось лишь для сырых материалов и для некоторых сельско-хозяйственных продуктов.

Покровительство национальной промышленности и торговле имело прежде всего целью достижение благоприятного торгового баланса, т. е. превышения общей суммы вывоза товаров над суммой ввоза. Благоприятный же торговый баланс в свою очередь должен был способствовать накоплению драгоценных металлов и капиталов в стране. Такая экономическая политика, известная под названием меркантилизма, вполне соответствовала переходному характеру эпохи, эпохи первоначального накопления капиталов, необходимых как для дальнейшего развития крупного производства, так и для удовлетворения растущих потребностей государственной власти.

Уже в XVI столетии издается ряд отдельных постановлений, воспрещающих ввоз тех или иных промышленных изделий. Полного своего развития система меркантилизма достигает лишь к половине XVII столетия, во Франции в эпоху Людовика XIV и его министра Кольбера, в Англии во время правления Кромвеля. В экономически-отсталых странах меркантилизм развился позже, не ранее XVIII столетия, и никогда не имел столь исключительного значения, как во Франции и в Англии. Если бы меркантильная система проводилась одновременно и последовательно во всех европейских государствах, это было бы равносильно почти полному прекращению международных торговых сношений. Однако, меркантилизм возник, как мы только что видели, далеко неодновременно во всех европейских государствах, да и далеко не всюду мог проводиться последовательно. Напротив, экономически-отсталые страны, как страны Пиренейского полуострова, северные государства—Швеция, Норвегия, Дания, Россия, страны ближнего Востока и прежде всего Турция, частью Германия, Австрия и даже Италия, находившаяся в это время в упадке, нуждались во ввозе именно промышленных изделий. Меркантильная система последовательно проводилась поэтому лишь передовыми промышленными странами в отношении одна другой. Англия, Франция, Нидерланды не только взаимно отгораживались таможенными перегородками, но находились почти в непрерывных враждебных отношениях между собою. Напротив, с другими европейскими государствами, с Испанией, Португалией, северными государствами, Россией они заключали торговые договоры, выговаривая вывоз во все эти страны своих промышленных изделий в обмен на местные произведения, вино, оливковое масло, фрукты, индиго, кошениль, драгоценные металлы из южных стран, пеньку, лен, сало, лес, железо из стран северной и восточной Европы. Такие договоры заключены были, например, в течение XVIII столетия Англией с Португалией, Испанией, Да-

нией, Россией; Францией с Испанией, Швецией, Данией, Россией, сверх того, французские модные товары находили хороший сбыт в Германии. Как Англия, так и Франция находились также в оживленных торговых сношениях с странами «Леванта», Турцией, Египтом, Триполи. Оживлению внешней вывозной торговли Франции и Англии в значительной мере способствовало и возникновение в них новых отраслей производства, во Франции производства зеркал, кружев, гобеленов, различных предметов роскоши, в Англии с половины XVIII столетия хлопчатобумажной промышленности.

Наконец, следует иметь в виду, что внешняя торговля и, в частности, вывоз промышленных изделий из европейских стран все более направлялся в их колониальные владения. В особенности возросла колониальная торговля Англии, сделавшейся в течение XVIII столетия наиболее могущественной колониальной державой. В то время как общий вывоз Англии за это столетие возрос с 6,5 миллионов фунтов стерлингов (около 60 миллионов рублей) до 18,5 миллионов фунтов стерлингов (около 180 миллионов рублей), вывоз ее в Нидерланды значительно сократился, во Францию увеличился лишь незначительно и то только в результате торгового договора, заключенного в 1786 году, накануне революции, вновь прервавшей торговые сношения между обеими странами. Весь прирост, равный 12 миллионов фунтов стерлингов, падает, следовательно, на остальные европейские государства и на колониальные земли, в том числе около 7 миллионов фунтов стерлингов на колонии (в начале столетия вывоз в колонии составлял около 1 милл. фунт. стерл., в конце свыше 8 милл. фунт. стерл. [Бэр.] Почти весь прирост английского вывоза приходился в то же время на вывоз промышленных изделий, так как из Англии вообще не вывозилось сколько-нибудь значительного количества сырья. Вывоз французских промышленных изделий возрос в течение столетия более, чем втрое, с 38 милл. франков (около 16 милл. рублей) в 1716 г. до 123 милл. фр. (около 50 милл. рублей) в 1787 году. Другой важнейшей статьей французского вывоза были колониальные ост-и вест-индские товары. Вывоз колониальных товаров из Франции за те же годы составлял 17,8 милл. фр. и 156,3 милл. фр. (при общей сумме вывоза в 105,7 милл. фр. и 424,5 милл. фр. (по вычислению Левассера).

2. Ослабление системы меркантилизма.—Потребность массового производства.—Вследствие быстрого промышленного роста и увеличения английского и французского вывоза меркантильная система все более утрачивала значение. В результате, в обеих передовых промышленных странах и прежде всего в Англии все чаще начинают раздаваться голоса в пользу свободной, не стесняе-

мой никакими запретами и пошлинами, торговли. Английские писатели-экономисты, Норт еще в конце XVII века, Адам Смит в XVIII столетии, во Франции—школа физиократов—требуют провозглашения свободной торговли. В 1786 году заключен был, наконец, торговый договор между обоими государствами. Результаты его оказались крайне неблагоприятными для Франции. Англия в это время частью уже перешла к машинному производству, и Франция в короткое время была до такой степени наводнена английскими товарами, что ее собственная промышленность в первые же годы по заключении договора испытала тяжелый кризис. Наступление революции во Франции, как уже сказано, вновь прервало действие англо-французского договора.

Приведенные данные относительно роста международной торговли показывают, что расширение производства сопровождалось не только расширением сбыта внутри страны в связи с ростом промышленного населения за счет земледельческого, но и значительным увеличением внешнего вывоза, в частности, прежде всего промышленных изделий. Одновременно и параллельно с развитием производства совершался процесс развития рынка и рыночного сбыта. Как производство, так и сбыт изделий принимали вместе с этим все более широкие, все более массовые размеры. Развитие современной крупной машинной промышленности являлось, таким образом, не только естественным завершением тех изменений, какие совершились в условиях производства с переходом от мелкого разрозненного ремесла к домашней и мануфактурной промышленности, но вызывалось и общими экономическими условиями, расширением рынков сбыта и возникновением потребности в массовом изготовлении промышленных изделий.

ГЛАВА XVI.

Машинный способ производства.—Рабочий и машина.

1. **Возникновение машинного способа производства.**—Уже при мануфактурном способе производства производительная деятельность распадается на ряд обособленных составных частей. Труд отдельных рабочих сводится к простым выполняемым чисто механически операциям, вместе с чем рабочий превращается в автомата. Отсюда естественно было притти к мысли о замене рабочего каким-либо механическим двигателем, приводимым в движение силами природы, водой, ветром, наконец, паром. Применение силы ветра и воды известно было еще в древ-

ности. Однако, действие их оказывалось и слишком недостаточным и непостоянным и, наконец, зависимым от чисто внешних природных условий для того, чтобы при помощи их могла быть удовлетворительно решена задача увеличения производства. Сила ветра непостоянна и неравномерна, сила воды применима лишь в определенных местах и в определенное время года и в то же время не может быть произвольно увеличиваема. Только в движущей силе пара найдена была, наконец, необходимая сила, которая могла применяться где угодно и вместе с тем могла быть увеличиваема до какого угодно предела.

Мысль об использовании пара существовала еще в XVII столетии, однако, лишь во второй половине следующего столетия, когда обнаружилась потребность в массовом изготовлении изделий, она получила практическое осуществление (до этого сила пара применялась лишь для выкачивания воды из шахт и рудников, и то при посредстве крайне несовершенных приборов). Паровой двигатель изобретен был Дж. Уаттом в 1769 году. Первоначально машина Уатта нашла себе применение также в горном деле. Первые машины в хлопчатобумажной промышленности (именно, знаменитая прялка Дженни) приводились в движение силой воды [1]). Только с 1785 года и в бумагопрядильной промышленности впервые была применена сила парового двигателя. Механический ткацкий станок (Картрайта) появляется несколько позже, лишь в 1789 году. В начале XIX столетия во Франции изобретены были шелкоткацкая и льнопрядильная машины. В течение полустолетия машинный способ производства распространился не только на обе важнейшие отрасли производства, на горную и ткацкую промышленность, но и во многих менее важных отраслях производства (в вязании чулок, кружев и пр.).

2. Рабочий и машина.—Машинное производство явилось, как мы уже знаем, дальнейшим развитием и завершением мануфактурного способа производства. Машина вообще заменила собою рабочую силу человека, отдельные машины или различные части одной и той же машины—рабочих различных специальностей. Всякая машина состоит из трех частей: 1) из двигателя, заменяющего самую рабочую силу, 2) из передаточного механизма, состоящего в свою очередь из сложной системы маховых и зубчатых колес, валов, приводных ремней и пр. и приводящего инструмент, смотря по надобности, в движение в прямом, перпендику-

---

[1]) В 1765 году прядильщик Дж. Харгривс изобрел механическую прялку Дженни, приводившую в движение сразу несколько веретен; в 1771 году Аркрайт устроил первую прядильную мастерскую, приводимую в действие силой воды; вскоре после того Кромптон соединил оба эти изобретения в виде так называемой мюль-машины (дженни, приводимой в движение водой).

лярном или круговращательном направлении; эта часть машины заменяет как бы руки рабочего,—и, наконец, 3) из самого инструмента, веретена, станка, молота и пр. На фабрике, работающей при помощи машин, существует то же разделение производства на отдельные составные операции, как и на мануфактуре. Только все эти операции выполняются уже не рабочими, а машинами, причем предмет, по мере своего изготовления, переходит от одной машины к другой, так же как ранее он переходил от одного рабочего к другому.

Появление машины, заменившей собою человеческий труд, должно было самым существенным образом отразиться как на роли рабочего в производстве, так и на положении рабочего класса. Уже мануфактурный способ производства, не требовавший специального обучения, понизил значение и роль рабочего в производстве. С введением машинного производства прежние приемы, основывавшиеся прежде всего на сноровке и навыке и, потому, требовавшие продолжительного обучения, заменяются точными и равномерными, основанными на строгом математическом расчете, действиями машин. Когда вместе с этим машина устранила человеческий труд и от выполнения даже тех несложных операций, какие производились мануфактурным рабочим, роль рабочего свелась почти исключительно к наблюдению за действием машины, к доставлению ей через известные промежутки времени сырья и к удалению готовых изделий.

Рабочий вместе с этим превращался в простой придаток машины. Процесс вытеснения специалистов-рабочих неквалифицированными необученными рабочими, с одной стороны, и труда взрослых рабочих—мужчин женским и детским трудом, с другой, с введением машин получил поэтому еще более широкие размеры. Заменяя человеческий труд, каждая машина замещала труд не одного, а многих десятков, в настоящее время сотен и даже тысяч рабочих. Производительность труда с введением машинного способа производства сразу возросла в колоссальной степени. Еще первая ручная прядильная машина имела не одно, а 16—18 веретен, в настоящее время каждая отдельная машина приводит в действие по несколько сот и даже тысяч веретен. Одна доменная печь выплавляет теперь ежегодно почти столько же чугуна, сколько выплавлялось во всей Англии в конце XVIII столетия. Время переработки чугуна в железо уже по введении способа пудлингования (выплавки железа не на дровяном, а на каменноугольном топливе) в конце XVIII столетия упало с трех недель до двух с половиной дней, с дальнейшими техническими усовершенствованиями оно сократилось до 20 минут. Особенно наглядный пример повышения производительности труда с развитием крупного капиталистического производства представляет изгото-

вление булавок. При ремесленной выработке один рабочий изготовлял в день не более 10 булавок; на мануфактуре с десятью рабочими средняя ежедневная производительность, по свидетельству Адама Смита, на одного рабочего составляла 4.800 булавок; в настоящее время каждый отдельный рабочий, приводя в движение несколько машин, производит ежедневно до 7 миллионов булавок.

Повышение производительности не замедлило отразиться и на общих размерах производства. Потребление хлопка на бумагопрядильных фабриках Англии за первые 70 лет XVIII столетия возросло в $2^1/_2$ раза (с 2 милл. ф. до 5 милл. ф.), за такой же промежуток времени после введения машин в 120 раз (до 600 милл. ф. в 40-х годах прошедшего столетия). За вторую половину XVIII столетия производство шерстяных тканей в Англии увеличилось в 6—7 раз, выплавка железа—в 15 раз.

3. Прибавочная ценность, как средство накопления капитала.—Повышая производительность труда и избавляя таким образом капиталиста от расходов на оплату труда многих десятков рабочих, оказавшихся теперь излишними, машинный способ производства требовал зато предварительных расходов на постройку фабричных зданий, на оборудование их дорого-стоящими машинами, наконец, на ремонт машин и на замену их с развитием техники новыми. Затраты эти должны были окупаться и потому частями входили в стоимость изготовляемых изделий. Прежде, когда главную роль играл в производстве сам производитель, ценность продукта складывалась, помимо ценности сырых материалов, почти исключительно из ценности затрачиваемого на их изготовление труда,—простые орудия стоили недорого и нередко изготовлялись самим ремесленником. Теперь, с введением машинного способа производства, в стоимость продукта должна была войти и часть издержек на устройство и оборудование предприятия. В связи с сокращением роли рабочего в производстве падала и доля его в стоимости готового продукта, и чем далее развивалась техника производства, чем сложнее и соответственно дороже делались орудия производства, тем пропорционально менее становилась по отношению к стоимости всего продукта и так-называемая прибавочная ценность, т.-е. ценность, вновь создаваемая трудом рабочего и прибавляемая к издержкам производства. Однако, если доля прибавочной ценности по отношению к цене каждого отдельного продукта сокращалась, зато с колоссальным увеличением производительности труда и количества изготовляемых продуктов общая масса прибавочной ценности возрастала.

С ростом значения машины в производстве за счет человеческого труда завершается процесс превращения самостоятельного

некогда производителя в наемного рабочего, зависящего от собственника средств производства, сделавшихся для него окончательно недоступными. В качестве наемного рабочего он не имеет уже никаких прав на продукт своего труда и вынужден довольствоваться исключительно заработной платой, едва обеспечивающей ему необходимые средства существования. Другими словами, оплачивается лишь необходимое рабочее время, т.-е. время труда, потребного на поддержание существования самого работника и на воссоздание его рабочей силы. Вся прибавочная ценность, создаваемая рабочим в течение остальной части рабочего дня, присваивается предпринимателем. Прибавочная ценность после ее реализации, т.-е. после продажи готовых изделий и превращения таким образом их стоимости в деньги, только частью потребляется капиталистом на себя. Другая, обычно бо̀льшая ее часть, присоединяется к капиталу и употребляется на дальнейшее расширение производства, на введение новых технических усовершенствований, повышающих производительность труда, на наем дополнительных рабочих, на устройство нового заведения. С расширением производства повышается и сумма выручаемой с предприятия прибавочной ценности; вложение же в предприятие этой возросшей прибавочной ценности в свою очередь способствует еще большему его расширению и вместе с этим еще более значительному повышению суммы прибавочной ценности и т. д. Прибавочная ценность, создаваемая рабочими, становится, таким образом, для промышленного капиталиста таким же источником накопления, каким в эпоху торгового капитализма для первоначального накопления капиталов служила торговая прибыль, основывавшаяся на монополии или на хищнической эксплоатации колоний.

4. Резервная рабочая армия.—В своем стремлении к безграничному расширению производства промышленный капитализм никогда не терпел недостатка в рабочих силах. Напротив того, предложение труда даже в периоды промышленного подъема всегда превышало и превышает спрос на него. Происходит это прежде всего от двух причин. Развитие капитализма, с одной стороны, разоряет мелких производителей, ремесленников и крестьян, обращая их в пролетариев. Развитие техники, с другой стороны, постоянно делает излишним труд многих рабочих. Мы видели, что образование класса наемных пролетариев совершалось одновременно и параллельно с первоначальным накоплением капиталов. Число пролетариев росло при этом настолько быстро, что в течение всего мануфактурного периода далеко превосходило потребность промышленности в рабочих силах. Введение машин, делавшее труд многих рабочих излишним, действовало в том же направлении, способствуя дальнейшему увеличению числа неза-

нятых рабочих. Специалисты заменялись неквалифицированными рабочими, взрослые мужчины женщинами и детьми. Применение детского труда в первые десятилетия XIX столетия получило небывалые размеры. Возник специальный класс торговцев детским трудом. За ничтожную плату они брали детей от родителей или бездомных детей из приютов и затем целыми партиями сбывали их фабрикантам. Детский труд эксплоатировался самым бесчеловечным образом. Дети работали по 16 и более часов в сутки и нередко должны были проводить ночи без сна. Случалось, что по пути с фабрики дети умирали от истощения. В то же время десятки и сотни тысяч кустарей и рабочих признавались излишними и выбрасывались на улицу без надежды на заработок. Так образовалась та резервная рабочая армия, в которой капиталист всегда мог найти не только неквалифицированных необученных рабочих, но в случае нужды и опытных специалистов.

Если бы с ростом производительности труда размеры производства не увеличивались, то число занятых на фабриках рабочих с течением времени должно было бы сокращаться все более и более. Однако, расширение производства, обусловливаемое постоянным нарастанием прибавочной ценности и обращением ее в капитал, совершается еще быстрее, нежели растет с развитием техники производительность труда. Так, в течение семидесятилетнего периода после введения машинного способа производства потребление хлопка английской бумагопрядильной промышленностью увеличилось, как сказано, в 120 раз, между тем как производительность повысилась за то же время только в несколько десятков раз. Благодаря этому, постоянно образуется потребность в дополнительных рабочих. Рабочие вновь начинают притягиваться на фабрики, и цифра рабочего населения не только не падает, но увеличивается абсолютно и даже относительно в процентном отношении ко всему населению.

С другой стороны, и резервная рабочая армия не исчезает окончательно. Развитие техники, постоянно делающее известное число рабочих излишним, продолжающееся хотя и не таким стремительным темпом, как в первое время по введении машин, вытеснение мужского труда женским и детским, распространение капиталистических способов производства на сельское хозяйство, разоряющее мелких сельских производителей, — все эти причины способствуют постоянному пополнению рядов резервной рабочей армии. Существование этой армии безработных не только обеспечивает капиталисту нужное число рабочих, но и дает классу предпринимателей наиболее действительное оружие в борьбе с рабочими, так как в рядах безработных пролетариев всегда находятся люди, готовые на любых условиях заменить упорствующих рабочих.

ГЛАВА XVII.

Промышленный капитализм: товарное производство; рабочая сила, как товар.

1. Товарное хозяйство.—С вытеснением ручного труда машинным, с вытеснением мелких производителей крупными фабричными предприятиями первенствующее значение в качестве организующей и направляющей производство силы приобретает промышленный капитал. Торжество машинного производства было в то же время и торжеством промышленного капитализма и крупной капиталистической промышленности.

Капиталистическое хозяйство есть прежде всего товарное хозяйство. Продукты должны выступить в качестве товаров на рынке и быть проданными для того, чтобы вновь вернуться к капиталисту в виде денежного капитала, необходимого для продолжения и расширения производства. Предшествовавшие формы хозяйства, хозяйство первобытное, общинно-земледельческое, поместное-феодальное, характеризовались прежде всего натурально-хозяйственными отношениями. Все продукты потреблялись в собственном хозяйстве, не становясь товарами. Обменивались лишь хозяйственные излишки, нередко даже не по их действительной стоимости; излишки не имели цены в глазах владельца, вот почему он и готов был уступить любое их количество за продукты необходимые, но не изготовлявшиеся в его собственном хозяйстве. Даже городское хозяйство не представляло еще чистого типа товарного хозяйства. Ремесленник работал не столько на продажу, сколько на заказ, нередко из материалов заказчика. Притом же городское хозяйство не исключало существования рядом с ним поместного и крестьянского хозяйства, представлявших более или менее чистые формы натурального хозяйства.

Только капиталистическое хозяйство является товарным по-преимуществу, только капиталистический способ производства не оставляет в то же время места для иных способов производства. Капиталистические отношения в конце концов распространяются на всю страну, проникая в самые отдаленные уголки и разрушая повсюду старые докапиталистические основы производства и хозяйства. За немногими исключениями, в капиталистическом обществе все продукты принимают форму товаров. Товарное производство, т.-е. производство на рынок, становится, таким образом, преобладающим типом производства; вместе с этим и товарные меновые отношения только в капиталистическую эпоху достигают своего наиболее полного развития и выражения.

2. Сущность товара.—Потребительная и меновая ценность.— Товаром, как мы уже знаем, называется всякий продукт труда, который предназначается не для собственного потребления самого производителя или его семьи, но для обмена на другие продукты или на деньги. Всякий продукт для того, чтобы сделаться товаром и быть обмененным, должен удовлетворять каким-либо человеческим потребностям, другими словами, должен иметь известную потребительную ценность: иначе он не найдет покупателя. При обмене определенные количества одних продуктов обмениваются на определенные количества других, хотя бы по качеству они и были совершенно различны. Количественные отношения, в которых отдельные продукты находятся между собою, образуют меновую форму ценности. Всякий продукт, становящийся товаром, помимо потребительной, должен иметь, таким образом, еще определенную меновую ценность.

Потребительная ценность товаров зависит прежде всего от их качества, определяющего их назначение. Назначение, а, следовательно, и потребительная ценность сюртука, например, совершенно иные, нежели назначение и потребительная ценность кофе или чая. Как меновые ценности, товары, напротив, разнятся между собою исключительно количественно, независимо от их специальных свойств. Только таким образом совершенно различные по своему характеру предметы и могут быть сравниваемы между собою, и мы можем сказать, например, что один сюртук равен 40 фунтам кофе или 10 фунтам чая. Если товары всегда и при всяких условиях имеют одно и то же назначение, или потребительную ценность, то меновые их отношения, меновая ценность изменяется в зависимости от условий места и времени, и только для данного места и для данного времени представляет величину определенную.

Для того, чтобы совершенно различные по своим качествам продукты могли быть сравниваемы между собою, они должны заключать в себе нечто общее, что делало бы такое сравнение возможным. Общим же для всех товаров является лишь тот признак, что все они представляют продукт человеческого труда. Всякий товар есть прежде всего продукт труда в товарной форме.

3. Общественный характер товарного обмена.—Товарный фетишизм.—Если всякий товар есть продукт труда, то, напротив, далеко не всякий продукт труда представляет собою товар. Товаром, как уже сказано, является лишь такой продукт труда, который предназначен не для собственного потребления производителя, а для обмена на рынке. Товарное производство направлено, таким образом, на удовлетворение не частных, но общественных потребностей и имеет поэтому прежде всего общественный характер

и значение. Не всякое производство для общества выражается, однако, в товарной форме. В первобытной коммунистической или в позднейшей патриархальной общине продукты труда отдельных производителей точно так же распределялись между всеми членами общины, тем не менее, благодаря этому, они не становились еще товарами. Продукты труда обращаются в товары лишь с возникновением обмена и с исчезновением его вновь должны утратить это свое значение.

Товарная форма продуктов есть, таким образом, не что иное, как результат определенных общественных отношений, как присущий в особенности капиталистической эпохе способ распределения продуктов общественного труда между отдельными потребителями. В первобытной общине или в патриархальной семье такое распределение совершается непосредственно главами и руководителями общины. При обмене оно производится неорганизованно, в результате бесконечного ряда отдельных, не поддающихся никакому учету, случаев купли-продажи. Как производитель не может быть при этом уверен, удастся ли ему сбыть свой товар, так и покупатель нередко не знает, найдет ли он потребный ему товар на рынке.

Благодаря такой независимости от сознательной воли людей, общественный характер меновых отношений, их значение, как способа распределения продуктов, затемняется, и в результате начинает казаться, что товары сами обладают какими-то особыми свойствами служить предметами обмена в определенных количественных отношениях, и что сюртук, например, сам по себе равен 40 фунтам кофе и потому всегда может быть обменен на соответственное количество кофе. Общественные отношения между людьми принимают форму отношений, существующих будто бы между самими товарами. Товарам приписываются, таким образом, свойства, в действительности им не принадлежащие, совершенно так же, как в глазах дикаря фетиш, неодушевленный предмет, признаваемый им за божество, оказывается наделенным особой сверхъестественной силой. Ошибочное представление об обмене, не как о способе распределения продуктов, а как о способности самих продуктов играть роль товаров, является, таким образом, своего рода товарным фетишизмом.

Причина того, почему распределение продуктов в капиталистическую эпоху происходит именно в форме товарного обмена, заключается в специальных условиях капиталистического производства. Каждый производитель, будет ли это крестьянин-земледелец, ремесленник или, наконец, крупный предприниматель-фабрикант, производит свои изделия независимо один от другого. Как производство, так и распределение произведенных продуктов совершается поэтому не по какому-либо плану, не планомерно,

но совершенно неорганизованно, хаотически. Каждый производитель может получить необходимые ему предметы потребления, лишь обменяв принадлежащие ему продукты труда на продукты труда, принадлежащие другому производителю. Лишь путем обмена и превращения продуктов в товары частный труд отдельных производителей превращается в труд общественно-полезный.

4. Труд как мерило ценности.—Товары могут обмениваться лишь как определенные ценности, так как каждая из обменивающихся сторон желает получить за свой товар продукт, равный ему по ценности. Таким образом, как товарный обмен, так и представление о ценности отдельных товаров есть не что иное, как результат известных общественных отношений, именно меновых отношений, существующих между производителями в условиях капиталистического хозяйства. Источником, создающим ценности, является человеческий труд. Именно то обстоятельство, что все товары представляют собою продукты труда, и делает, как уже сказано, возможным сопоставление, а, следовательно, и обмен самых разнохарактерных продуктов. Труд создает ценности, труд же является вместе с этим и мерилом ценности [1]).

Товары, как мы знаем, сравниваются между собою исключительно по своей меновой, а не потребительной ценности, не как стол, холст, сюртук, хлеб, но как продукты труда вообще. Следовательно, и самый труд, создающий эти ценности, рассматривается уже не как тот или иной вид труда, не как труд столяра, ткача, портного, земледельца, но как труд вообще в смысле известной затраты сил и способностей. «Труд ткача и труд портного, хотя качественно они различные производительные деятельности, оба представляют производительную трату человеческого мозга, мускулов, нервов, рук и т. д. и в этом смысле оба они только человеческий труд» (Маркс)[2]). Ценность большинства продуктов слагается

---

[1]) В противном случае, если бы существовала какая-нибудь иная мера ценности, и, например, различные продукты, требующие одинакового труда, имели бы различную ценность, не нашлось бы охотников изготовлять менее ценные продукты.

[2]) Учение о труде, как об источнике и мере ценности встречается еще у писателей-экономистов XVII и XVIII в. в., у Норта, Адама Смита и др. Более обстоятельно оно развито известным экономистом начала прошедшего столетия Рикардо, окончательное завершение теория трудовой ценности получила, однако, только в «Капитале» Маркса. Существует и другое менее распространенное объяснение ценности вещей степенью их полезности. Ошибочность такого объяснения очевидна сама собою. Степень полезности вещи обусловливается потребностью в ней, т.-е. потребительной ценностью, потребительная же ценность в свою очередь зависит от качественного различия вещей. Но качественные различия не могут быть выражены в количественных величинах. Невозможно, например, сопоставить и выразить в числовых соотношениях степень полезности хлеба, стола, дома, холста.

в результате труда многих производителей. Так, ткани проходят через руки прядильщиков, ткачей, красильщиков, в ценность их, сверх того, входит ценность истраченных на их изготовление сырых материалов, в ценность же современных фабричных изделий также и часть стоимости машин и всего оборудования фабрики.

Определяется ценность различных продуктов временем труда, потребного на их изготовление. Имеется в виду, однако, при этом не время, потраченное на каждый данный продукт, но среднее общественно-необходимое количество труда и времени, потребное для изготовления продуктов определенного рода при данных условиях производства и при средней степени искусства и напряженности труда. Над совершенно одинаковыми изделиями один производитель может проработать дольше, другой меньше, но ценность самих изделий от этого не станет различной, и на рынке оба получат одинаковую плату. В частности, на современной фабрике, где роль человека сводится к простому наблюдению за действием машины, значительного различия в труде отдельных рабочих и не может быть. Количество общественно-необходимого труда не представляет из себя величины постоянной. Оно изменяется с повышением или понижением производительности, вместе с этим изменяется и ценность изделий. С введением машинного способа производства ценность всех изделий сразу значительно упала, хотя по качеству они были не ниже, а в отдельных случаях и выше таких же изделий предшествовавшего времени.

5. Рабочая сила, как товар.—Труд является источником ценности, но сам не представляет ценности точно так же, как сила тяжести, обусловливающая вес тела, сама не имеет веса или как теплота не имеет температуры. Иное дело, рабочая сила отдельных производителей, ценность которой обусловливается ее способностью производить новые ценности. В капиталистическом обществе, где все превращается в товар, становится товаром и сама рабочая сила, создающая товары. Все капиталистическое хозяйство ведется наемным трудом производителей, вынужденных продавать свою рабочую силу.

Рабочая сила раба или крепостного принадлежит его владельцу на правах собственности. С другой стороны, и самостоятельные производители, крестьяне и ремесленники, располагающие собственными средствами и орудиями производства, также не станут продавать своей рабочей силы, но предпочтут работать самостоятельно и получать на рынке за свой труд полную ценность произведенных ими продуктов. Наемный рабочий, продающий свою рабочую силу на рынке, должен быть, таким образом, с одной стороны, человеком лично свободным, с другой,

должен быть лишен собственных средств производства, быть свободным от средств производства пролетарием. Массовое обезземеление крестьянства и разорение мелких ремесленников, сопровождающее развитие капитализма уже с первых его шагов, доставляет капиталу, как мы видели, необходимые ему рабочие силы в более чем достаточном количестве.

При господстве капиталистического способа производства рабочая сила является, таким образом, товаром на ряду с прочими обращающимися на рынке товарами. Однако, это—товар совершенно особого рода. Рабочая сила—единственная ценность, создающая новые ценности. «Процесс потребления рабочей силы есть в то же время процесс производства товаров и прибавочной ценности» (Маркс). Ни рабочие инструменты, ни фабричные машины сами по себе не создают никакой ценности. Только при посредстве рабочей силы приводятся они в движение и начинают играть роль в создании ценностей. Повышая производительность труда, машина увеличивает количество вырабатываемых продуктов, но не повышает создаваемой при этом ценности. Ценность попрежнему измеряется рабочим временем. Если рабочий теперь в то же время производит большее количество продуктов, то ценность этих последних соответственно понижается. Машины так же, как и сырые материалы, переносят лишь на продукт труда часть своей собственной ценности, измеряемой в свою очередь количеством затраченного на их изготовление труда. Ценность машины так же, как и прочего фабричного оборудования, распределяется между всем тем количеством продуктов, которые могут быть изготовлены с ее помощью, прежде чем в результате постепенного снашивания она не придет в полную негодность. Хотя ценность продукта при этом и повышается, однако, не в результате создания какой-либо новой ценности, а в результате простого перенесения на продукт ранее созданных ценностей.

Ценность рабочей силы, как и всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для ее производства и воспроизводства, другими словами, для поддержания существования и сил рабочего на необходимой высоте. Не менее существенное значение имеет также продолжение рода и, следовательно, содержание семьи. В этом одинаково заинтересованы как сам рабочий, так и капиталист, так как с вымиранием рабочего класса исчезла бы и та рабочая сила, без которой немыслим самый капиталистический способ производства. В число средств существования входят далее не только средства, удовлетворяющие насущнейшим естественным потребностям рабочего и его семьи, как пища, одежда, жилище, отопление, но, в зависимости от уровня культурного развития рабочей массы в стране, и средства,

расходуемые на удовлетворение потребностей, образовавшихся в силу привычки, например, курения, чтения газет, посещения театра и т. п. Ценность рабочей силы поэтому различна в различных странах и в различные эпохи, и только для данной страны и для данного времени она представляет величину определенную.

Нормальной заработной платой должна была бы быть плата, достаточная для удовлетворения всех потребностей рабочих, следовательно, соответствующая действительной стоимости рабочей силы. На деле такого полного соответствия в огромном большинстве случаев не наблюдается, но в общем заработная плата не может значительно отступать от нормы. Чрезмерно низкая заработная плата невыгодна для самого класса капиталистов, так как с понижением платы понижается и степень культурного развития рабочего, а вместе с этим и степень производительности его труда. С другой стороны, более значительному повышению заработной платы препятствует наличность резервной промышленной армии, обусловливающая постоянную конкуренцию между рабочими и затрудняющая борьбу их за повышение платы.

ГЛАВА XVIII.

Прибыль и заработная плата.

1. Строение капитала: капитал постоянный и переменный.— Норма прибавочной ценности.—За вычетом заработной платы, получаемой рабочим, вся остальная, создаваемая им ценность принадлежит капиталисту-предпринимателю. Только благодаря этому условию, только благодаря тому, что часть капитала, затрачиваемая на оплату рабочего труда, возвращается к капиталисту с излишком, становится возможным самое капиталистическое производство. Весь капитал, вложенный предпринимателем в производство, может быть поэтому разделен на две части. Это—1) та часть, которая затрачивается на оборудование предприятия и на приобретение сырых материалов, часть, которая не увеличивается в процессе производства и с продажей готовых изделий лишь возвращается в карман капиталиста; эта часть остается неизменной и постоянной, образуя собою таким образом постоянный капитал. Другая часть, расходуемая на оплату рабочей силы, напротив, возрастает, изменяется и представляет собою вследствие этого капитал переменный. Назначение этой части капитала и заключается прежде всего в образовании новой прибавочной ценности.

Высота—норма прибавочной ценности определяется ее отношением к ценности необходимого труда рабочих предприятия, другими словами, к их заработной плате. Если при длине рабочего дня в 10 часов ценность рабочей силы воспроизводится, например, в течение пяти часов, прибавочная же ценность создается так же в течение пяти часов, то норма ее составит $^5/_5=100\%$. Высота нормы прибавочной ценности зависит прежде всего от длины рабочего дня. Так, при двенадцатичасовом рабочем дне прибавочное время будет уже не пять, а семь часов, норма же прибавочной ценности выразится в отношении $^7/_5=140\%$. Однако, норма прибавочной ценности может быть повышена и иным путем, именно путем сокращения необходимого рабочего времени. Такое сокращение достигается удешевлением средств существования или повышением производительности труда, благодаря чему рабочий в более короткий срок воспроизводит дневную ценность своей рабочей силы. Прибавочная ценность, получаемая путем удлинения рабочего дня, называется абсолютной прибавочной ценностью, прибавочная ценность, образующаяся вследствие сокращения необходимого рабочего времени,—относительной прибавочной ценностью.

2. Прибыль, как реализация прибавочной ценности.—Норма прибыли.—С продажей продуктов прибавочная ценность реализуется, т.-е. обращается в деньги, образуя прибыль предпринимателя. В конце концов не вся прибыль остается в руках предпринимателя. Часть прибыли ему приходится уступить землевладельцу в виде платы за пользование землей под фабричными зданиями, если они построены не на собственной, а на арендованной земле, часть—торговцу за посредничество при сбыте изделий в виде торговой прибыли. Но как бы то ни было, во всяком случае, в первую голову вся прибыль, или точнее, вся прибавочная ценность, поступает в распоряжение капиталиста-предпринимателя [1]).

---

[1]) Факт образования прибыли из создаваемой рабочими и присваиваемой капиталистом прибавочной ценности определенно указан и выяснен только Марксом. На этом факте и основывается, как известно, учение научного социализма: Напротив, большая часть остальных писателей-экономистов, сочинения которых являются в большей или меньшей степени апологией и оправданием существующих капиталистических отношений, не признают прибыли простым плодом присвоения чужого труда и потому пытаются найти какое-либо иное объяснение факта получения прибыли капиталистом. Экономисты так называемой классической школы конца XVIII и начала XIX столетия, Адам Смит и Рикардо, просто принимают прибыль, как существующий факт. Для них прибыль такая же естественная составная часть цены товаров, как и заработная плата. «Ценность, присоединяемая рабочим к сырому материалу», говорит Адам Смит, «разделяется на две части, из которых одна служит для покрытия заработной платы, другая же является прибылью

Прибыль свою капиталист рассчитывает, однако, не по норме прибавочной ценности, т.-е. не по отношению к оплате необходимого рабочего времени, но по отношению ко всему затраченному капиталу, куда входят на ряду с заработной платой и расходы на сырые материалы и на оборудование всего предприятия, т.-е., другими словами, постоянная часть капитала.

предпринимателя на капитал, истраченный на приобретение сырья и на выдачу заработной платы рабочим». Вот и все. Издержки производства составляют таким образом единственное основание для получения прибыли. Согласно с Адамом Смитом, и Рикардо видит в прибыли прежде всего «вознаграждение на риск, сопряженный с производительным помещением капитала». Первую попытку решения вопроса о происхождении прибыли, находим у современника Рикардо, Сэя. Он видит в прибыли ценность, создаваемую, благодаря повышенной производительности машин. Капиталист, способствуя распространению машин, оказывает обществу, таким образом, не меньшую услугу, нежели рабочий своим трудом. Мы знаем уже, однако, что машина сама по себе не создает никакой новой ценности. В половине прошедшего столетия английский экономист Сениор (а вслед за ним Курсель-Сенель, Шульце-Делич и др.) оправдывал прибыль, как вознаграждение капиталиста за воздержание от иного непроизводительного употребления капитала. Но отчего-же именно воздерживается капиталист, тратя значительную часть прибыли на удовлетворение своих личных желаний и потребностей и в то же время сохраняя и увеличивая еще свой капитал за счет чужого труда. Вместо однократной затраты имущества, он обеспечивает таким образом себе и постоянный доход и обладание беспрерывно растущим капиталом. Это уже, во всяком случае, не воздержание, а прямой расчет. Известный английский экономист Дж. Ст. Милль, подобно своим предшественникам, видит в прибыли вознаграждение за «риск» и за «воздержание». Рядом с этим он ставит предпринимателю в заслугу труд по надзору и руководству предприятием, «труд», в действительности не находящийся ни в каком соответствии с колоссальными размерами «вознаграждения» и притом в огромном большинстве случаев перелагаемый на управляющего и других служащих лиц. В относительно недавнее время, в конце прошедшего столетия, предложена была Бем-Баверком новая более остроумная, но не более убедительная теория прибыли. Бем-Баверк исходит из ошибочной точки зрения, объясняющей ценность вещей степенью их полезности (см. выше, примечание на стр. 114). С этой точки зрения полезность, а, следовательно, и ценность уже готовых изделий должна быть выше полезности продуктов еще неизготовленных и имеющих появиться лишь в будущем. Затрачивая капитал на сырые материалы и на заработную плату, капиталист оплачивает, именно, ценности еще не созданные и, потому, низшие, продает же готовые и потому более высоко ценимые изделия. Различие в ценности готовых изделий и изделий, еще имеющих только появиться, и образует прибыль капиталиста. Даже такой проницательный экономист, как Родбертус, видящий в прибыли то, что она есть на самом деле, именно, такой же результат присвоения чужого труда, как и в факте эксплоатации крепостного или рабского труда, не удерживается на этой точке зрения и в конце-концов, подобно Миллю, признает за капиталистами так же, как и за землевладельцами, право на получение прибыли в качестве вознаграждения за выполняемую ими роль «руководителей национального производства». «Очевидно», замечает он, однако, при этом, «что указанная деятельность, как и деятельность судьи, учителя, врача, может быть оплачена лишь путем вычета из продукта труда рабочих, так как другого источника материальных богатств не существует».

Отношение прибыли ко всему капиталу составляет норму прибыли, которая, как видим, существенно отличается от нормы прибавочной ценности: так как последняя представляет отношение прибавочной ценности не ко всему капиталу, но только к переменной его части, употребляемой на оплату рабочих, то ясное дело, что она всегда должна быть выше, нежели норма прибыли. Высота нормы прибыли обусловливается относительными размерами постоянного и переменного капитала: чем значительнее постоянный капитал по сравнению с переменным, тем ниже должна быть норма прибыли, так как постоянный капитал, в отличие от переменного, не создает никакой прибавочной ценности, а, следовательно, не повышает и количества прибыли.

Возьмем для примера два предприятия с одинаковой величиной капитала, например, по сто тысяч рублей, и с одинаковой нормой прибавочной ценности в 100%, но с различным соотношением постоянного и переменного капитала. В одном предприятии постоянный капитал равен 70 тыс., переменный—30 тыс., в другом постоянный—80 т., переменный—20 т.; прибавочная ценность при стопроцентной норме составит для первого предприятия 30 тыс., для второго—20 тыс., и, следовательно, и норма прибыли в обоих случаях получится различная: в одном $^{30}/_{100}$—30%, в другом $^{20}/_{100}$—20%. При одинаковой норме прибавочной ценности норма прибыли, таким образом, может быть различной [1]).

С другой стороны, высота нормы прибыли, вычисляемой по отношению к определенному периоду, например, за год, зависит и от быстроты обращения капитала, т.-е. от продолжительности срока, в течение которого часть капитала, затрачиваемого на покупку сырья и на наем рабочих, окупается и возвращается в карман капиталиста. Ясное дело, что из двух предприятий с равным капиталом и с равной прибылью общая сумма годовой прибыли, а, следовательно, и годовая норма прибыли будет значительнее в том предприятии, переменный капитал которого успеет вернуться к владельцу вместе с прибылью в течение года большее число раз. Если оба предприятия приносят, например, на 100 тысяч по 10 тыс. прибыли, то предприятие, капитал которого обернется в год три раза, получит 30 тысяч, т.-е. 30-процентную годовую норму прибыли, предприятие же с одним оборотом в год—только 10 тысяч или норму прибыли в 10% [2]).

---

[1]) Возможен и обратный случай. Например, предприятия с одинаковыми капиталами по 200.000 р. и с одинаковой прибылью в 30.000 р., но тратящие на наем рабочих в одном случае 40.000, в другом — 50.000 р. дадут равную норму прибыли 30 т.: 200 т.—15%, но различные нормы прибавочной ценности 30 т.: 40 т.—75% и 30 т.: 50 т.—60%.

[2]) Норма прибыли в отдельных предприятиях и в различных отраслях промышленности должна быть, таким образом, различной в зависимости от

3. Деление капитала в зависимости от быстроты обращения его частей: капитал основной и оборотный.—Прибыль есть, как видим, та же прибавочная ценность, вычисляемая только не по отношению к оплате создающей ее рабочей силы, но по отношению ко всему капиталу. Остальная часть ценности готового продукта представляет собою не более, как результат простого перенесения на него ценности издержек производства, и потому реализация ее при продаже продуктов является лишь возвращением к капиталисту затраченных им сумм. Не все затраты возвращаются, однако, с одинаковой быстротой. Часть капитала, затраченного на сырые и различные вспомогательные материалы (например, на топливо, смазочное масло и пр.), возвращается к капиталисту полностью, по мере изготовления и продажи продуктов с тем, чтобы после того вновь быть истраченной на то же назначение. Эта часть капитала, большею частью, оборачивается по несколько раз в год. Напротив, капитал, израсходованный на устройство и обзаведение предприятия, возвращается не сразу, но в течение многих лет частями в течение всего того времени, пока фабричные здания и машины выполняют свое назначение.

Таким образом, рядом с разделением капитала на капитал постоянный и переменный (органическим делением капитала) существует также разделение его на капитал основной, затрачиваемый на оборудование предприятия и возвращающийся обратно лишь по частям, и оборотный, расходуемый на сырые материалы и на рабочую силу и оборачивающийся несколько раз в год. Значение обоих этих видов деления капитала далеко не равноценно. В то время как первое органическое деление капитала необходимо для уяснения сущности всего капиталистического хозяйства, второе деление гораздо менее существенно и имеет значение собственно только в глазах самого предпринимателя.

указанных условий. На деле, однако, это различие не столь значительно. Предприятия с более высокой нормой прибыли, как более доходные, привлекают к себе большее число капиталов. Число предприятий этого рода сделается в результате большим, нежели то соответствует общественным потребностям. Изделия их не найдут себе более покупателей и должны понизиться в цене, но раз они будут, таким образом, продаваться ниже своей действительной ценности, упадет и прибыль. Напротив, число предприятий с низкой нормой прибыли окажется недостаточным, и цены на их продукты, благодаря этому, повысятся. Вследствие понижения прибыли в первом случае и повышения во втором — в конечном результате образуется средняя норма прибыли, от которой прибыль отдельных предприятий не может отступать сколько-нибудь значительно. По той же причине и рыночные цены отдельных продуктов нередко отклоняются от действительной их ценности, определяемой, как мы знаем, количеством потребного на их изготовление рабочего времени.

4. Заработная плата.—Виды и способы расплаты.—Мы уже знаем, что не вся вновь создаваемая рабочими ценность поступает в карман капиталиста. Часть ее идет на оплату необходимого рабочего времени, т.-е. на оплату рабочего труда. Заработная плата, получаемая рабочими, и прибыль капиталиста находятся в обратном отношении между собою. Чем выше заработная плата, тем соответственно меньше должна быть прибыль капиталиста и, обратно, чем ниже заработная плата, тем выше прибыль. Стремление капиталиста понизить заработную плату и обусловливается прежде всего желанием увеличить получаемую им в виде прибыли долю созданной рабочим ценности. Различные виды заработной платы и способы расчета являются в руках капиталиста не менее действительным способом повысить прибыль путем ли замаскированного понижения платы или путем повышения напряженности труда и удлинения рабочего дня.

Различаются прежде всего два вида заработной платы—плата натурой и денежная плата. Первый вид широко был распространен ранее; в России еще сравнительно недавно. Рабочие получают от предпринимателя жилище и содержание натурой. Чаще при фабрике содержится специальная фабричная лавка, в которой рабочие должны приобретать все необходимое; нередко самый расчет производится квитанциями на лавку (так-называемая trucksystem). Продукты при этом отпускаются обычно либо по повышенной расценке, либо худшего качества. Действительная заработная плата благодаря этому оказывается ниже номинальной. В других более редких случаях расплата производится изделиями, вырабатываемыми на фабрике; вместе с этим, таким образом, часть заботы о сбыте готовых изделий перелагается с фабриканта на рабочих, не говоря уже о различных злоупотреблениях, например, о выдаче рабочим бракованных изделий и т. п. Расплата натурой характеризует собою прежде всего начальные ступени развития промышленного капитализма и сохраняется долее лишь в экономически-отсталых странах, либо в отсталых областях промышленности.

На более высоких ступенях развития денежная плата становится не только господствующим, но и единственным способом расчета. При денежной плате первенствующее значение имеет так называемая реальная плата, т.-е. плата, выраженная в том количестве важнейших жизненных продуктов, какое может быть на нее приобретено. Если денежная плата остается прежняя или даже повысилась, но повысилась менее по сравнению с существующими на рынке ценами, то реальная плата вместе с этим понижается, так как рабочий может приобрести на нее меньшее количество продуктов, нежели ранее.

На ряду с различными видами заработной платы существуют различные способы расчета с рабочими, главнейшими из которых являются повременная и сдельная или поштучная плата. Повре-

менная плата уплачивается за известный срок работы и может быть понедельной, поденной, почасной; при этом способе расчета первенствующее значение имеет соотношение между заработной платой и количеством времени труда. Так, плата может быть повышена или понижена вместе с сокращением или удлинением рабочего дня, когда рабочий получает ту же плату за меньшее или за большее число часов. Иногда фабрикант, сверх обычного рабочего времени, вводит сверхурочные часы, оплачивая их несколько выше. Введение таких сверхурочных часов часто является в его руках лишь средством удлинения рабочего дня. Случается, что плата впоследствии понижается, а сверхурочные часы остаются.

Поштучная плата, т.-е. плата за определенный урок пропорционально результатам работы или по числу сработанных изделий, вводится прежде всего в целях повышения напряженности труда. Рабочий при этой системе оплаты труда старается выработать возможно большее количество продуктов, так как соответственно растет и получаемая им плата. Доброкачественность изделий обеспечивается при этом определенными требованиями при их приемке, причем неудовлетворяющие этим требованиям изделия бракуются и не оплачиваются. Таким образом, помимо повышения напряженности труда устраняется необходимость контроля над рабочими и сберегаются средства, расходуемые на такой контроль.

ГЛАВА XIX.

Возникновение мирового хозяйства.—Рост производства и конкуренция.

1. Развитие путей и способов сообщения.—Переворот, происшедший в конце XVIII века в способах производства и постепенно захватывавший одну область промышленности за другою, неизбежно должен был в конце концов привести к такому же перевороту в способах и средствах сообщения. Массовое производство изделий требовало массового же получения сырья и массового передвижения готовых товаров. Необходимо было далее, чтобы товары распространялись с возможной быстротой, чтобы цены провоза не были слишком высоки и не удорожали значительно продуктов, чтобы, наконец, сообщение отличалось известной правильностью и регулярностью и не создавало бы задержки в сбыте товаров. Между тем пути и способы сообщения докапиталистической Европы не отвечали ни одному из этих требований. Сухопутные средства сообщения оставались почти в том же печальном состоянии, как и в средневековую эпоху. Мощеных дорог почти не существовало, морское сообщение, поддерживавшееся

парусными судами, производилось медленно и неправильно, так как зависело от попутных ветров. С возникновением капиталистического хозяйства все это должно было измениться.

Та же сила пара, которая приводила в движение машины в промышленных предприятиях, использована была теперь в целях передвижения. В 1807 году пущен был в ход первый пароход Фультона, в 1826 году начала действовать в Англии первая железная дорога. С тех пор развитие железнодорожного строительства пошло быстрым темпом. К 1840 году проведено было уже до 10 тысяч километров, в 1860 г. свыше 100 тысяч, в настоящее время свыше миллиона километров (в том числе до 400.000 км. в С.-А. Соед. Штатах). Пароходное сообщение получило не меньшее развитие и в короткое время совершенно вытеснило парусное судоходство. Морское сообщение вместе с этим ускорилось и сделалось более правильным. Путь из Европы в Америку, совершавшийся в XVIII столетии при благоприятных условиях в 6 недель, в настоящее время требует менее пяти дней. Возросла и грузоподъемность судов. Самые крупные торговые суда XVIII века вмещали в себе не более 500—1000 тонн (30—60 тысяч пудов), в настоящее время торговые суда поднимают свыше 20 тысяч тонн (1.200.000 пудов).

2. Возникновение мирового хозяйства.—Не трудно себе представить, насколько, благодаря развитию железнодорожного и пароходного сообщения, должна была возрасти быстрота обращения, равно как и количество обращающихся на рынке товаров. Миллиарды пассажиров, сотни миллиардов пудов различных грузов и товаров легко и быстро перебрасываются теперь из страны в страну, из одной части света в другую. Благодаря телеграфу, для которого не являются препятствием ни огромные расстояния, ни водные пространства, товаропроизводитель всегда может быть осведомлен как о состоянии всего мирового рынка, так и о судьбе собственных товаров.

Развитие путей сообщения, вызванное возросшими размерами производства, сопровождалось необычайным расширением рынков и в свою очередь способствовало дальнейшему росту и расширению производства. Благодаря железным дорогам, промышленные изделия проникают в самые отдаленные уголки и местности, постепенно вытесняя домодельные предметы и способствуя, таким образом, разложению натурально-хозяйственного строя повсюду, где этот строй еще сохранился. В то же время развитие путей сообщения все более стирало границы между отдельными странами и частями света, связывая их в один обширный мировой рынок, для которого не существовало более никаких национальных различий. Капитал по своей сущности глубоко интернационален. Он вторгается всюду, где только создаются благоприятные условия для его возрастания. Никакие границы, никакие таможенные перего-

родки не могли в конце концов устоять против такого мощного напора стремившегося к безграничному расширению капитала.

3. Расширение производства и развитие конкуренции. — Как ни быстро раздвигаются рамки и границы капиталистического хозяйства, само капиталистическое производство растет еще быстрее. Одно из главных его отличий от предшествовавших способов производства составляет именно его наклонность к безграничному расширению. Такое безграничное расширение диктуется не только интересами предпринимателя. Существуют причины, побуждающие промышленников, даже и независимо от их воли, постоянно расширять производство. Введение новых машин и различных технических усовершенствований требует соответственных затрат, вместе с чем возрастает постоянный капитал за счет переменного. Но, как мы уже знаем, чем большую часть промышленного капитала составляет постоянный капитал, тем ниже должна быть норма прибыли, т.-е. процентное отношение прибыли ко всем издержкам производства. Понижение нормы прибыли на каждый отдельный продукт вознаграждается в свою очередь повышением производительности труда, т.-е. увеличением количества продуктов, производимых с помощью того же капитала.

Всякое повышение производительности труда вызывает, таким образом, падение нормы прибыли, всякое падение прибыли порождает в свою очередь стремление к дальнейшему повышению производительности. В таком заколдованном кругу совершается развитие капиталистического производства. Усовершенствования следуют за усовершенствованиями. На смену пару и паровым двигателям приходят электричество и электрические двигатели, на смену примитивным органическим веществам и материалам в качестве средств производства—неорганические и искусственные: дерево в качестве строительного материала заменяется железом, древесное топливо—каменным углем, лучина, сало, воск в качестве осветительных материалов—керосином, газом, электричеством, растительные красящие вещества—химическими, естественное удобрение—минеральными. С развитием техники расширяются и размеры отдельных предприятий. Скромные первоначальные фабрики уступают место современным гигантам с тысячами и десятками тысяч рабочих.

На почве этого безграничного расширения производства между отдельными предпринимателями происходит усиленная конкуренция, ожесточенная борьба за существование. Каждый шаг вперед требует нововведений. Предприятия, которые оказываются неспособными следовать за успехами техники, неизбежно обречены на гибель. При том лихорадочном темпе, с каким совершается развитие техники, непрерывное расширение производства становится вопросом жизни и смерти для отдельных предприятий. Но для

всякого расширения производства необходим капитал, а необходимый новый капитал образуется лишь в результате предварительного сбыта изделий. И вот на этой почве все более и более усиливается борьба за сбыт и за рынки.

Всякие национальные и тем более местные цеховые ограничения и перегородки теперь с развитием мирового рынка утрачивают силу и значение. На почве свободной конкуренции противостоят друг другу как капиталисты внутри каждой отдельной страны, так и капиталисты различных стран. Дешевизна и лучшие качества товаров являются единственными средствами в этой ожесточенной борьбе. Победителями оказываются только более крупные и располагающие более значительными капиталами предприятия. Капиталы их растут быстрее, общая масса прибыли их—значительнее, нежели в мелких предприятиях. Они легче поэтому переносят падение нормы прибыли, легче возмещают его различными усовершенствованиями и нововведениями, причем те же нововведения дают им возможность понижать цену и повышать качества изделий, таким образом одерживать верх над своими более слабыми конкурентами. Результатом конкуренции оказывается таким образом торжество наиболее крупных предприятий и сосредоточение производства в руках все меньшего и меньшего числа предпринимателей.

Последствия конкуренции сказываются, однако, не постепенно, из года в год, но периодически, так как и все развитие капиталистического хозяйства совершается не в виде постепенной эволюции, но толчками. За периодами подъема и расцвета промышленности, во время которых возникает масса новых предприятий, следуют периоды упадка и кризисы, несущие разорение и гибель всем менее жизнеспособным предприятиям. С каждым новым подъемом вновь возникающие предприятия становятся крупнее, прежние расширяются, с каждым кризисом гибнут все более слабые и менее значительные предприятия. Так происходит своего рода промышленный отбор.

ГЛАВА XX.

Промышленные кризисы.

1. Причины возникновения кризисов: перепроизводство, неорганизованность производства.—Развитие капиталистического хозяйства исполнено внутренних противоречий. Повышение производительности понижает норму прибыли, расширение производства, таким образом, сопровождается обесценением капитала. Такое же противоречие представляет и периодически наступающее перепол-

нение рынка товарами, между тем как в то же время многие потребности широких масс населения остаются неудовлетворенными.

Зависит это прежде всего от крайне неравномерного распределения промышленных изделий между различными слоями населения. Значительная часть населения вследствие отсутствия покупательных средств вынуждена ограничивать свое потребление самым необходимым. Распространяя свое влияние вширь, втягивая в товарный оборот одну область за другою, захватывая таким образом все новые и новые рынки, капитализм в то же время сам в известной степени ослабляет покупательную способность населения. Распространение фабричных товаров и изделий убивает мелкое производство и разрушает хозяйство мелких производителей. Все большая и большая часть ремесленников и крестьян превращается вместе с этим в бедняков - пауперов и в пролетариев, которые могут стать потребителями фабричных изделий уже только в качестве наемных рабочих.

В среде рабочего класса наблюдается относительное паденне потребления по сравнению с массой вырабатываемых продуктов. Более быстрый рост постоянного капитала за счет переменного, т.-е. затрат на машины и оборудование по сравнению с заработной платой, и сопровождающее его повышение производительности труда приводит к тому, что равное число рабочих вырабатывает большее количество продуктов. Если с расширением производства растет и число рабочих, зато соответственно увеличивается и количество создаваемых ими продуктов. Медленное возрастание заработной платы и в связи с этим повышение уровня жизненных потребностей рабочего класса точно так же далеко не соответствует быстроте, с какой растет производство. В странах с малоразвитой промышленностью и с относительно незначительным числом рабочих, как в России, это обстоятельство оказывает сравнительно небольшое влияние на развитие рынка. Здесь расширение рынка происходит за счет широких масс, главным образом, крестьянского населения, еще не втянутого в круговорот товарного хозяйства и образующего, таким образом, девственную почву для растущего капитализма. Напротив, в передовых промышленных странах, где, как в Англии, рабочие составляют свыше половины всего населения, а, следовательно, и общего числа потребителей, такое относительное сокращение участия рабочего класса в потреблении производимых им продуктов должно иметь самые существенные последствия.

Растущую недостаточность внутреннего рынка передовые промышленные страны стремятся возместить развитием вывозной торговли, приобретением внешних рынков и колоний. Однако, и расширение внешних рынков имеет свои пределы, прежде всего географические: в настоящее время все свободные земли на зем-

ном шаре, могущие служить колониальными владениями, распределены между европейскими государствами. С другой стороны, и внешние рынки в конце концов постигает та же судьба, какую ранее пережило развитие внутреннего рынка. С распространением влияния на них капитализма, с массовым вторжением в экономически-отсталые страны фабричных продуктов и изделий иноземное мелкое производство гибнет и рушится, и на смену ему развивается туземная крупная промышленность, начинающая конкурировать с привозными изделиями. Примером страны, исчерпавшей свои внешние так же, как и внутренние рынки, может служить та же Англия. С развитием туземной промышленности в ее обширных колониальных владениях, вывоз в них приостановился. С остальных внешних рынков, из России, Турции, Китая, Англия оказалась вытесненной германскими товарами. Рост английского вывоза за последние десятилетия почти прекратился. Вывоз хлопчатобумажных тканей, составлявший когда-то главный предмет английской вывозной торговли, еще в 80-х годах прошедшего столетия, начал заметно падать. При явной недостаточности внутреннего рынка английские промышленные изделия не находили таким образом более сбыта и на внешних рынках. В результате, в течение всего последнего пятидесятилетия английская промышленность переживает хронический застой и почти полную приостановку развития. Англия, занимавшая в течение всей первой половины прошедшего столетия первенствующее место в мировой промышленности, с семидесятых годов все более и более уступает это место молодым промышленным странам, С.-А. Соед. Штатам и Германии [1]).

[1]) Хлопчатобумажная промышленность, обслуживающая прежде всего широкие круги населения, в последние десятилетия в Англии почти не развивается. Еще показательнее состояние английской железной промышленности, рост которой и свидетельствует главным образом о степени быстроты и интенсивности развития всего капиталистического хозяйства, так как, именно, эта область тесно связана с машиностроением. Развитие железного дела в Англии по сравнению с Германией и С.-А. Соед. Штатами в конце прошлого и в начале настоящего столетия представляется в следующем виде:

Годы.	Англия.	Германия.	С.-А. Соед. Штаты.
	в миллионах пудов		
1886	454,6	215,3	352,3
1899	576,7	489,8	844,2
1913	612,4	1.176,3	1.884,9

Англия, еще в 80-х годах занимавшая первое место, в 1913 году, накануне всемирной войны, производила железа вдвое менее по сравнению с Германией и втрое по сравнению с Соединенными Штатами, и в течение 15 лет, предшествовавших войне, почти не увеличила своего производства.

Рядом с растущей недостаточностью и сужением рынка, другой причиной неравномерного и неправильного хода развития капиталистического производства является его полная неорганизованность. С расширением рынка нарушается непосредственное соответствие между производством и потреблением, существовавшее в первобытной и патриархальной общине и сохранившееся отчасти и в пределах ограниченного городского рынка. Чем шире, тем неопределеннее становится рынок, тем менее доступен он для наблюдения. Сбыт производится не непосредственно, но через посредников, зачастую через третьи и четвертые руки. Неопределенность, господствующая на рынке, увеличивается еще более вследствие конкуренции между предпринимателями, стремящимися друг перед другом выбросить как можно более товаров на рынок.

2. Промышленный кризис.—Таким образом, с одной стороны, рост потребления не поспевает за быстрым расширением производства, с другой стороны, неорганизованность и хаотичность производства препятствует какому-либо регулированию (согласованию) отношения между спросом и предложением. В результате рост производства постоянно обгоняет рыночный спрос, последствием чего является временное сокращение спроса, так как товаров поступает в продажу более, чем может разойтись на рынке. Сокращение же спроса вызывает в свою очередь вынужденную приостановку производства, сопровождающуюся тяжелыми потрясениями всей промышленности и составляющую непосредственную причину так называемых промышленных кризисов. Рынок оказывается переполненным товарами, которые не находят себе сбыта. Сбыт приостанавливается, цены понижаются, многие предприятия оказываются вынужденными или прекратить производство или работать в убыток. Менее устойчивые гибнут. Банкротства следуют за банкротствами. Общее производство сокращается; рабочие массами рассчитываются и выбрасываются на улицу. Вслед за кризисом наступает период застоя и угнетенного состояния. Благодаря сокращению производства, перепроизведенные товары мало-помалу распродаются; спрос оживляется. Вместе с этим оживляется и производство, и снова начинается промышленная горячка и дальнейший безудержный рост производства до нового кризиса.

Промышленный кризис является, таким образом, прежде всего насильственным восстановлением нарушенного равновесия между предложением и спросом. Перепроизводство товаров, сопровождавшееся кризисом, возможно было и в предшествовавшую мануфактурную эпоху, однако, лишь в виде отдельных случаев и в отдельных отраслях промышленности. Только с развитием машинного способа производства кризисы превращаются в обычное и притом периодически повторяющееся и захваты-

вающее все отрасли промышленности явление. Кризисы первой половины XIX столетия переживались исключительно Англией, являвшейся в то время еще почти единственной страной машинной промышленности. Повторялись эти специально английские промышленные кризисы через правильные десятилетние промежутки. Годами кризисов были 1825, 1836, 1847 и 1857 г. г.

Уже кризис 1857 года не ограничился пределами одной Англии, но принял более широкие размеры, охватив также С.-А. Соед. Штаты и Францию. Во второй половине XIX столетия, с развитием крупного производства в остальных европейских странах и с образованием мирового рынка, и кризисы соответственно принимают более широкие мировые размеры.

Вместе с этим возрастает и продолжительность кризисов. В первой половине прошедшего столетия, когда развитие крупного производства только еще начиналось, когда при сравнительно незначительных еще его размерах перед молодой капиталистической промышленностью открывались широкие неиспользованные еще рынки, промышленность сравнительно быстро и легко оправлялась от потрясений, вызываемых кризисами. Напротив, чем заметнее расширяется производство, чем более обширные размеры принимает рынок, чем неопределеннее и затруднительнее вместе с этим становятся условия сбыта, чем более исчерпываются внутренние и внешние рынки, чем сильнее замедляется рост потребления, тем труднее оказывается для промышленности преодоление кризисов. Кризисы принимают, благодаря этому, более длительный и затяжной характер, переходя в отдельных странах, например, в Англии, в постоянное хроническое перепроизводство и даже в почти полную приостановку промышленного развития [1]).

---

[1]) Попытки объяснения кризисов начинаются с момента возникновения первых явлений этого рода. Так, еще экономисты первой половины прошедшего столетия Сэй и Сисмонди затрагивали этот вопрос. Сэй ищет объяснение причин кризисов в условиях товарного обмена, именно, в перепроизводстве одних товаров по сравнению с другими, благодаря чему нарушается правильность товарного обращения. Частное проявление одной из причин кризисов, именно, неорганизованность капиталистического производства, Сэй принимает, таким образом, за общую, вызывающую их причину. В лучшем случае теория Сэя может объяснить, поэтому лишь возникновение частичных кризисов в отдельных отраслях промышленности. Сисмонди, напротив, обращает внимание на другую сторону, именно, на растущее сокращение и сужение рынка вследствие разорения мелких производителей. Точка зрения Сисмонди также не может служить объяснением промышленных кризисов, так как исходит из совершенно ошибочного представления о сокращении рынка, упуская из вида как потребление непроизводительных классов капиталистов и землевладельцев, так и возникновение на месте гибнущих мелких производителей рабочего класса, потребление которого, хотя и медленно, но возрастает. Родбертус объясняет происхождение кризисов падением доли

ГЛАВА XXI.

Условия развития сельского хозяйства в капиталистическую эпоху.—Крупное и мелкое хозяйство.—Конкуренция.

1. Сельское хозяйство и мировой рынок.—Еще в конце эпохи районного городского хозяйства распространение товарно-денежного обращения на сельские местности подорвало там основы крепостного хозяйства. Последствием этого в передовых европейских странах явилось освобождение крепостных и переход к свободной и полусвободной аренде, сопровождавшийся более или менее значительным обезземелением крестьянства. Быстрое рас-

---

рабочего класса, образующего главную массу потребителей в потреблении общественного продукта. По его мнению, заработная плата, определяемая ценой необходимейших средств существования, с понижением этой последней также падает, между тем количество производимых ими продуктов возрастает. Благодаря этому, они оказываются в состоянии приобретать на рынке все меньшее и меньшее количество продуктов. Теория Родбертуса так же, как и теория Сисмонди, исходит из ошибочного основания. Вопреки его мнению, заработная плата и не только номинальная, но и реальная, т.-е. определяемая количеством средств существования, какие рабочий может на нее приобрести, в действительности не падает, но возрастает, хотя и медленно, а вместе с этим повышается и потребительный спрос со стороны рабочего класса. С точки зрения Родбертуса, как и Сисмонди, совершенно необъяснимым представляется наступающий вслед за кризисом новый подъем промышленности. В сравнительно недавнее время, в конце девяностых годов прошедшего столетия, возникла еще одна теория промышленных кризисов, принадлежащая русскому экономисту Туган-Барановскому и получившая известное распространение как в России, так и на Западе. Теория эта является дальнейшим и притом еще более односторонним развитием взглядов Сэя. Согласно точке зрения Туган-Барановского, современное капиталистическое производство само создает для себя рынок. Для производства машин требуются машины, изготовление которых в свою очередь требует специальных машин и т. д. Машины родят машины в результате чисто механического процесса. С расширением производства растет точно так же и общая сумма заработной платы и прибыли, а, следовательно, и потребление рабочих и капиталистов. Спрос на продукты каждого предыдущего года создается расширенным производством следующего года. Спрос потребительного рынка, его сужение и расширение не имеет, таким образом, для судеб капиталистической промышленности никакого значения. Поэтому и кризисы обусловливаются не сокращением рыночного спроса, но специальными причинами, коренящимися в условиях самого производительного процесса, именно нарушением пропорциональности производства в различных отраслях промышленности. Ошибочность точки зрения Туган-Барановского ясна сама собою. Производство ради производства лишено всякого смысла. Капиталистическое производство, как и всякая другая система производства, должно опираться в конце концов на потребительский рынок. Прядильные, ткацкие, типографские и большинство других машин работают непосредственно на потребителей, и только расширение производства в отраслях, обслуживающих потребительный рынок, вызывает спрос на соответствующие машины, давая, таким образом, толчок развитию машиностроительной промышленности.

ширение товарного обращения в связи с возникновением капиталистического хозяйства имело те же последствия только в несравненно более обширных размерах. Там, где крепостное право пало уже ранее, там продолжалось обезземеление крестьянства и замена мелких земледельческих хозяйств крупной арендой. Там, где крепостные отношения еще сохранились, они быстро начали разлагаться.

Быстрые успехи промышленности сразу подняли спрос на сырье так же, как и на съестные припасы в связи с ростом промышленного населения за счет земледельческого. В Англии в конце XVIII и в первые десятилетия XIX столетия снова усиливается «огораживание» и захват общинных полей так же, как и «очистка» поместий от мелких фермеров-арендаторов. На захваченных и «очищенных» землях заводятся овцеводческие, либо крупные земледельческие хозяйства. Общее количество пахотных полей вместе с этим сокращается. Таким образом, по мере увеличения промышленного населения за счет земледельческого, по мере перехода от собственно-земледельческого хозяйства к производству необходимых для промышленного потребления сырых материалов, производство хлебов заметно уменьшается и становится все более недостаточным.

Промышленные страны вместе с этим начинают нуждаться в привозном хлебе, что в свою очередь вызывает соответственное развитие производства хлебов для вывоза в экономически-отсталых странах. Всякое вовлечение сельско-хозяйственных продуктов в товарный обмен и здесь в конце концов приводит к тем же последствиям, как ранее в передовых европейских странах, и прежде всего к разложению крепостного хозяйства. В Германии и Австрии освобождение крестьян завершилось лишь в первой половине XIX столетия. В России разложение крепостного хозяйства, выражавшееся, главным образом, в переводе крестьян на денежный оброк, приняло более широкие размеры первоначально только в северных промышленных губерниях. Напротив, в центральных и южных собственно-земледельческих губерниях пережитки крепостничества сохранились и после общего закона 1861 года об освобождении крестьян в виде отработков на помещичьих землях или уплаты высокой натуральной или денежной платы за арендуемую у помещиков землю.

Подневольный крепостной труд, совершенно несовместимый с условиями капиталистического хозяйства, исчезает, таким образом, повсеместно. Крупные землевладельцы либо сами заводят капиталистическое, основанное на свободном наемном труде, хозяйство, либо сдают свои земли в аренду, ограничиваясь получением земельной ренты (рентой называется всякий нетрудовой доход). Доходность земли, а вместе с этим и размеры получаемой с нее ренты колеблются в зависимости от степени ее плодородности, от

обработанности, и, наконец, от большей или меньшей близости рынков, обеспечивающих сбыт сельско-хозяйственных продуктов [1].

Чем более с развитием капиталистического хозяйства в передовых промышленных странах начинает ощущаться нужда в привозном хлебе, тем определеннее выступает на мировом рынке разделение на страны, ввозящие хлеб и вывозящие промышленные изделия, и на земледельческие страны, вывозящие хлеб. В то же время все шире становится сельско-хозяйственный рынок и все большее число отсталых областей и стран втягивается в товарный оборот. В Европу привозится теперь хлеб из всех частей света. Торговля сельско-хозяйственными продуктами принимает таким образом такие же мировые размеры, как и торговля промышленными изделиями.

---

[1]) Рента есть часть прибавочной ценности, уступаемая землевладельцу и составляющая сверхприбыль, помимо прибыли, получаемой арендатором. Цена продукта слагается, таким образом, из издержек производства и из прибавочной ценности, распадающейся в свою очередь на среднюю прибыль арендатора и ренту, уплачиваемую землевладельцу. Доходность различных земель, однако, неодинакова и изменяется в зависимости от плодородия и от большей или меньшей их близости к хлебным рынкам, так как с удалением от рынка повышается стоимость провоза, а, следовательно, и себестоимость продукта. Арендатор должен довольствоваться при этом получением средней для данной местности прибыли, уступая весь излишек землевладельцу в виде ренты. Если-бы он пожелал получить больше, другие конкуренты согласились бы, довольствуясь обычной арендной прибылью, платить более высокую ренту. Излишек дохода, образовавшийся вследствие большего плодородия или вследствие большей близости к рынку и уступаемый землевладельцу, составляет так называемую дифференциальную ренту, т.-е. ренту, различающуюся в зависимости от указанных условий. Однако, и владелец участка, приносящего наименьший доход, также имеет в виду получить хотя небольшую ренту. Такая низкая рента с наименее доходных земель называется абсолютной рентой. Обычная рента состоит таким образом из абсолютной и из дифференциальной, определяемой степенью доходности участка. Возьмем для примера три хозяйства, ведущиеся на участках равной величины и при равных издержках (расстояние от рынка для упрощения принимается за равное). Одно хозяйство, находящееся в наихудших для данной местности условиях и приносящее таким образом только абсолютную ренту, дает 500 пудов пшеницы, другое—600, третье—800 п. Издержки производства во всех трех случаях 600 рублей. При рыночной цене 1 р. 50 коп. за пуд, вырученная от продажи сумма составит 750, 900 и 1.200 рублей, чистый же доход 150, 300 и 600 рублей. Пусть средняя прибыль равна 15%, что по отношению к издержкам въ 600 р. составит 90 р.; в таком случае, за вычетом 90 р., получаемых арендатором, владелец первого худшего участка получит только абсолютную ренту, равную 60 р., владелец второго — 210 р., в том числе 60 р. абс. и 150 р. дифф. ренты; владелец третьего участка получит 510 р.: 60 р. абс. и 450 р. дифф. ренты. От крупной капиталистической аренды, целью которой является прежде всего извлечение прибыли, следует отличать так называемую продовольственную аренду земли крестьянами для собственного пропитания («продовольствия», откуда и самое название). Крестьянин отдает землевладельцу не только сверхприбыль, но и всю прибыль, а нередко сверх того и часть необходимых продуктов, ограничивая свои потребности до крайней степени, едва дающей ему возможность существовать с семьей.

2. Сельско-хозяйственный прогресс.—Крупное и мелкое хозяйство.—Вместе с расширением сельско-хозяйственного рынка и в области сельского хозяйства начинается заметный прогресс: осушаются болота, и орошаются безводные пространства, обрабатываются пустыри и наихудшие почвы. С половины XIX столетия рядом с естественным удобрением широкое распространение получают различные искусственные химические и минеральные удобрения, калийные соли и суперфосфаты и пр. И в сельском хозяйстве совершается переход к машинному способу обработки: появляются паровые, затем электрические плуги, сеялки, жатвенные машины и сноповязалки, молотилки, веялки, косилки, грабильные машины и пр. Англия была первой страной, начавшей применять у себя сельско-хозяйственные машины. В России широкое распространение сельско-хозяйственных машин началось лишь после революции 1905 года. В Европе распространению машин препятствовало, однако, унаследованное от прошлого времени крайнее дробление земельной собственности и преобладание мелких так называемых «карликовых» хозяйств, в которых машины не находят себе применения. Вот почему несравненно более широкие размеры, нежели в Европе, употребление машин получило при обработке девственных пространств Северной Америки и колониальных стран. Рядом с прогрессом собственно-земледельческих культур получили развитие и другие побочные отрасли сельского хозяйства, молочное хозяйство, разведение домашней птицы, огородничество, плодоводство и др.

С превращением сельско-хозяйственного производства из производства для собственного потребления в производство для рынка и в области сельского хозяйства выступают на первый план отношения свободной конкуренции. Как и в промышленной конкуренции борьба ведется не только между отдельными производителями, но между целыми классами производителей, между крупным и мелким, между помещичьим и крестьянским хозяйствами. И в области сельско-хозяйственного производства крупные предприятия в общем обладают теми же преимуществами, как и в промышленности: экономией в средствах производства, в постройках, в числе служащих и рабочих, преимущественной возможностью применения машин (некоторые машины, как паровые и электрические плуги и молотилки, могут применяться исключительно только в более крупных хозяйствах).

Однако, торжество крупных земледельческих хозяйств и вытеснение ими мелких далеко не является ни столь полным, ни столь быстрым, как торжество крупной промышленности над ремеслом. Целый ряд причин обусловливает такую сравнительную устойчивость мелкого земледельческого хозяйства. Прежде всего крестьянин не зависит в такой же степени, как ремесленник, от рынка.

Его хозяйство все еще остается по преимуществу потребительным, т.-е. удовлетворяющим собственным потребностям. Если он и продает, то только часть своих продуктов, причем, не нуждаясь в прибыли, крестьянин может продавать свои продукты по более низкой цене. Кроме того, перед ним открыты более широкие возможности, нежели перед ремесленником, занятым лишь в определенной специальности. Вытесняемое из области хлебной торговли крестьянское хозяйство имеет возможность переходить к торговле яйцами, маслом, овощами и другими продуктами побочных хозяйственных отраслей, в которых машины не находят себе применения и в которых вообще крупное хозяйство не имеет больших преимуществ.

Другое препятствие для распространения крупных хозяйств в западно-европейских государствах представляет ограниченность земельной площади и раздробленность ее между множеством мелких собственников. Крупные предприятия не могут поэтому возникать так же неограниченно и беспрепятственно, как в промышленности. Расширение промышленных предприятий и возникновение новых зависит исключительно от степени развития машиностроения. Крупные земельные владения могут расширяться лишь за счет мелких хозяйств путем их уничтожения, но, именно, мелкие хозяйства и отличаются, как только что указано, значительной устойчивостью. Способы же насильственной «очистки» и удаления мелких хозяев с их участков в капиталистическом обществе с его благоговением пред частной собственностью более неприменимы.

Самое употребление машин в сельском хозяйстве не дает таких же преимуществ, как в крупной промышленности. Сельско-хозяйственные машины несравненно проще по своему устройству и доступнее по цене, нежели машины, применяемые в промышленности. Приводятся они в движение не силой пара, но силой рабочего скота или даже человека. Вот почему, за некоторыми отдельными исключениями, хотя и в относительно меньшем числе, они находят себе применение и в мелких хозяйствах. В то же время, будучи более простыми и доступными, сельско-хозяйственные машины далеко не в такой же колоссальной степени повышают производительность труда, как машинный способ производства в промышленности. К тому же и самые результаты производительной деятельности в земледелии все еще зависят не столько от человека, сколько от почвы и климатических условий, и уже по одной этой причине повышение производительности труда здесь возможно в сравнительно ограниченной степени. Наконец, говоря о конкуренции крупного и мелкого хозяйства, необходимо различать крупные хозяйства капиталистического типа и старые феодально-крепостнические хозяйства. В то время как возникновение и рост капиталистического хозяйства связаны с сельско-хозяйственным прогрессом, тот же сельско-хозяйственный прогресс приводит

к разложению крепостнических хозяйств, последствием чего является нередко распадение их на менее значительные хозяйственные единицы.

Благодаря всем этим условиям, рост крупных сельско-хозяйственных предприятий в Европе задерживается и двигается сравнительно медленно. Напротив, в С.-А. Соед. Штатах развитие сельского хозяйства совершается более беспрепятственно, и потому там наблюдается одновременно более быстрый рост как применения машин, так и числа и размеров крупных сельско-хозяйственных предприятий. До половины обрабатываемых земель занято в Америке крупными хозяйствами свыше 100 гектаров (гектар немного менее десятины), тогда как даже в Англии крупные хозяйства занимают не более 30%, в Германии же только 22% всей обрабатываемой площади. Средний размер хозяйства в С.-А. Соед. Штатах равняется 60 гектарам, в Англии—25, во Франции—8,6, в Германии—только 5,5 гектарам [1]).

3. Конкуренция хлебов на мировом рынке. — Свободные, не стесняемые никакими пережитками прошлого, условия развития земледельческого хозяйства, рост крупных хозяйств капиталистического типа, наконец, плодородная почва девственных степей—все эти преимущества колониальных стран не замедлили сказаться. Американский, аргентинский, австралийский хлеб наводняет европейские рынки, начиная с 70-х годов прошедшего столетия, конкуренция заокеанских стран дает себя чувствовать все сильнее и заметнее. Одновременно возрастал и ввоз хлебов из России и Ост-Индии. Быстрое развитие крупных хозяйств капиталистического типа в приморских новороссийских степях, с одной стороны, крайне низкие цены на крестьянский хлеб, с другой, давали возможность России успешно конкурировать на международном хлебном рынке с заокеанскими странами.

В самой Европе усилившаяся конкуренция русских и заокеанских хлебов вызвала настоящий сельско-хозяйственный кризис.

---

[1]) Вопрос о развитии сельского хозяйства, начиная с девяностых годов прошедшего столетия, являлся предметом усиленного обсуждения в экономической литературе, главным образом, социалистического направления. Сравнительно медленное проникновение крупного производства в область земледельческого хозяйства послужило основанием для утверждения, что, в отличие от промышленности, в сельском хозяйстве преимущество оказывается на стороне мелкого хозяйства, почему и не наблюдается вытеснения его крупными предприятиями. На этой точке зрения стоят Герц, Давид, Гатти, у нас Булгаков, Чернов и другие представители народнического лагеря. Противоположной точки зрения, признающей и в области сельского хозяйства те же тенденции преимущественного, хотя и медленного, развития крупно-хозяйственных форм, держатся Каутский, Крживицкий, у нас Вл. Ильин, Плеханов, П. П. Маслов, Финн-Енотаевский и вообще представители марксистского направления в экономической литературе.

Цены хлеба понизились, цены на землю и земельная рента также упали. Производство хлеба и площадь посевов в связи с этим сократились; особенно заметное сокращение произошло в Англии, где начало быстро распространяться скотоводство за счет земледельческих культур. Конкуренция заокеанских хлебов прежде всего отразилась на положении крупного сельского хозяйства в Европе. Мелкое крестьянское хозяйство, менее чувствительное к колебаниям рынка, легче перенесло кризис. В результате кризиса рост крупных сельско-хозяйственных предприятий приостановился, а в некоторых европейских государствах, например, в Англии и Германии, число крупных предприятий несколько даже сократилось. Вследствие упавшей доходности земледелия, капитал заметно начал отливать из сельского хозяйства для того, чтобы найти себе более выгодное помещение в другом месте.

ГЛАВА XXII.

Расслоение крестьянства и рост городов.

1. Мобилизация земли и расслоение крестьянства.—Если, благодаря целому ряду условий, мелкое земледельческое хозяйство и обнаруживает в общем известную устойчивость в борьбе с крупными предприятиями, все же это не спасает многие менее устойчивые крестьянские хозяйства от разорения, а их владельцев от потери имущества и от полной пролетаризации. Вторжение товарно-капиталистических отношений нарушало патриархальный уклад докапиталистической жизни, уничтожало последние остатки натурально-хозяйственного строя, подрывало господствовавшее там равенство в условиях существования.

Земля, поколениями не менявшая своих владельцев, теперь все чаще становится предметом купли-продажи. Крепостники-помещики, не имеющие возможности при современных условиях продолжать хозяйство, распродают свои владения. Мелкая крестьянская собственность также теряет свою устойчивость. Чем большую подвижность приобретает земельная собственность, чем необеспеченнее становится положение мелкого крестьянского хозяйства, тем чаще разорившиеся и доведенные до крайности крестьяне вынуждены расставаться со своими наследственными участками, продавая их и обычно покидая после этого насиженное место.

Расслоение крестьянства, начавшееся еще в эпоху господства торгового капитализма, теперь сразу быстро двинулось вперед. С одной стороны, образуется класс зажиточного крестьянства, располагающего денежными капиталами, крестьянская буржуазия.

Представители этого класса выступают в роли ростовщиков, лавочников, скупщиков кустарных изделий, мелких хлебных торговцев; скупают земли разорившихся помещиков и крестьян, заводят на них торговое хозяйство, производя хлеб и различные хозяйственные продукты специально для рынка. Объединение в товарищества кредитные и сельско-хозяйственные облегчает таким хозяевам получение кредита так же, как и сбыт их продуктов.

Одновременно с сельской буржуазией растет и противоположный класс малоимущих крестьян-пауперов (от латинского слова pauper— бедный). Земельные участки крестьян дробятся и мельчают, хозяйство падает, а между тем налоговое бремя увеличивается, и нужда в деньгах растет. Неимущие и малоимущие крестьяне вместе с этим все более разоряются, входят в долги и попадают в зависимость от своих богатых односельчан. Многие в конце концов оказываются вынужденными совершенно забрасывать свои хозяйства, нанимаясь в батраки, либо уходя в город на заработки. В России массовая продажа крестьянами-пауперами своих наделов началась после революции 1905 года в связи с обманутыми надеждами на «прирезку» земли. В течение нескольких лет миллионы десятин перешли таким образом из рук деревенской бедноты в руки сельской буржуазии, усиленно занимавшейся скупкой крестьянских и помещичьих земель.

2. Отход в город и рост городского населения.—Для разорившихся крестьян настоятельною становилась необходимость искать каких-либо подсобных занятий. С падением сельской кустарной промышленности и с развитием крупного производства, сосредоточенного, главным образом, в городах, город становится притягательным центром для сельского населения. Здесь на фабрике крестьяне-пауперы, равно как и крестьяне, обратившиеся в полных пролетариев, скорее всего могли рассчитывать найти себе занятие. Пригородные крестьяне ежедневно являются в город на работу, доставляясь туда и обратно по железной дороге. Крестьяне более отдаленных деревень, не имеющие этой возможности, переселяются в город на более или менее продолжительное время, обычно на зимний сезон, возвращаясь летом на полевые работы в деревню. Многие, наконец, совсем бросают земледелие и окончательно переселяются в город, первоначально в ближайший, затем оттуда в более отдаленные крупные городские центры. Ежедневные поездки преобладают в Западной Европе, где города расположены более часто, сезонные переселения в России, особенно из промышленных и пристоличных губерний. Из центральных земледельческих губерний, Курской, Тамбовской, Воронежской, Харьковской и др., значительная часть сельского населения направляется на лето на юг, где находит себе работу в каменно-

угольных копях, либо нанимаясь на сельско-хозяйственные работы в крупных экономиях (хозяйствах) Новороссийского края.

Сезонный временный отход на заработки в город представляет, однако, лишь переходное явление, причем дело обычно оканчивается тем, что сезонный рабочий превращается в постоянного и окончательно поселяется в городе.

Переселение в город и рост городского населения за счет сельского представляет одно из наиболее ярких и характерных явлений капиталистического развития. Особенно стремительно растут крупные промышленные центры. В Англии прежде всего выдвинулись такие центры промышленности, как Лидс, Шеффильд, Бирмингэм, Манчестер, население которых за полтора столетия увеличилось в несколько десятков раз. Еще быстрее росло население промышленных городов в Америке. Чикаго, еще в половине прошедшего столетия насчитывавший едва несколько тысяч жителей, к концу столетия вырос в огромный город с двухмиллионным населением. Лодзь (в Польше), поставлявшая хлопчатобумажные изделия на всю Россию, еще в шестидесятых годах была незначительным городом, в начале же текущего столетия насчитывала до полумиллиона жителей. Такой же быстрый рост обнаружили города юго-западной России в последние десятилетия в связи с развитием металлической промышленности на юге России.

О росте городского населения в главнейших промышленных странах можно судить по возрастанию процента городского населения в отношении всего населения. Из каждой сотни жило в городах:

	1851	1871	1901
Англия	51	62	71
Германия	27 (в Пруссии)	36	57 (в 1907 г.)
Франция	25	31	41
С.-А. Соед.-Штаты .	12	21	38

ГЛАВА XXIII.

Концентрация производства.—Финансовый капитал.

1. Концентрация производства.—Конкуренция между отдельными предпринимателями приводит к торжеству более крупных и сильных. Каждый промышленный кризис несет с собою гибель десятков и сотен менее значительных и обеспеченных предприятий. В то же время из массы вновь возникающих предприятий выживают только немногие, более жизнеспособные. Чем выше успехи техники,

тем все в меньшем и меньшем количестве предприятий сосредоточивается производство и в то же время тем ожесточеннее становится конкуренция и борьба за жизнь между этими предприятиями. Конечным результатом конкуренции, таким образом, является концентрация, сосредоточение производства и объединение его в немногих руках. Отдельные промышленные предприятия принимают вместе с этим все более обширные и крупные размеры, объединяя тысячи и десятки тысяч рабочих.

Особенно быстро концентрация производства и расширение размеров отдельных предприятий происходит в молодых и экономически мало развитых странах, вроде России, С. Америки, колониальных областей, где капитализм не является плодом долгого экономического развития, но пересаживается на непочатую девственную почву и где, следовательно, распространение крупного производства совершается почти беспрепятственно, не встречая сопротивления со стороны малоразвитой туземной мелкой промышленности [1]). В России в предприятиях с 1.000 и более рабочими, составлявших едва 2% общего числа подчиненных фабричной инспекции предприятий, занято было накануне войны, в 1913 году, до 40% всех рабочих. В 3.000 крупнейших предприятиях в С.-А. Соед.-Штатах сосредоточено до третьей части всего числа рабочих. В Германии концентрация значительно слабее: здесь в таких крупнейших предприятиях занято не более 10% рабочих.

Концентрация выражается, однако, не только в увеличении размеров отдельных предприятий, но и в так называемой комбинации, т.-е. в объединении в одном предприятии различных отраслей промышленности. Каждое крупное предприятие стремится само добывать себе необходимое сырье и производить его первоначальную обработку, равно как и перерабатывать ту часть сырья, которая непригодна в данной отрасли производства, но может быть использована в других целях. Крупные металлические заводы сами добывают себе руду, переплавляют ее в чугун, перерабатывают чугун в железо и сталь, выделывают различные железные изделия, изготовляют упаковочный материал. Сверх того, нередко они обладают еще собственными каменноугольными копями, железными дорогами, гаванями. Точно так же хлопчатобумажные

---

[1]) На одно предприятие с числом рабочих более 50 в России занято в среднем 290—300 рабочих, в не менее отсталой Венгрии—227, в Австрии—185, в Германии—155, во Франции и Англии еще менее. Насколько быстро совершается концентрация производства в России, можно видеть из сопоставления данных 1900 и 1913 гг. В то время как общее число подчиненных фабричной инспекции предприятий сократилось за эти годы на 1,9% (с 18.133 до 17.877), число рабочих увеличилось за те же годы на 37% (с 1.646.641 до 2.319.577). В среднем на одно предприятие приходилось в 1900 году 93, в 1913 году—130 человек.

фабрики обзаводятся собственными плантациями, при сахарных заводах обычно имеются собственные плантации свекловицы или сахарного тростника.

2. Акционерные предприятия.—Чем более крупные и обширные размеры принимают промышленные предприятия, тем труднее становится непосредственный надзор и руководство делом. В то же время колоссальные размеры предприятий позволяют держать целый штат служащих, и вот с течением времени все большее и большее число обязанностей по управлению предприятием возлагается на специальных служащих, и вместе с этим роль самого предпринимателя в руководстве делом становится в конце концов излишней. С другой стороны, колоссальные расходы, требуемые современными гигантскими предприятиями, становятся непосильными для отдельного капиталиста-предпринимателя.

Благодаря всем этим условиям, на смену единоличных предприятий выдвигается новая форма товарищеских предприятий, товариществ, капиталы которых образуются из вкладов нескольких пайщиков. Наиболее развитой формой этого рода предприятий является акционерное предприятие. Вновь образующееся акционерное общество выпускает более или менее значительное количество своих бумаг, акций, обладание которыми дает право на участие в доле прибыли и на получение дивиденда, части суммы, поступающей в раздел между акционерами, соответственно ценности акций. Из сумм, полученных от продажи акций, составляется первоначальный капитал предприятия. Действующие предприятия также выпускают дополнительные акции.

В отличие от единоличных владельцев предприятий, обладатели акций не принимают уже никакого действительного участия в предприятии. Одно и то же лицо может владеть акциями нескольких и даже многих предприятий; акции продаются и перепродаются и, таким образом, постоянно меняют своих владельцев. Местом продажи акций служит биржа. Прежде, в эпоху торгового капитализма, на бирже обращались государственные заемные бумаги и акции торговых обществ, в настоящее время—по-преимуществу государственные бумаги, по которым уплачивается постоянный процент, и акции промышленных предприятий, дивиденд которых изменяется в зависимости от положения дел в отдельных предприятиях. Биржевая цена акций каждого данного предприятия зависит от размеров приносимой им прибыли и от высоты выдаваемого им дивиденда. С повышением или понижением прибыли и с соответственным повышением или понижением дивиденда, повышается или падает и цена акций отдельных предприятий на бирже. Биржа является самым чутким показателем положения дел на мировом рынке. Всякое крупное эконо-

мическое явление—ожидание кризиса, крах отдельных предприятий, урожай или неурожай хлебов, равно как и политические события, угрожающие нарушить правильное течение дел, вызывают частичное или общее падение биржевых ценностей.

В настоящее время акционерная форма предприятий почти совершенно вытеснила единоличные предприятия. Большинство и ранее учрежденных единоличных предприятий также расширяет свои капиталы путем выпуска акций и, таким образом, в конце концов превращаются в акционерные предприятия. В 1912 году общая ценность обращавшихся в мире бумаг достигала 850 миллиардов рублей, в том числе свыше 500 миллиардов в четырех передовых странах, Великобритании, С.-А. Соед. Штатах, Франции, Германии. Во Франции сосредоточено в ценных бумагах до одной третьей части всего ее национального богатства, в Германии — 25 — 30%, в Англии даже 40%.

3. Банки. Пассивные и активные операции.—В конце концов и система образования капиталов путем выпуска акций оказывается недостаточной. Тогда на первый план выдвигается роль банков, являющихся резервуаром, куда прежде всего стекаются все свободные денежные средства. Банки, как мы уже знаем, приобрели крупное значение еще в средневековой торговле. Однако, в то время банки являлись, главным образом, денежными учреждениями, выступавшими в качестве посредников при производстве денежных платежей. Они принимали от купцов деньги на хранение, производили от их имени уплаты, переводили нужные им суммы в другие города. Вложенные суммы должны были при этом оставаться неприкосновенными и, если банки и вели на эти суммы торговые и кредитные операции, кредитуя по преимуществу государей, это было скорее злоупотреблением с их стороны, нежели обычным правилом. Еще в XVII и XVIII в.в. крупнейшие банки того времени Риальто в Венеции и Амстердамский не имели права отдавать вкладные суммы в ссуды и вообще пускать их в оборот.

В отличие от банков предшествовавшего времени, современные банки, напротив, прежде всего, именно, кредитные банки, накопляющие денежные средства с специальной целью обращать их в ссудные и иного рода кредитные операции. Никогда нужда в кредите не была так велика, как в современную капиталистическую эпоху. Колоссальные размеры предприятий требуют затраты огромных денежных капиталов, каких не оказывается уже более в руках отдельных предпринимателей. С другой стороны, и самая нужда в деньгах крупных предприятий не является ни равномерной, ни постоянной. Вследствие неуравновешенности между спросом и предложением получается то избыток свободных

средств в руках предпринимателя, то, напротив, недостаток. В первом случае он вносит свободную наличность в банк, во втором, напротив, кредитуется у банка, т.-е. занимает в банке необходимые ему денежные средства. Соответственно двойному назначению банков, — привлекать свободные денежные средства страны и давать им производительное помещение, путем кредитования промышленников, все банковые операции разделяются на пассивные—по привлечению капиталов и активные—по распределению их между предпринимателями.

К операциям первого рода принадлежат: 1) прием вкладов. Вклады бывают либо срочные, на определенное время, либо чаще бессрочные, именно, взносы на так-называемый «текущий счет», которые всегда могут быть потребованы обратно частями или полностью. Владелец получает при этом деньги лично или же выписывает требование — чек на определенную сумму за своею подписью на имя другого лица. По вкладам банками выплачивается определенный, обычно небольшой процент. Повышая или понижая процент, банк по мере надобности может вызывать прилив или отлив денег. 2) Не довольствуясь простым приемом вкладов или так называемыми депозитными операциями, банк выпускает «закладные листы»— облигации, долговые обязательства, погашаемые (выплачиваемые) в течение определенного срока. 3) Некоторые, преимущественно центральные, банки пользуются, наконец, правом выпускать банковые билеты, которыми они производят расчет, с обязательством в любой момент разменять их на деньги. Банковые билеты вполне тождественны, таким образом, с настоящими бумажными деньгами, выпускаемыми государством, и рядом с ними находятся в обращении.

К активным операциям принадлежат: 1) ссуда под залог, 2) учет векселей, 3) приобретение акций промышленных обществ, процентных бумаг и т. п. Ссуды выдаются под залог движимых имуществ — товаров (собственно, не самих товаров, а свидетельств о приеме их на хранение в товарном складе с указанием ценности, так называемый варрант) или бумажных ценностей и недвижимых имуществ—земли, домов и т. п. (гипотечный кредит). Операциями первого рода занимаются банки краткосрочного кредита, обслуживающие, главным образом, промышленные и торговые предприятия; операциями второго рода — банки долгосрочного кредита или гипотечные банки, кредитующие, преимущественно, землевладельцев и в городах домовладельцев. В исключительных лишь случаях выдаются ссуды и без залога под поручительством надежных лиц или по доверию к личности самого получателя (так называемый личный кредит).

Учет или дисконтирование векселей заключается в том, что банк покупает векселя до истечения их срока у кредиторов, нуждающихся в деньгах и не имеющих возможности ждать. Банк

платит при этом за векселя ниже их действительной ценности, удерживая в свою пользу, таким образом, известный процент (учетный или дисконтный процент). Когда в банках есть свободные средства, они учитывают векселя, довольствуясь низким процентом, в противном случае процент, вычитаемый при учете векселя, напротив, повышается. Повышение или понижение учетного процента является поэтому лучшим показателем изменения в размерах денежной наличности банков. В периоды промышленных подъемов, когда в связи с возросшим требованием на деньги, деньги отливают из банков, учетный процент повышается; в периоды кризиса, когда в виду остановки промышленных дел на деньги нет спроса и на денежном рынке наступает застой, учетный процент вместе с этим понижается.

Третий род активных операций банков, приобретение акций различных обществ, получил крупное значение в относительно недавнее время в связи с развитием акционерного дела.

4. Финансовый капитал.—Чем настоятельнее с ростом производства становится нужда в кредите, тем большее значение приобретает и роль банков для промышленности, и тем более широкие размеры принимают производимые ими операции. Одновременно растут и средства банков. Растущая прибыль промышленных предприятий, сбережения мелких собственников, доходы непроизводительных классов все в большем и большем количестве притекают в банки [1].

Вместе с этим в области банкового дела происходит такая же концентрация капиталов, как и в области промышленности. Более крупные банки поглощают мелкие, которые либо сливаются с ними, либо становятся в зависимые от них отношения. В Германии 9 берлинских крупных банков с примыкающими к ним и зависимыми от них банками располагали перед войной 11,3 миллиардами марок, что составляло около 83% всего немецкого банкового капитала (в том числе один немецкий банк 3 миллиардами марок). В Америке такая же сумма сосредоточена в руках всего двух банков Рокфеллера и Моргана. В Англии такую же роль играют четыре крупнейших банка, во Франции — 3. Точно сетью покрывают крупные банки своими отделениями всю страну,

[1]) В Англии общая сумма вкладов в банки возросла за 1880—1908 годы с 3,75 миллиардов рублей до 10,5 миллиардов. В Германии за те же годы с 225 миллионов марок до 3,2 миллиардов и до 4,5 мрд. в 1913 году. В Париже 3 крупнейших банка располагали в 1890 году 265 миллионами франков собственного и 1.245 милл. помещенного в них капитала, к 1903 году эти цифры возросли до 1.258 милл. франков собственного и 5.980 милл. помещенного капитала. В русских банках общая сумма вкладов поднялась с 270 миллионов рублей в 1897 году до 2,5 миллиардов рублей в 1913 году.

распространяя в то же время свое влияние и на заграницу. Крупнейшие английские и французские банки имеют свыше 400 и даже 500 отделений каждый. Отдельные банки вырастают таким образом в колоссальные учреждения, располагающие миллиардными капиталами. Благодаря такому накоплению свободной денежной наличности в банках, все возрастающая часть капиталов, применяемых в промышленности, получается из банковых средств, и промышленность вместе с этим все более попадает в зависимость от банков и банкового капитала. Банки участвуют своими капиталами в основании новых промышленных предприятий, поддерживают уже существующие, скупают большую часть акций отдельных предприятий и таким образом подчиняют их себе. Директора банков становятся членами правлений различных торговых и промышленных обществ. Словом, связь между банками и промышленностью делается все более и более тесной. Банковый капитал все в возрастающей степени находит себе помещение в промышленности, превращаясь вместе с этим в промышленный или точнее в финансовый капитал. Финансовый капитал — это, по определению Гильфердинга, капитал, находящийся в распоряжении банков, но применяемый в промышленности.

Финансовый банковый капитал оттесняет таким образом собственно промышленный капитал, подчиняя его себе так же, как ранее сам промышленный капитал занял место торгового. Роль банков в промышленности, возрастающая вместе с расширением производства и с ростом крупных предприятий, в свою очередь способствует дальнейшей концентрации производства, так как банки, естественно, кредитуют прежде всего наиболее крупные и обеспеченные предприятия, усиливая еще более позицию этих последних.

Конкуренция, развитие акционерного дела, растущая роль банкового капитала — все эти условия одинаково способствуют, таким образом, концентрации производства и сосредоточению его в немногих руках и придают вместе с этим всей деятельности капитала необычайный размах и значение.

ГЛАВА XXIV.

Синдикаты и тресты.—Империализм.

1. Стремление к объединению промышленных предприятий.— Различные формы объединений (корнеры и ринги, синдикаты, тресты).—Чем далее подвигается вперед концентрация производства, чем меньшее число предприятий обслуживает каждую отдельную отрасль промышленности, тем естественнее с их сто-

роны становится стремление к полному устранению конкуренции и к установлению монополистического господства на рынке. Начало свободной торговли и свободной конкуренции, восторжествовавшее в половине прошедшего столетия, в связи с развитием промышленного капитализма, стремившегося освободиться от всяких стеснений, к концу столетия таким образом вновь сменяется монополистической тенденцией.

Средство для установления полного господства над рынком и над потребителями было найдено прежде всего во взаимном соглашении между крупнейшими предприятиями. Первоначальную и наименее совершенную форму таких соглашений представляют соглашения, заключающиеся на известный, большею частью, короткий срок и определяющие цены, ниже которых не может продавать своих продуктов ни один из участников соглашения. Это так называемые ринги (кольца) или корнеры (углы). Соглашения этого рода распространены, впрочем, преимущественно в области торговли сельско-хозяйственными продуктами. В промышленности преобладают более длительные формы соглашения. Таковы прежде всего картели или синдикаты, соглашения, заключаемые на несколько лет и обычно по истечении срока вновь возобновляемые. Синдикатные соглашения в свою очередь могут принимать различные формы. Члены синдикатов устанавливают по взаимному соглашению рыночные цены, делят между собой рынки, отводя каждому участнику или группе участников известную географическую область для сбыта изделий, распределяют между собою заказы, регулируют производство, определяя его размеры для каждого отдельного предприятия. Некоторые синдикаты (так называемые «пулы»=общий котел), наконец, имеют общую кассу, куда поступает вся прибыль, распределяемая затем между участниками. Синдикаты могут обнимать не только однородные предприятия, например, сахарные, металлургические и др. заводы (объединение горизонтальное), но нередко и разнородные, связанные между собою и представляющие различные моменты обработки того же продукта предприятия, например, хлопкоочистительные заводы и хлопчатобумажные, прядильные и ткацкие фабрики. Точно так же и металлургические синдикаты стремятся привлечь к себе каменноугольные предприятия, чтобы располагать собственным топливом (вертикальное объединение).

Наиболее законченную форму объединения представляют собою тресты, распространенные преимущественно в Америке. Трест— это почти полное слияние отдельных предприятий в одно, причем участники его отказываются от всякой самостоятельности. Трест руководит не только сбытом, но и производством. Комитет, руководящий делами треста, вмешивается во все детали производства в подчиненных ему предприятиях, устанавливая заработную плату,

длину рабочего дня; мало того, он имеет даже право закрывать предприятия, существование которых находит излишним.

2. Развитие синдикатского движения. — Возникновение международных синдикатов. — Поворот в сторону синдицирования и монополизации производства начинается еще с семидесятых годов прошедшего столетия, со времени кризиса 1873 года, впервые принявшего мировые размеры. Первые соглашения носили, однако, временный характер, отличались непрочностью и легко распадались. В могущественные организации синдикаты и тресты вырастают лишь к концу прошедшего и началу настоящего столетия. Со времени промышленного подъема 1899 — 1900 г.г. и последовавшего за ним кризиса 1900—1903 г.г. синдицирование и трестирование промышленности быстро и неудержимо подвигается вперед, захватывая одну область промышленности за другою. Синдицирование предприятий, обрабатывающих сырые материалы, например, каменноугольных, железорудных, чугуноплавильных, заставляет объединяться и предпринимателей, перерабатывающих эти сырые материалы, чтобы не оказаться в зависимости от синдиката владельцев сырья. В дальнейшем они стремятся объединиться в один синдикат вместе с этими последними.

Синдикатское движение, возникающее в результате концентрации промышленности, в свою очередь усиливает самый процесс концентрации. Синдикат представляет собою силу, с которой не в состоянии бороться отдельные разрозненные предприятия. Менее значительные сметаются с лица земли, но и более крупные предприятия, противящиеся вступлению в синдикаты, также не в силах долгое время выдерживать борьбу с могущественными организациями и в конце концов оказываются вынужденными присоединиться к ним. Вернейшим средством принудить их к этому в руках синдикатов является временное понижение цен ниже себестоимости, легко переносимое членами могущественных организаций, но разорительное для отдельных предпринимателей.

Благодаря такому всемогуществу синдикатов и трестов, развитие их подвигается вперед с необычайной быстротой. Для полного торжества их понадобилось менее двух десятилетий. Уже в девятисотых годах в передовых промышленных странах, Германии и С.-А. Штатах, крупные промышленные организации насчитывались сотнями. Процесс синдицирования и трестирования охватил почти все отрасли промышленности. В некоторых и притом важнейших отраслях промышленности объединенным оказывается все или почти все производство. Американский железнодорожный трест охватывает до 95% всех важнейших железнодорожных линий, керосиновый трест, поглотивший свыше

400 предприятий, обнимает также 95% всего производства, стальной трест с 800 участвующими в нем предприятиями — 70%. Такую же роль в Германии играют угольный и стальной синдикаты. В России синдикаты Продамета (металлический) и Продуголь (каменноугольный) накануне войны захватывали до 70—80% всего сбыта. Сахарный синдикат объединял все производство.

В дальнейшем своем развитии объединительное движение выходит за пределы отдельных стран. Организуются международные синдикаты, целью которых является раздел мировых рынков между отдельными национальными синдикатами. Таковы синдикаты морского транспорта и судоходства, два электрических треста германский и американский, поделившие в 1907 году между собою мировые рынки. Международные синдикаты возникли также в нефтяной, химической, хлопчатобумажной, льняной, шерстяной и других отраслях промышленности. Проведению в жизнь возникшего в 1913 году предположения об образовании международного металлургического синдиката помешало лишь возникновение войны.

3. Устранение торгового посредничества. — Процесс концентрации и синдицирования не ограничивается промышленностью, но захватывает и соседнюю область торговли. Объединяя производство, синдикаты берут в свои руки и сбыт изделий. И чем выше концентрация производства, чем менее остается предприятий, не входящих в синдикатские объединения и свободно конкурирующих между собою, тем излишнее становится роль торговых посредников. Синдикаты и тресты так же, как и отдельные более крупные промышленные предприятия, обзаводятся собственными магазинами не только для оптового, но и для розничного сбыта своих изделий. Поскольку торговцы и сохраняют еще значение, при сбыте изделий, им приходится иметь дело не с рядом отдельных разрозненных и конкурирующих между собою предприятий, но с единой сплоченной силой. Синдикаты диктуют им свои условия, превращая их таким образом в простых агентов.

Концентрация вместе с этим достигает высшей степени. Теперь уже не только прибыль от добычи сырья и от производства изделий, но и та часть прибыли, которая приходилась ранее на долю торгового капитала, остается в руках крупных промышленных организаций. Путем соединения добычи сырья, производства и сбыта изделий достигается полное объединение всего процесса производства и сбыта в одних руках. При этом нити всей этой колоссальной организации, как уже сказано, сходятся в банках. Торговля и торговые предприятия становятся в зависимость от промышленного капитала, промышленный капитал в свою очередь от банкового или финансового капитала. Могуще-

ственнейшими синдикатами руководят скрывающиеся за их спиной объединенные банки. Самое объединение промышленных предприятий в синдикаты нередко совершается под давлением банкового капитала. Борьба, вспыхнувшая в 1907 году между американским и германским керосиновыми трестами, была не чем иным как борьбой между американскими банками, группирующимися вокруг известного миллиардера Рокфеллера, с одной стороны, и Немецким банком с примыкающими к нему банками— с другой. Синдикаты и стоящие за ними банки становятся таким образом в конце концов почти полными господами на рынке, и лучше всего об этом свидетельствует непрерывный подъем цен на все изделия, наблюдающийся с конца прошедшего столетия одновременно и параллельно с развитием синдикатского движения.

4. Империализм и борьба за мировые рынки. — В конце концов и полное господство на внутреннем рынке оказывается для синдицированной промышленности недостаточным. Завоевав внутренний рынок, финансовый капитал начинает стремиться к безграничному расширению своих внешних рынков. Помимо колоссального увеличения производства, необходимость такого безграничного расширения рынков обусловливается также и экономической политикой синдикатов. Регулируя и ограничивая производство на внутреннем рынке в целях поддержания высоких цен, синдикаты стараются вознаградить себя зато посредством увеличения вывоза. С другой стороны, одну из главных задач синдикатской политики, как мы уже знаем, составляет завладение рынками сырья.

То и другое, т.-е. как рынки сбыта, так и рынки сырья доставляют прежде всего экономически отсталые страны и колонии. Непосредственнее всего цель приобретения рынков достигается путем так называемой эмиграции капиталов, т.-е. перемещения капиталов в те страны, которые должны служить для них рынками сырья или сбыта готовых изделий. Вместо того, чтобы ввозить сырье или вывозить готовые изделия, предприятия основываются на месте получения сырья или предполагаемого сбыта. Сырье в таком случае получается на месте, тут же перерабатывается и сбывается в виде готовых изделий. Благодаря этому, избегаются издержки по перевозке сырья и изделий и по оплате таможенных пошлин, и таким образом достигается значительная экономия. К началу войны помещено было за границей до 40 миллиардов рублей английских капиталов, 20—25 миллиардов французских и 15—20 миллиардов рублей германских капиталов, всего до 80 миллиардов рублей, в том числе в экономически отсталых европейских государствах, России, Турции и др. — до 20 миллиардов, остальные в колониальных областях.

Не довольствуясь распространением своего экономического влияния, финансовый капитал стремится, где только можно, упрочить это влияние и путем утверждения политического господства. В этом отношении он находит себе союзника в современном государстве. Ведя колоссальное, основывающееся на миллиардных бюджетах государственное хозяйство, выступая в качестве предпринимателя, например, в железнодорожном деле, владея нередко собственными фабриками и заводами, государство не менее, нежели крупная промышленность, связано с банковым капиталом и не менее заинтересовано поэтому в расширении его экономического и политического господства. Целью финансового капитала, а вместе с этим и государственной политики становится захват возможно обширной территории с тем, чтобы, оградив эту территорию стеной высоких таможенных пошлин, безраздельно господствовать на всем ее протяжении. Такая политика захватов, получившая название империализма, развивается с восьмидесятых годов прошедшего столетия. Одна перед другой европейские державы спешат обзавестись колониями и захватить возможно большее пространство свободных и незанятых земель.

В течение двадцати лет Франция захватила до третьей части Африки с Мадагаскаром, Тонкин, Сиам, Индо-Китай в Азии; Англия также расширила свои прежние колонии значительными приобретениями в Африке (Египет, Трансвааль) и частью в Азии (Бирма). Соединенные Штаты, обладающие собственной обширной территорией, тем не менее завладели Филиппинскими островами и другими испанскими колониями в Америке. Германия, позднее других государств вступившая на путь колониальной политики, успела приобрести лишь сравнительно незначительные владения в Африке (Камерун, Золотой Берег и др.) и на Новой Гвинее. Даже второстепенные государства приняли живое участие в колониальной политике. Италия завладела Триполи, Португалия также приобрела колонии в Северной Африке, маленькая Бельгия—область Конго в Центральной Африке, превышающую ее собственные размеры более, чем в 80 раз.

К 1900 году раздел мира между европейскими государствами был закончен. Полинезия, в которой еще в 1876 году было занято немногим более половины всего пространства, Африка, где в семидесятых годах европейским государствам принадлежала едва одна десятая часть, в настоящее время поделены без остатка. Азия, за исключением Китая, Японии, Персии, русских и турецких владений, также оказалась разделенной. Когда все колониальные земли были захвачены и распределены, встал вопрос об экономической эксплоатации отсталых стран и прежде всего о разделе сфер влияния в Китае, Персии, Турции и о господстве на Балканском полуострове.

5. Империалистические стремления и рост милитаризма.— Мировая война.—Чем менее остается свободных земель, тем теснее становится финансовому капиталу европейских государств на мировом рынке и тем чаще должны возникать столкновения между отдельными государствами на почве колониальных захватов. Интересы всех европейских держав сталкиваются в Китае, интересы Англии и России — в Персии, Англии и Германии — в Турции, Франции и Германии — в Северной Африке (в Марокко). Такая постоянная опасность столкновений, естественно, вызывает со стороны отдельных государств стремление быть сильнее других. Отсюда—колоссальный рост вооружений, наблюдающийся также начиная с последних десятилетий прошедшего столетия. Милитаризм неразрывно связан с империализмом так же, как этот последний с стремлением финансового капитала отдельных стран к монопольному господству на мировых рынках.

Империалистские и милитаристские наклонности сильнее всего, естественно, должны были проявиться в политике страны, наиболее обделенной в отношении колониальных владений. А в таком именно положении, как мы уже знаем, очутилась Германия. Обладая высоко-развитой и быстро прогрессирующей промышленностью, почти не уступая Соединенным Штатам по силе синдикатского движения и степени господства финансового капитала, Германия в то же время оказалась почти без колоний. В то время, как колониальные владения Англии достигали перед войной 30 миллионов кв. км., владения Франции—10 миллионов, колонии Германии составляли едва 2,7 милл. кв. км., немногим более колоний маленькой Бельгии (2,4 милл.) и Португалии (2,1 милл.). При таких условиях Германии оставался только путь передела и насильственного захвата колониальных владений других европейских государств. Неудивительно поэтому, что именно в Германии милитаризм получил исключительно широкое развитие, и что именно политика Германии в течение последних тридцати лет представляла постоянную угрозу европейскому миру, угрозу, разразившуюся, наконец, общеевропейской войной.

Еще в 1907 году попытка Германии утвердиться в принадлежавшем Франции Марокко едва не вызвала мировой войны. Проект постройки Багдадской жел. дороги, открывавшей перед Германией турецкие рынки и непосредственно выводившей ее к Персидскому заливу, натолкнулся на сопротивление со стороны Англии. Попытка подчинить себе русские рынки и навязать России невыгодный для нее торговый договор вызвала обострение отношений с Россией. Так подготовлялась почва для возникновения общеевропейской войны, пока, наконец, вмешательство руководимой Германией Австрии в балканские дела и нападение самой Германии на Бельгию с задней мыслью завладеть ее об-

ширными колониями, не послужили сигналом для начала такой войны. Война сразу же охватила всю Европу, так как в зависимости от ее исхода решался вопрос об окончательном разделе мировых рынков, в решении которого одинаково был заинтересован финансовый капитал во всех европейских государствах.

ГЛАВА XXV.

Обострение классовых противоречий.

1. Обострение классовых противоречий.—С развитием промышленного капитализма и с распространением его влияния на все стороны и области экономической жизни, классовое строение общества упрощается до чрезвычайности. «Общество все больше и больше разделяется на два обширные вражеские лагеря, на два враждующие класса—буржуазию и пролетариат». Эта характеристика капиталистических отношений, сделанная в Коммунистическом Манифесте 75 лет назад, следовательно, в начале капиталистической эпохи, еще более справедлива по отношению к настоящему времени, когда, с одной стороны, пролетаризация массы населения сделала громадный шаг вперед и когда, с другой стороны, вся мощь капитала сосредоточивается в руках все суживающегося круга лиц. Не только занятые в промышленности рабочие, но и представители так называемых интеллигентных профессий, инженеры, ученые, литераторы, врачи, вынуждены продавать свой труд и попадают таким образом в зависимость от капитала. Вместе с этим капитал не довольствуется уже исключительным обладанием местными рынками, но в лице кучки финансистов предъявляет притязание на господство над всем миром.

Однако, чем большим кажется могущество капитала, тем призрачнее становится оно на деле. Капиталист не является полным господином на рынке, о чем прежде всего свидетельствует факт периодически повторяющихся промышленных кризисов. В самом процессе производства роль его становится все более излишней: владелец предприятия, по большей части, лично им не управляет, административные обязанности выполняются целым рядом специальных служащих. Еще далее от дела стоят представители финансового банкового капитала. Капитал теряет, таким образом, власть над производством, но он теряет в то же время и власть над производителями. Рабочий класс все более выходит из повиновения и становится в более независимые отношения к капиталу; несмотря на кажущуюся свободу наемного рабочего, никогда эксплоатация чужого труда не выступала с такой откровенностью,

как в современную капиталистическую эпоху, никогда противоположность интересов классов эксплоатирующих и эксплоатируемых не выражалась так резко и определенно.

Происходит это прежде всего от того, что современный предприниматель совершенно не заинтересован ни в благосостоянии, ни даже в самой жизни рабочего, как был заинтересован, например, рабовладелец или помещик-крепостник прежнего времени в поддержании жизни и некоторого благосостояния принадлежавших им рабов и крепостных. Предприниматель не связан со своими рабочими никакими постоянными отношениями. Он даже совершенно не знает их: сегодня у него работают один, завтра будут работать другие. Если рабочие и их семьи нуждаются и голодают, если под влиянием нездоровых условий работы и непосильного труда они теряют свое здоровье и трудоспособность, если, наконец, они погибают преждевременной смертью,—все это ни мало не касается предпринимателя. На место выбывших он всегда найдет других, ищущих работы: к его услугам постоянно резервная промышленная армия безработных. Наличность этой армии не только обеспечивает предпринимателя в любой момент необходимыми ему рабочими силами, но в виду конкуренции между безработными, позволяет ему диктовать рабочим свои условия.

В своих отношениях к рабочим капиталист заинтересован лишь в том, чтобы заставить трудиться их возможно долее за возможно низкую плату. Интересы рабочих, напротив, требуют прежде всего обеспеченного существования при коротком рабочем дне и высокой заработной плате. Такой противоположностью интересов и обусловливается ожесточенная классовая борьба между предпринимателями и рабочими, борьба, возникающая почти с момента зарождения рабочего класса.

2. Объединение рабочих и союзы предпринимателей.—При такой противоположности, какая существует между интересами предпринимателей и рабочих, всякая малейшая уступка, всякое малейшее улучшение в положении рабочего класса могут быть вырваны только силой, должны быть завоеваны самими рабочими. Отдельный рабочий в этой борьбе против всемогущего капитала, однако, совершенно бессилен. Всякий протест с его стороны повлек бы лишь за собою отказ от места и потерю заработка. Только объединенными совместными усилиями могут рабочие одолеть сопротивление как отдельных предпринимателей, так и всего класса капиталистов и заставить их пойти на уступки.

Самый способ капиталистического производства, при котором в каждом отдельном предприятии сосредоточены сотни и даже тысячи рабочих, способствует объединению рабочих и совместной

борьбе их за лучшие условия труда. Объединение по предприятиям, однако, недостаточно, так как предприниматели в свою очередь выступают против рабочих солидарно друг с другом. Они заводят специальные черные списки, причем рабочие, внесенные в эти списки, нигде уже не могут найти себе работы [1]). Другой способ совместных действий хозяев представляет собою локаут, приостановка работ и расчет рабочих, которые таким образом путем голода вынуждаются подчиниться воле предпринимателей. Локаут предпринимается обычно по соглашению владельцев предприятий известной местности и известной отрасли труда, но может принимать и более широкие размеры. Не довольствуясь отдельными случаями согласованных действий против рабочих, предприниматели вступают между собою и в более длительные союзы и объединения в тех же целях борьбы с рабочими. Первые союзы работодателей возникают в Англии еще в семидесятых годах прошедшего столетия, но особенно быстро начинают расти такие союзы с конца прошедшего и с начала нынешнего столетия в связи с широким развитием рабочего движения. В России они появляются после революции 1905 года. Наконец, и могущественные синдикаты и тресты, объединяющие в своих руках целые отрасли промышленности, точно так же совместно выступают против рабочих, как и против потребителей.

Объединение рабочих вызывает совместные действия предпринимателей, совместные действия предпринимателей в свою очередь усиливают тягу к объединению среди рабочих. Чем более растет могущество и объединенная сила капитала, тем необходимее становится и массовое объединение рабочих. Концентрированной объединенной силе капитала может противостоять только концентрированная же объединенная сила рабочего класса. Уже не рабочие отдельных предприятий борются против своих хозяев, но класс выступает против класса. Объединение и концентрация сил пролетариата совершается таким образом одновременно с концентрацией и объединением производства.

Судя по приемам, к каким прибегает рабочий класс в своих выступлениях против класса предпринимателей, и по целям, какие он ставит перед собою, различаются два главные вида его классовой борьбы, борьба экономическая и борьба политическая. Поскольку рабочие выступают с требованиями улучшения условий труда, например, сокращения рабочего дня или повышения заработной платы, т.-е. чисто экономическими требованиями,

---

[1]) Еще сравнительно недавно широко распространены были специальные рабочие книжки. Каждый рабочий обязан был иметь свою особую рабочую книжку, в которую вносились все данные о его поведении и согласно пометкам которой рабочий находил себе заработок или же получал отказ.

их борьба является экономической борьбой. Поскольку же они стремятся провести эти улучшения законодательным путем, действуя через парламент или иным способом стараясь повлиять на правительство, или поскольку они преследуют цель свержения всего капиталистического строя и замены его новым устройством общества на социалистических началах, постольку борьба их получает политический характер и значение. Экономической борьбой, которую ведут рабочие непосредственно с предпринимателями, руководят профессиональные союзы, т.-е. союзы, соединяющие рабочих отдельных специальностей, отдельных профессий; в политической борьбе руководящую роль играет партия. выступающая от имени всего рабочего класса.

ГЛАВА XXVI.

Экономическая борьба рабочего класса.

1. Рабочие союзы.—Экономическая борьба, как более непосредственно затрагивающая материальные интересы рабочих, возникает значительно ранее, нежели политическая борьба, требующая более высокого уровня развития со стороны рабочего класса. Англия, страна, в которой зародился промышленный капитализм, является в то же время и родиной профессионального движения и профессиональных союзов. Первые профессиональные союзы появляются в Англии еще в начале XVIII столетия, в континентальной Европе только в XIX столетии с проникновением туда промышленного капитализма, во Франции с сороковых, в Германии только с шестидесятых годов.

Препятствием для распространения профессиональных союзов долгое время служили не только слабое развитие сознания общественных интересов среди рабочих, но и преследования со стороны государственной власти, ставшей на защиту предпринимательских интересов. В Англии в течение XVIII столетия отношение к союзам было терпимое, но в 1799 году, под влиянием усилившегося рабочего движения, издан был специальный закон, воспрещавший устройство рабочих союзов; во Франции такое же запрещение последовало еще во время революции в 1791 году, в Германии — в начале XIX столетия. Только путем упорной борьбы, продолжавшейся в течение четверти столетия, английским рабочим удалось отстоять свое право на устройство союзов (1824 г.). Во Франции и Германии рабочие союзы разрешены были лишь в шестидесятых годах прошедшего столетия. Однако, особенно быстрый рост профессиональных союзов и усиление их влияния

начинается лишь с конца прошедшего столетия, как уже сказано, одновременно и в связи с ростом силы и могущества финансового капитала. Объединение капитала усиливает тягу к объединению и среди рабочих.

Даже в Англии, родине профессионального движения, еще в восьмидесятых годах организованы были в союзы (трэд-юнионы) только обученные рабочие-специалисты, образующие высший слой рабочего класса, своего рода рабочую аристократию. Объединение же чернорабочих и рабочих низших профессий начинается лишь с конца восьмидесятых годов. В отличие от прежних союзов, придерживавшихся по преимуществу экономической борьбы, вновь возникшие союзы рабочих низших профессий сразу же выдвинули более радикальную, частью политическую программу. В связи с этим с восьмидесятых годов в английском профессиональном движении образуются два течения, известные под названием старого и нового трэд-юнионизма. В девяностых годах английские трэд-юнионы насчитывали в общем до полутора миллионов членов; за первые полтора десятилетия текущего столетия это число возросло почти вдвое. В течение 15 лет вновь объединено было рабочих более, нежели за все предшествовавшее столетие. Во Франции число членов синдикатов (название рабочих союзов во Франции) за то же время увеличилось также более, чем вдвое (с 500 тысяч до миллиона). Еще быстрее совершалось развитие профессионального движения в Германии; число рабочих, объединенных в «свободных» социал-демократических союзах, возросло здесь с начала столетия до войны более, чем в четыре раза (с 600 тысяч до 2,5 миллионов). Такой же рост обнаружили рабочие союзы и в С.-А Соед. Штатах, где число организованных в союзы рабочих увеличилось в начале XX столетия с одного до двух миллионов.

Вместе с количественным ростом профессиональных союзов наблюдается и их взаимное сближение и слияние местных союзов в общие для всей страны. Каждый профессиональный союз охватывает теперь всех организованных рабочих данной профессии в стране [1]. В то же время и между союзами различных профессий устанавливаются постоянные связи, устраиваются общие съезды для обсуждения вопросов тактики (т.-е. приемов и способов борьбы) и для согласования действия отдельных союзов. С тою же целью устраиваются, наконец, международные конгрессы (съезды) союзов.

Цели и задачи, преследуемые союзами, точно так же изменялись по мере того, как росло классовое сознание пролетариата и обострялись отношения его с предпринимателями. Первоначально,

---

[1]) В Германии рядом с общими для всей страны, так называемыми центральными союзами существуют и «местные» организации, однако, с ничтожным числом членов.

в Англии XVIII века, в Германии половины XIX века это — исключительно или по преимуществу общества взаимопомощи, оказывающие поддержку своим членам в случае болезни, инвалидности, увечий, старости, а по смерти их выдающие пособия их близким. Уже очень рано, однако, союзы начинают служить целям экономической борьбы с предпринимателями, вместе с чем задачи взаимопомощи отходят на задний план. Союзы руководят рабочими во время стачек и поддерживают стачечников из средств, образующихся путем членских взносов; они стараются далее облегчить давление со стороны резервной промышленной армии, приискивая занятия для безработных, они ведут просветительную работу, содействуя таким образом поднятию общего культурного уровня рабочего класса. Наконец, в последнее время в связи с обострением классовых противоречий профессиональным союзам все труднее становится удержаться в области исключительно экономической борьбы, и они все более и более увлекаются на путь политических выступлений и политической деятельности.

2. Способы и средства экономической борьбы: стачка, бойкот и лэбель.—Коллективный договор.—Чем более развиваются и крепнут профессиональные организации рабочих, чем чаще случается им приходить в столкновение с хозяевами, тем более разнообразятся и применяемые ими приемы экономической борьбы. Первое время по введении машин, сразу лишавших массы рабочих заработка и понизивших оплату труда остальных, враждебные отношения рабочих к новому способу производства проявлялись в отдельных вспышках и в случаях нападения и поломки машин.

С упрочением капиталистического строя обычным орудием экономической борьбы рабочих становится стачка, т.-е. прекращение работы до удовлетворения выставленных рабочими требований. Целью стачек является—чаще всего в годы промышленного подъема, когда спрос на труд повышается, борьба за улучшение условий труда и прежде всего за повышение заработной платы и за сокращение рабочего дня, в годы кризисов и застоя—противодействие попыткам хозяев сократить плату и увеличить рабочий день. Рядом с этими основными требованиями могут предъявляться и другие, например, требования вежливого обращения, отмены невыгодных для рабочих способов оплаты труда, оздоровления условий работы и мер по охране здоровья рабочих.

Стачки обычно охватывают рабочих отдельных предприятий, нередко они принимают и более широкие размеры, распространяясь на всех рабочих данного города или местности или даже на всех рабочих данной профессии в стране, например, железнодорожные

стачки, стачки углекопов и т. п. В исключительных случаях, когда предъявляются требования от имени всего рабочего класса, объявляется всеобщая или генеральная стачка. Таковы были стачки 1893 и 1902 г. г. в Бельгии, в 1902 году в Швеции для завоевания всеобщего избирательного права. В других случаях всеобщие стачки вспыхивают в виде протеста против насилий над рабочими, например, в Италии в сентябре 1904 г., в России в 1905 году после 9 января, в 1912 году после массового расстрела рабочих на Ленских приисках. Особый вид забастовки представляет так называемая «итальянская» забастовка, примененная впервые железнодорожными рабочими и служащими Италии в 1905 году. Рабочие являются на места работы, но либо не работают вовсе, либо работают медленно и плохо, ссылаясь на то, что за плохую плату плохая и работа.

Менее распространенные, нежели стачка, способы экономической борьбы рабочих представляют бойкот и лэбель. Бойкот есть отказ иметь какое-либо дело и вступать в какие-либо сношения с данным лицом. Рабочие бойкотируют, например, товары фабриканта, не удовлетворяющего требований своих рабочих, отказываются работать у него, объявляя места в его предприятии под бойкотом, т.-е. предлагают и другим рабочим не занимать их, наконец, бойкотируют рабочих, поступающих на такие места, равно как и других лиц, находящихся в каких-либо сношениях с бойкотируемым фабрикантом. Лэбель распространен, главным образом, в Северной Америке. Так называются специальные марки или штемпеля, которыми помечаются изделия предприятий, удовлетворивших требования рабочих. В отношении изделий, рассчитанных прежде всего на спрос со стороны рабочих, или же в местностях, где рабочие составляют главную массу покупателей, лэбель нередко достигает цели и заставляет предпринимателей итти на уступки. Насколько в отдельных случаях это средство оказывается действительным, свидетельствуют те подделки лэбелей, к каким вынуждены прибегать многие фирмы в виду сокращения сбыта своих изделий.

Одним из наиболее действительных средств со стороны рабочих обеспечить себя от произвола владельца является коллективный договор. Вместо прежних единоличных договоров найма и единоличных отношений между отдельными рабочими и предпринимателем в последнее время все чаще практикуется общее от имени всех рабочих заключение условий и ведение переговоров с хозяином. Хозяин вместе с этим лишается возможности рассчитывать отдельных рабочих, равно как и вообще принимать по отношению к ним какие-либо меры воздействия. При всяких недоразумениях ему приходится иметь дело со всей массой занятых у него рабочих.

3. Кооперативное движение среди рабочих.—Производительная и потребительная кооперация.—Не столько средство борьбы, сколько непосредственную попытку рабочих избавить себя от эксплоатации как производителей со стороны предпринимателей и как потребителей со стороны мелких лавочников и других торговых посредников представляет собою кооперация или объединение в товарищества. Соответственно этим двум целям различаются и два вида кооперации—кооперация производительная, когда рабочие заводят на собранные ими или пожертвованные средства собственные предприятия и ведут дело сообща, и кооперация потребительная, т.-е. товарищества для совместной закупки продуктов по оптовым пониженным ценам, причем продукты отпускаются членам, платящим известный пай, либо по такой пониженной цене, либо по рыночной цене, но с последующим распределением между ними полученной при этом прибыли. Часть прибыли нередко не распределяется между членами, но употребляется на расширение операций, на просветительные цели и т. п.

В начале рабочего движения до половины прошедшего столетия преобладающим типом рабочей кооперации была кооперация производительная. Многие социалисты первой половины XIX столетия и прежде всего так называемые социалисты-утописты, Р. Оуэн в Англии, Фурье, Л. Блан, Бюше во Франции, до крайности преувеличивали значение производительных рабочих коопераций, считая их способными вытеснить капиталистические промышленные предприятия и таким образом устранить самый капиталистический строй. Даже Маркс в свое время отдавал предпочтение производительной кооперации перед потребительной. Еще первый интернационал (международный союз рабочих) в резолюции, принятой на Женевском конгрессе в 1865 году, также признавал кооперативное движение «за один из двигателей, ведущих к переустройству современного общества».

Действительность, однако, не оправдала этих ожиданий. Кооперативные общества, благодаря незначительности своих размеров, оказались не в силах противостоять промышленным гигантам и в огромном большинстве случаев погибали после непродолжительного существования. В редких случаях, когда производительным товариществам удавалось просуществовать в течение более продолжительного времени, они должны были расширять свои операции, для чего в свою очередь приходилось нанимать дополнительных рабочих, по отношению к которым учредители товарищества становились в привилегированное положение владельцев, и, таким образом, кооперативное товарищество вырождалось в типичное акционерное предприятие. Вот почему кооперативное движение с производительными целями к концу столетия почти совершенно замерло, зато более широкое распро-

странение и значение в рабочей среде получила потребительная кооперация.

Хотя в потребительные общества объединяются не только рабочие, но и вообще мелкие потребители и хотя они и не являются таким образом специально рабочими организациями, однако, именно рабочие составляют главную массу членов таких обществ. Сверх того, рабочие в большинстве случаев образуют свои особые потребительные товарищества, а эти последние в то же время становятся все в более тесные отношения к рабочей партии и к профессиональным союзам. Первым собственно-рабочим потребительным товариществом было основанное в 1843 году и послужившее образцом для позднейших обществ этого типа знаменитое Рочдэльское общество ткачей (в г. Рочдэле в Англии). Во второй половине XIX столетия потребительные рабочие товарищества распространились по всей Европе.

Потребительные общества устраняют всяких мелких посредников, лавочников, торговцев и пр. и, благодаря этому, дают возможность приобретать рабочим доброкачественные продукты по удешевленной цене, поднимая вместе с этим общий уровень их материального и культурного существования. Особенно существенную помощь оказывают кооперативы рабочим во время стачек, обеспечивая стачечников необходимыми средствами существования. Прибыли, получаемые рабочими товариществами, обычно, как уже сказано, не распределяются между членами, но обращаются на общественные и прежде всего на просветительные цели и учреждения.

Подобно производительным кооперациям, и потребительным обществам рабочих грозит опасность подмены общественных целей стремлением к личным выгодам и превращения таким образом их в обычные торгашеские предприятия. От этой опасности спасает их лишь развитие классового сознания рабочих и связь их с партией. В этом духе и была принята на Копенгагенском интернациональном конгрессе 1910 года резолюция, рекомендующая вхождение сознательных рабочих-социалистов в кооперативы с целью «работать в них в социалистическом духе и препятствовать тому, чтобы они из ценного средства организации и воспитания рабочего класса превратились в средство ослабления социалистической солидарности и дисциплины». Пример бельгийской рабочей кооперации лучше всего может показать, чего способно достигнуть кооперативное движение, действующее солидарно и согласованно с социалистической партией. Потребительные рабочие общества в Бельгии тесно связаны с партией, члены их должны быть в то же время и членами партии. Открытый в 1899 году брюссельским потребительным обществом Народный Дом (Maison du Peuple) представляет настоящий рабочий дворец

с магазинами, библиотекой, читальней, аудиториями, концертным залом и театром. Рабочий не только приобретает здесь необходимые продукты по дешевой цене, но и находит удовлетворение всех своих культурных потребностей.

ГЛАВА XXVII.

Политическая борьба рабочего класса.

1. Условия возникновения политической борьбы.—Профессиональные союзы и политическое движение. Собственно экономическая борьба, т.-е. борьба рабочего класса за улучшение своего положения в условиях существующего капиталистического строя, характеризует собою первый период в развитии рабочего движения. Чем более рабочий класс убеждается в непримиримой противоположности своих интересов с интересами буржуазии, тем яснее становится для него недостаточность экономической борьбы, приносившей лишь незначительные улучшения в условиях его существования, но неспособной изменить эти условия коренным образом. Вместе с этим он все более проникается сознанием, что только низвержение капиталистического строя и переустройство всех общественных отношений на новых началах, которые не оставляли бы места для эксплоатации чужого труда, принесет ему действительную свободу. На пути к такому общественному переустройству стоит, однако, государственная власть, которую необходимо или захватить, чтобы при ее посредстве произвести переворот (согласно программам социалистических партий), или устранить (как того требуют анархистские течения). В обоих случаях рабочий класс вовлекается в борьбу с государственной властью, а вместе с этим и в политическую борьбу. На этот путь толкает его и сама государственная власть, выступающая против него во всех случаях столкновений с предпринимателями.

Только горьким опытом приходит таким образом рабочий класс к сознанию необходимости политической борьбы, только с ростом классового сознания в массах рабочих и с распространением в их среде социалистических идеалов экономическая борьба постепенно отступает на задний план, и на первое место выдвигается политическая деятельность и политическая борьба. Вместе с этим преобладающую роль в общественной жизни рабочего класса начинают играть политические партии, и самое профессиональное движение принимает иной характер и становится в зависимые отношения к партии.

Классической страной профессиональных союзов, трэд-юнионов, является Англия. Здесь зародилось рабочее движение, здесь протекла вся первая экономическая его стадия, здесь на почве чисто-экономической борьбы рабочие успели достигнуть наиболее значительных результатов здесь поэтому, и профессиональное движение успело пустить особенно глубокие корни в рабочем классе. Вот почему и позднее, в то время как в других европейских странах повсеместно возникли уже рабочие партии, в Англии профессиональное движение все еще продолжало оставаться главной формой рабочего движения. Однако, и английские союзы должны были в конце концов вступить на политический путь. В семидесятых годах ими был образован специальный парламентский комитет в целях способствовать прохождению через парламент различных законодательных мер в пользу рабочего класса. В восьмидесятых годах, как мы уже знаем, возникает так называемый новый трэд-юнионизм, течение, не только захватывающее более широкие рабочие массы, но и отличающееся от старого трэд-юнионизма более развитой и радикальной политической программой, частью даже с социалистическим оттенком. Наконец, с 1901 года и в Англии образуется рабочая партия, преследующая специально-политические интересы. Быстрый рост этой партии показывает, насколько в Англии непосредственное участие рабочего класса в политической жизни успело сделаться настоятельно необходимым. Число членов рабочей партии в 1913 году достигло 1.880 тысяч, причем в парламенте она имела 45 своих представителей.

В других европейских странах деятельность профессиональных союзов еще теснее связана с политической борьбой. Во Франции, где преобладают революционные традиции и отрицательное отношение к парламентской деятельности, союзы получают все более видное значение не только в экономической, но и в политической борьбе. Одна из крупнейших рабочих партий, синдикалистская, резко отрицательно относящаяся к участию рабочих представителей в парламентской борьбе, именно в союзах (синдикатах) видит главное орудие «прямого» (т.-е. непосредственного, а не через парламент) политического действия в деле свержения капиталистического строя. Местные синдикаты объединены в местные союзы синдикатов или в «биржи труда» (называемые так по месту найма рабочих, где происходят также собрания рабочих и помещаются обычно правления союзов). Биржи труда объединены в свою очередь в федерацию бирж труда или во всеобщую конфедерацию труда.

В Германии политическое движение рабочих началось еще в то время, когда экономическая борьба их не успела принять широких размеров. Развитие экономической и политической

борьбы совершалось поэтому здесь одновременно и параллельно. Союзы возникали здесь, главным образом, по инициативе партии и в своем большинстве являются поэтому социал-демократическими, иначе называемыми «свободными» союзами. 80% всех организованных в союзы рабочих принадлежит в Германии именно к с.-д. союзам [1]).

В таких же близких отношениях с рабочей партией находятся профессиональные союзы и в остальных европейских странах. Особенно тесной эта связь является, как мы видели, в маленькой Бельгии. Необходимость согласования профессионального и политического движения признана также и на международном конгрессе в Штутгарте в 1907 году.

2. Интернационал и рабочие партии.—Отличительную черту политического движения рабочего класса составляет его интернациональный характер. Рабочие отдельных стран не имеют тех причин и поводов для взаимных враждебных отношений, какие представляют конкуренция и борьба за мировые рынки для политиков буржуазии. В то же время цели и задачи рабочего движения повсюду одни и те же. В общей борьбе против предпринимателей и капиталистического строя рабочие повсеместно оказываются союзниками. Экономическое развитие ведет, как мы видели, к падению национальных перегородок, к образованию единого мирового хозяйства. Повсюду утверждаются однородные производственные способы и отношения. Отдельные страны все теснее связываются между собою торговыми интересами и высоко развитыми путями сообщения. Весь земной шар уже теперь представляет как бы единый мировой рынок, единое мировое хозяйство, и только интересы незначительных национальных групп финансовых дельцов и капиталистов способствуют еще сохранению национальных границ и перегородок. Свержение этих финансовых групп должно устранить таким образом последние препятствия к установлению действительного единого общемирового и международного планомерно организованного хозяйства.

---

[1]) Кроме социал-демократических, в Германии существуют еще Гирш-Дункеровские, называемые так по имени своих основателей, и христианские рабочие союзы. Первые возникли в шестидесятых годах прошедшего столетия по инициативе двух либеральных профессоров Макса Гирша и Дункера и имеют своей целью прежде всего отвлечение рабочих не только от политической, но и от экономической борьбы, и потому ограничивают свою деятельность почти исключительно организацией касс взаимопомощи. Гирш-Дункеровские союзы не пользуются ни большим влиянием, ни распространением. Несколько более распространены в отсталых рабочих кругах так называемые христианские рабочие союзы, образуемые католической партией центра.

Таким образом, как собственные классовые интересы, так и общее направление экономического развития одинаково толкает рабочих на путь интернационализма, на путь тесного взаимодействия рабочих отдельных стран в их общей борьбе против капиталистического строя. Вот почему с возникновением политического движения среди рабочих первой мыслью передовых деятелей рабочего движения было сознание необходимости международного сближения рабочих. Еще в 1847 году раздался призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» (Коммунистический манифест). Осуществлением этого призыва и явилось основание в 1864 году первого международного товарищества рабочих, первого интернационала. Своей основной целью интернационал провозгласил экономическое освобождение рабочего класса. В то же время он признал, что такое освобождение должно быть делом самих рабочих и что оно может быть достигнуто лишь путем установления единой тактики и полной согласованности во всех действиях и выступлениях пролетариата отдельных стран. Успешное вначале развитие интернационала вскоре, однако, приостановилось вследствие слишком еще слабого развития рабочего движения отдельных стран. На конгрессе в Гааге, в 1874 году, в результате несогласий между руководителями интернационал распался, а через два года, после двенадцатилетнего существования, и окончательно был объявлен распущенным.

Интернационал смог возродиться лишь после того, как рабочее движение под руководством местных национальных партий успело пустить более глубокие корни в отдельных странах. В Германии возникшие еще в шестидесятых годах всеобщий рабочий союз Лассаля и так называемая Эйзенахская группа Бебеля-Либкнехта слились в 1875 году в единую социал-демократическую партию, которая с этого времени начала быстро расти. Во Франции после разгрома Парижской коммуны в 1871 году рабочее движение возродилось лишь в восьмидесятых годах, причем сразу же распалось на несколько течений, представленных особыми партиями. Позднее других европейских стран возникла, как мы видели, трудовая партия в Англии, объединившая, главным образом, членов трэд-юнионов. Рядом с ней здесь существуют пользующиеся значительно меньшим влиянием независимая рабочая партия и социал-демократическая партия, руководимая Гайндманом. Не ранее восьмидесятых годов социалистическое движение начало проявлять более прочные и действительные успехи и в других странах, в Италии, Испании, Скандинавских государствах. В России социал-демократическая партия была основана только в 1898 году.

В 1889 году, после того, как социалистическое движение упрочилось в отдельных странах, в Париже собрался международный

рабочий конгресс, и вместе с этим возник новый так называемый второй интернационал. На Парижском конгрессе было установлено, в знак солидарности рабочих всех стран, повсеместное празднование дня первого мая. Вместе с этим решено и в дальнейшем устраивать такие же международные конгрессы для обсуждения различных тактических вопросов и для согласования действий рабочих партий отдельных стран. В отличие от первого, второй интернационал не представлял уже такой же единой и сплоченной организации. Цель его и не составляло образование единой организации, но лишь поддержание связи между самостоятельными рабочими партиями и организациями отдельных стран.

Связь эта, однако, порвалась с началом последней войны. Попытки восстановления второго интернационала после войны оказались в значительной мере искусственными и мало действительными. К факту разрыва между отдельными национальными партиями присоединяются еще разногласия по вопросу об использовании момента в целях непосредственного введения социализма. На съезде в Москве летом 1918 года положено было основание третьему интернационалу, в который вошли представители более радикальных течений социалистических партий.

3. Средства политической борьбы: парламентская борьба, всеобщая стачка.—Если низвержение капиталистического строя является целью рабочего движения, если единство движения представляет необходимое условие его успешности, то средства для достижения цели должна дать в руки рабочего класса политическая борьба. А так как в центре политической жизни настоящего времени стоят представительные учреждения, то уже по одному этому и в политической борьбе рабочего класса прежде всего именно парламентская борьба, т.-е. борьба с другими партиями на выборах и в самом парламенте, должна была занять видное место [1]). Требование всеобщего избирательного права — одно из наиболее ранних и наиболее общих политических требований рабочего класса. Выборы в парламент дают возможность подсчета и выяснения соотношения общественных сил в стране. Результаты выборов показывают быстрый рост социалистических партий. В Германии на первых выборах в рейхстаг, в 1871 году, социал-демократическая партия собрала едва 113 тысяч голосов (менее 3% общего числа поданных голосов) и провела всего двух депу-

---

[1]) Парламентскую борьбу признают все социалистические партии. Напротив, анархические течения относятся к ней отрицательно. Наиболее влиятельным из этих последних является французский синдикализм, отрицающий парламентскую борьбу, как не достигающую цели, и признающий, как уже сказано, главным средством борьбы прямое или непосредственное действие и политические выступления пролетариата под руководством синдикатов.

татов, а в 1912 году — 4.250 тысяч голосов (около 35% общего числа избирателей) и приобрела 110 депутатских мест, немногим менее трети всего числа депутатов рейхстага. Преследования социал-демократической партии на основании закона о социалистах, действовавшего с 1879 по 1890 г., в конце концов не только не остановили роста партии, но способствовали лишь более прочному ее объединению. Такой же рост обнаружили рабочие партии и в других европейских государствах. Во Франции избирательные успехи социалистических партий в значительной мере ослаблялись их взаимными раздорами. В Англии еще в 1900 году в парламенте было всего два рабочих представителя, в 1906 году с выступлением рабочей партии на выборах—29, в 1910 году—40 депутатов (число поданных голосов за те же годы 323 и 505 тысяч). В Австрии на первых же выборах после введения всеобщего избирательного права социал - домократическая партия собрала свыше миллиона голосов (почти четверть общего числа) и провела 87 депутатов.

Предвыборная борьба и выступления кандидатов на предвыборных собраниях дают возможность развернуть самую широкую агитацию в пользу социалистических учений по всей стране, в политически же отсталых государствах, каким недавно была, например, еще Россия, эта возможность представляется и почти единственной. Таким же агитационным средством являются и выступления социалистических депутатов на ораторской трибуне в самом парламенте с критикой правительственных законопроектов и с развитием собственной точки зрения по поводу их.

Непосредственная практическая деятельность рабочих депутатов сводится к содействию законодательному закреплению экономических завоеваний рабочего класса. Сюда относится прежде всего проведение законодательных мер, определяющих длину рабочего дня и вообще касающихся взаимоотношений между рабочими и предпринимателями (так называемое рабочее законодательство). Далее, рабочие депутаты борются за расширение политических прав рабочего класса, наблюдают за действиями враждебных партий и предупреждают готовящиеся с их стороны удары, наконец, являются выразителями требований пролетариата при его массовых политических выступлениях.

Парламентской деятельностью не исчерпываются средства политической борьбы, находящиеся в распоряжении рабочего класса. И здесь, как в экономической борьбе, первенствующее значение имеют организация и стачка. Партийные организации играют в политической борьбе такую же роль, как профессиональные союзы в экономической. Хотя партийные организации и охватывают меньшее число членов по сравнению с числом голосов, поданных за кандидатов партии на выборах, зато,

в отличие от массы избирателей, партия представляет дисциплинированную и крепче спаянную группу убежденных единомышленников. Сверх того, влияние партии не ограничивается ближайшим кругом ее непосредственных членов. Во всех массовых выступлениях рабочего класса обычно, именно, партия берет на себя роль его руководительницы. Партия образует, таким образом, ядро, вокруг которого группируются массы пролетариата в борьбе против капиталистического строя.

Всеобщая стачка, как мы видели, является средством политической борьбы, к которому неоднократно и не без успеха пролетариат прибегал уже на практике. Действие ее при этом оказывается обычно тем успешнее, чем неожиданнее для господствующих классов она вспыхивает. Неорганизованные, но неожиданно разражавшиеся стачки нередко оказывались действительнее и скорее достигали цели, нежели стачки, тщательно организованные и подготовленные. Примером могут служить стачки 1905 года в России, всеобщая стачка 1893 года в Бельгии, по сравнению со стачкой 1902 года, более тщательно подготовленной, но не достигшей цели.

4. Социальная революция.—Разнообразные виды политической деятельности и политической борьбы, в которых принимает участие пролетариат непосредственно или в лице представляющих его социалистических партий, не имеют в его глазах самостоятельного значения, но являются лишь средством для достижения единой основной цели свержения капиталистического строя и экономического освобождения. К этой основной цели приведет только социальная революция. Социальная революция должна явиться результатом захвата государственной власти и политического переворота (с точки зрения анархистов, напротив, результатом уничтожения самого государства, как органа насилия). Путь, каким должен совершиться этот переворот, различные социалистические течения представляют себе различно. Представители наиболее умеренного крыла полагают, что переход к социализму совершится постепенно в результате мирного развития и ряда постепенных мероприятий и парламентских успехов социалистических партий (Бернштейн, Жорес). Напротив, радикальные социалистические течения представляют себе социальную революцию исключительно в виде захвата власти и диктатуры пролетариата (Р. Люксембург, К. Либкнехт). Французские синдикалисты, как мы видели, совершенно исключают парламентскую деятельность и считают всеобщую стачку единственным средством для свержения капиталистического строя.

ГЛАВА XXVIII.

Неорганизованность капиталистического хозяйства.—Анархия производства.

1. Основное противоречие капиталистического строя.—Капиталистической эпохе предшествовал период мелкого разрозненного производства. Каждый производитель работал вполне самостоятельно и независимо от других в собственной мастерской при помощи собственных орудий труда. При таких условиях, естественно, и продукт труда составлял полную собственность производителя и сбывался на рынке непосредственно им самим. Капитализм совершенно преобразовал всю систему производства, объединив в одном предприятии большое число отдельных и разрозненных до того производителей. Самые способы и орудия капиталистического производства требуют одновременного приложения труда многих участников и отличаются таким образом по существу общественным характером.

Однако, превратив производство из мелкого и частного в крупное и общественное, капитализм сохранил прежние способы присвоения. Как орудия производства, так и продукты труда принадлежат попрежнему частным лицам, но уже не непосредственным производителям, а капиталистам-предпринимателям, пользующимся наемным трудом. Общественный характер производства при сохранении частных способов присвоения—таково основное противоречие капиталистического строя.

В этом основном противоречии кроются причины и всех остальных противоречивых сторон и явлений, характеризующих собою капиталистическое хозяйство. В области социальных отношений противоречие между способом производства и присвоения является источником классовой борьбы, обусловливая стремление эксплоатируемых производительных классов, не пользующихся более продуктами своего труда, сбросить с себя иго капитализма. В области собственно экономических явлений то же самое противоречие лежит в основе неорганизованности и анархии производства, которые могут быть устранены лишь с падением капиталистической формы промышленности и с превращением продуктов общественного производства в общественную же собственность. Объединяя тысячи и десятки тысяч рабочих в сравнительно немногочисленных предприятиях, объединяя эти гигантские предприятия в синдикаты и тресты, капитализм организует производство. Но, сохраняя в то же время частную собственность на орудия производства и на продукты труда, он тем самым препятствует общественному распределению произведенных продуктов

и вместе с этим планомерной организацией всего хозяйственного целого. Капиталистическое хозяйство представляет таким образом собою неорганизованное, хотя и состоящее из организованных частей, целое. От этого и происходит главное зло капиталистического строя—анархия производства и порождаемые ею кризисы.

2. Анархия производства.—Капиталистическое хозяйство есть прежде всего товарное хозяйство. Продукты производства не распределяются непосредственно, согласно существующим в обществе спросу и потребностям, но предварительно должны обратиться в товары, и только в этой товарной форме достигают потребителя. Всякий иной способ распределения противоречил бы частным интересам капиталистов-владельцев продуктов труда, так как лишал бы их возможности реализовать (т.-е. получить полностью) свою прибыль путем продажи готовых изделий.

Но как емкость рынка, так и преобладающие на нем в каждый данный момент потребности постоянно меняются и не могут быть, поэтому, учтены заранее. Ни один предприниматель не может знать заранее, существует ли потребность в изготовляемых им продуктах и найдут ли они сбыт. Соответствие между спросом и предложением, между общественным производством и потреблением не устанавливается заранее согласно какому-либо предварительному расчету, но достигается исключительно путем повышения или понижения спроса, оживления или застоя торговли, словом, путем случайного приспособления, путем беспрерывного ряда колебаний и толчков. Конкуренция между предпринимателями, побуждающая их постоянно расширять производство, с одной стороны, неравномерное распределение имуществ и бедность масс, препятствующая расширению рынка, с другой, еще более увеличивают несоответствие между спросом и потреблением и еще более обостряют господствующую на рынке анархию. Рыночные колебания становятся благодаря этому и более значительными и более ощутительными, порождая, как мы уже знаем, периодическое перепроизводство и кризисы. Товары не находят себе сбыта, цены падают, дальнейшее расширение производства становится невыгодным, многие предприятия гибнут, другие сокращают производство, рабочие массами выкидываются на улицу [1]).

---

[1]) Синдицирование и трестирование не являются, как часто предполагают, средством регулирования производства и устранения промышленной анархии и кризисов. Синдикаты и тресты не могут да и не имеют в виду остановить или хотя бы задержать безграничный рост производства, представляющий основную тенденцию капиталистического хозяйства. Напротив, с возникновением трестов расширение производства еще быстрее начинает подвигаться вперед. Нигде рост промышленности не совершается такими гигантскими

Перепроизводство, которое в других условиях, способствуя накоплению общественных запасов, являлось бы лишь доказательством продуктивности общественного труда, и показателем общественного благосостояния, при капиталистическом способе производства становится причиной тяжелого экономического кризиса и общественного бедствия. Изобилие превращается в свою противоположность, в источник нужды и недостатка. Рынок переполнен товарами, а между тем массы населения бедствуют и обречены на голод и нужду.

Противоречие между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения достигает при этом высшей степени. Общественный способ производства во время кризисов приходит в столкновение с чуждым ему и основанным на факте частного присвоения продуктов труда способом распределения путем обмена. Исключая возможность планомерного распределения, частные интересы становятся таким образом на пути правильного течения экономической жизни и беспрепятственного развития производительных сил. Те же частные интересы группы капиталистов, провозглашенные национальными интересами, составляют главное препятствие и к завершению процесса образования единого мирового хозяйства.

3. Капитализм и мировое хозяйство.—Капиталистическое хозяйство уже в настоящее время давно переросло замкнутые национальные границы. Усовершенствованные и быстро развивающиеся пути сообщения, тесные торговые связи между отдельными странами, гигантские размеры промышленных объединений,

---

шагами, как, именно, в Сев. Америке, классической стране трестов, и, именно, в последние десятилетия, время наивысшего их развития. С другой стороны, имея прежде всего в виду поднятие цен, союзы промышленников тем самым еще более сужают и сокращают рынок. Вследствие гигантского роста производства при одновременном сужении рынка колебания рыночного спроса принимают еще более широкие размеры, и кризисы сопровождаются еще более губительными последствиями. Размах кризисов достигает наивысших размеров в тех же Сев.-Амер. Соед. Штатах, где, например, во время кризиса 1907—8 гг. добыча каменного угля упала на 15%, а выплавка чугуна даже на 40%. Увеличивая размеры кризисов, синдикаты в то же время не устраняют и промышленной конкуренции. Борьба ведется с прежним и даже еще с большим ожесточением между синдицированными и не синдицированными предприятиями, между двумя параллельными синдикатами, напр., между двумя нефтяными или металлургическими синдикатами, между синдикатами, объединяющими добычу и производство сырья и выступающими в отношении друг друга в роли продавцов и покупателей. Известны случаи, когда синдикаты, приобретающие сырые материалы, объявляли своеобразную забастовку, приостанавливая производство и отказываясь уплачивать цены, назначаемые синдикатами владельцев сырья. Вместо упорядочения производства синдицирование промышленности в конце концов, таким образом, еще более усиливает царящую в нем хаотичность и анархию.

для которых внутренний национальный рынок становится явно недостаточным, вызываемая такой недостаточностью внутреннего рынка погоня за внешними рынками, распространение в связи с этим капиталистических порядков и способов производства на самые удаленные местности земного шара, не исключая и недавно лишь исследованных областей,—все эти явления с несомненностью свидетельствуют о том, что современным производительным силам все теснее становится в ограниченных национальных рамках и что они быстрыми шагами движутся по пути к образованию единого мирового хозяйства [1]).

Однако, и в данном случае тенденция экономического развития снова приходит в столкновение с частными интересами группы капиталистов, объединенных в национальные тресты и синдикаты, с интересами финансовых капиталов отдельных стран. В результате вместо упрочения международных связей возникает противоположность национальных интересов и стремлений, вместо объединения отдельных стран в единое мировое хозяйство—обострение международных отношений и мировая война.

4. Социализм, как необходимое завершение современного капиталистического развития.—Как сто лет назад, различные феодальные установления и цеховые ограничения представляли препятствие для развития капитализма, так теперь сам капитализм становится на пути дальнейшего развития производительных сил и общественно-экономического прогресса. Устранение капиталистических отношений и обобществление или социализация средств производства и продуктов труда диктуется не только требованиями социалистических учений и интересами рабочего класса, но и неизбежным ходом экономического развития. Социалистический строй с такой же необходимостью должен притти на смену капитализму, как в свое время сам капитализм сменил феодальные порядки и мелкое ремесленное производство.

Господствующее в социалистических кругах убеждение в неизбежности наступления социалистического строя основано на изучении основных условий и тенденций капиталистического развития. Это убеждение и составляет главное отличие современного научного социализма, связанного прежде всего с именем Маркса, от социалистических учений первой половины прошед-

---

[1]) Общее расстройство всего мирового хозяйства, являющееся последствием Версальского мира, изолирующего Германию, может служить лучшим доказательством тесной связи, существующей между хозяйственной жизнью отдельных стран.

шего столетия, видевших в социализме исключительно плод мысли, а не результат неизбежного исторического развития [1]).

ГЛАВА XXIX.

Социализм.

1. Обобществление средств производства и социалистическая организация общества. — Социалистическое производство есть общественное производство для удовлетворения потребностей всех членов общества. Необходимым предварительным условием его должно явиться обобществление, т.-е. переход из частного владения в общественное всех средств производства и сообщения (земли, фабрик, мастерских, рудников, железных дорог и пр.). Только при таком условии сделается возможной планомерная и основанная на предварительном учете всех общественных потребностей организация производства и распределения. Уже и в настоящее время государство владеет большею частью путей и средств сообщения, всеми почтовыми и телеграфными учреждениями, нередко также промышленными предприятиями. Однако, современная государственная власть эксплоатирует все эти учреждения и предприятия прежде всего в целях извлечения дохода и в интересах государственной казны. Государственные предприятия настоящего времени приближаются поэтому к типу обычных капиталистических предприятий. Цель социалистической организации совершенно иная. Как уже сказано, она имеет в виду прежде всего удовлетворение как всех общественных потребностей, так и потребностей каждого отдельного члена общества.

---

[1]) В первой половине прошедшего столетия, когда отрицательные стороны капитализма успели уже выясниться в достаточной степени, но основные тенденции капиталистического развития еще не обнаружились, нельзя было предвидеть их конечных результатов. В то же время и пролетариат не вступил еще в организованную борьбу с капитализмом. Вот почему социалисты того времени (Фурье, Кабэ, Л. Блан, Р. Оуэн и др так называемые социалисты-утописты) сознавали уже необходимость замены капиталистического строя социалистическим, но не могли предвидеть еще ни исторической необходимости его наступления, ни той роли, какую суждено при этом сыграть пролетариату. Они видели в социализме идею, идеал, который в конце концов должен получить общее признание, и потому думали достигнуть проведения его в жизнь либо путем убеждения и обращения к представителям самого капиталистического общества, либо путем устройства примерных социалистических общин (в роде фаланстер Фурье, основанной Оуэном в Северной Америке общины Гармонии и др.).

Соответственно этим новым целям и все общественное устройство должно принять при социализме совершенно иной вид. В какие формы выльется социалистическая организация, сохранится ли современная централизованная государственная форма организации, распадется ли государство на отдельные самоуправляющиеся общины или, наконец, растворится в единой мировой хозяйственной организации, в настоящее время трудно, конечно, предвидеть. Одно только можно считать несомненным, что в социалистическом обществе не будет более классовой, основанной на силе и принуждении государственной власти, так как не будет места и для самих общественных классов, и что вместе с этим исчезнет и самодовлеющая государственная организация, преследующая какие-либо свои особые государственные, отличные от общественных цели. Согласование деятельности отдельных частей единого хозяйственного целого, точный статистический учет всех общественных потребностей и производительных сил— таково будет, как можно предполагать, главное назначение центральных учреждений в социалистическом обществе.

В какие бы формы, однако, ни вылилась в конце концов социалистическая организация общества, те задачи, которые будут стоять перед нею, могут быть намечены уже теперь. Это—1) окончательное превращение процесса производства в действительно общественное производство с использованием всех общественных сил. Это—2) планомерная организация распределения.

2. Общественное производство.—Экономия труда и сокращение рабочего времени.—Для того, чтобы производство стало действительно общественным, в нем должны принять участие все члены общества. В отличие от современных общественных условий, при которых производительным трудом занята лишь часть общества, остальная же часть либо ведет паразитическое существование, либо не находит себе работы, труд в социалистическом обществе должен стать как общим правом, так, с другой стороны, и общей обязанностью для всех.

Самый труд должен быть поставлен в совершенно иные условия, нежели труд современного рабочего, приковывающий его к определенному месту и к определенной машине и калечащий его и физически и духовно. Труд должен быть по возможности облегчен. Все неприятные и наиболее тяжелые стороны его, а также сопряженные с ним опасности должны быть с помощью различных специальных приспособлений устранены, требование, выполнимое отчасти уже и в настоящее время, но не принимающееся обычно во внимание, как несоответствующее частным интересам предпринимателей. Труд, наконец, должен разнообразиться, давая таким образом возможность развиться всем скры-

тым в каждой отдельной личности задаткам и способностям. Из раба машины человек должен превратиться в свободную всесторонне развитую личность. И для этого современный способ производства, при котором машина все более замещает человека и все более устраняет необходимость специализации труда, точно так же представляет полную возможность. Мало того, сама крупная промышленность с ее постоянными техническими переворотами, с быстро меняющимися потребностями, с беспрерывным перебрасыванием капиталов и рабочих из одной отрасли производства в другую, требует большой разносторонности от рабочих, сама «делает вопросом жизни и смерти замену чудовищного порядка, при котором жалкое резервное рабочее население держится в запасе для меняющихся потребностей капитала в эксплоатации, таким строем, при котором каждый человек становится безусловно годным для различных, меняющихся потребностей общества в труде» (Маркс).

Разнообразя труд, общественный способ производства при социалистическом строе в то же время сведет его продолжительность к возможно краткому сроку. Сокращение рабочего дня сделается возможным, благодаря экономии рабочих сил, непроизводительно растрачиваемых при современных хозяйственных условиях в мелких предприятиях, благодаря привлечению всех рабочих сил, которые в настоящее время либо остаются совершенно неиспользованными, либо заняты в предприятиях, излишних в социалистическом обществе, напр., в предприятиях обслуживающих потребности военного дела, наконец, благодаря дальнейшему росту технических усовершенствований, сокращающих и облегчающих человеческий труд.

Как ни быстро подвигается вперед процесс вытеснения мелких предприятий крупными, все же окончательное торжество крупного производства далеко от своего полного завершения. Рядом с небольшим числом более значительных предприятий, сосредоточивающих в себе большую часть производства, все еще продолжает существовать, в особенности в старых промышленных странах, огромная масса мелких и карликовых предприятий с малой производительностью труда. В Германии, согласно данным переписи 1907 года, в предприятиях с числом рабочих свыше ста была занята едва десятая часть общего числа рабочих и в то же время эти предприятия располагали третьей частью общей суммы паровой и электрической силы. Таким образом, вся имеющаяся в стране производительная энергия, с устранением мелких предприятий, могла бы быть использована при помощи 0,3 числа занятых теперь рабочих. 70% рабочих сил оказались бы при этом совершенно свободными. Политика устранения мелких излишних предприятий уже в настоящее время нередко прово-

дится трестами, устраняющими за ненадобностью иногда до 75—80% входящих в них предприятий без всякого сокращения общей суммы производства.

То же самое можно сказать и о сельском хозяйстве, несмотря на отсталость сельско-хозяйственной техники по сравнению с техникой промышленной. В той же Германии в больших имениях на 100 гектаров пашни приходится в среднем 12 рабочих, в мелких крестьянских хозяйствах свыше 60. И в сельском хозяйстве, таким образом, четыре пятых занятых в нем лиц оказываются излишними и при более целесообразной организации могут быть освобождены для другого рода деятельности. Далее освободится масса лиц, занятых в торговле, на различных государственных должностях, в военном деле и пр., так как все эти профессии окажутся в социалистическом обществе излишними. Наконец, и непроизводительные классы, как уже сказано, должны будут принять участие в общественном производстве.

Насколько одно только более полное и целесообразное использование рабочих сил и производительных средств даже без дальнейшего повышения техники производства способно поднять общую производительность и сократить необходимый ежедневный труд, можно видеть из сделанного для Австрии (Герцкой в книге «Законы социального развития») расчета. Согласно этому расчету, для того, чтобы снабдить всем необходимым население Австрии, пользуясь силами одного только взрослого мужского населения от 16 до 50 лет, понадобился бы менее, чем полуторачасовой рабочий день; для снабжения же сверх того всего населения предметами известной роскоши и комфорта еще лишний час времени (расчет произведен свыше тридцати лет назад, когда технические средства были много ниже современных). По такому же расчету относительно Германии в книге Баллода «Государство будущего», достаточен был бы восьмичасовой труд молодых людей в возрасте от 17 до 22 лет, распространенный же на все работоспособное население этот труд так же свелся бы к 1—2 часам ежедневной работы.

3. Технический прогресс при социализме.—В приведенных расчетах не принято во внимание дальнейшее развитие техники. А между тем почва как для более быстрого развития техники, так и для более полного использования технических успехов в условиях социалистического производства должна быть несравненно благоприятнее, нежели в условиях капиталистического хозяйства. В настоящее время технической стороной дела занят лишь узкий круг специалистов. В социалистическом обществе, когда техническое образование сделается общим достоянием, когда, с другой стороны, общая заинтересованность в сокращении и упрощении

процесса работы явится новым стимулом для всякого рода изобретательской деятельности, технический прогресс должен будет совершаться гораздо более быстрым темпом, нежели при современных условиях. В настоящее время многие технические усовершенствования и машины не находят себе применения, раз они представляют мало выгоды для капиталиста, раз они, например, не обходятся дешевле, нежели замещаемая ими рабочая сила. При социалистическом строе, напротив, все усовершенствования, сокращающие количество труда, будут широко использованы. В настоящее время все технические усовершенствования используются предпринимателями в целях сокращения числа рабочих, в будущем целью их сделается прежде всего сокращение рабочего времени при сохранении того же числа занятых в производстве лиц.

Теперь уже отчасти можно предвидеть и то направление, по которому пойдет техническое развитие будущего. С одной стороны, оно должно будет направиться на изыскание новых источников энергии, так как мировые запасы топлива (дров и каменного угля), на котором работают паровые двигатели, ограничены и так как в то же время самая сила паровых двигателей оказывается в настоящее время все более недостаточной. Уже сейчас на смену пару приходит электричество, в будущем же намечаются и иные, еще более обширные и еще более могущественные источники энергии. Другую цель технического прогресса будущего должно составить дальнейшее расширение роли машин в производстве и сокращение доли человеческого труда, например, путем устройства машин, которые работали бы вполне автоматически, не требуя постоянного надзора, и лишь в определенные места давали бы знать посредством сигнальных свистков или звонков о необходимости вмешательства человека.

Гораздо более трудную и сложную задачу представит развитие сельско-хозяйственной техники, так как развитие ее только-что еще начинается, причем и те успехи, которые достигнуты в этом отношении, далеко еще не осуществлены и лишь крайне медленно, как мы видели, прививаются на практике.

4. Организация распределения. — Рядом с наиболее целесообразной организацией и дальнейшим развитием техники производства другую, не менее важную задачу будущего составит организация распределения, совершенно отсутствующая в условиях капиталистического хозяйства. В социалистическом обществе не остается места для частного производства в целях частного присвоения: все работают взаимно друг для друга. Социалистическое производство есть прежде всего производство обществом для общества. Из продуктов общественного производства в первую

голову, конечно, должны быть удовлетворены потребности всех членов общины. Однако, за удовлетворением непосредственных потребностей членов общества понадобится еще прибавочный труд в интересах всего общества, в целях удовлетворения различных общественных потребностей. Дело просвещения, пути сообщения, обеспечение стариков, слабых, увечных, больных, устройство и поддержание различных общественных учреждений, воспитательных, лечебных, предназначенных для развлечения,—все эти потребности могут быть удовлетворены лишь совокупным общественным трудом. Не менее значительный труд должен расходоваться далее на воспроизводство средств производства.

Часть труда должна употребляться таким образом на удовлетворение различных общественных потребностей. Уже по одному этому требование получения полного продукта труда каждым отдельным производителем, выставлявшееся некоторыми социалистами, оказывается неосуществимым. Но, помимо того, требование полного продукта труда, как исходящее из идеи частной собственности, частного присвоения продуктов труда, несовместимо с принципом общественного производства и общественного хозяйства. Более соответствует социалистическому принципу другая формула распределения: «Каждому по его потребностям». Формула эта подразумевается и сама собою. Общество, требующее труда от своих членов, естественно, должно взять на себя обеспечение их существования и удовлетворение их насущных потребностей в пище, одежде, жилище. Чем большего совершенства достигнет техника производства, чем производительнее сделается труд, тем легче и тем полнее будет проводиться и удовлетворение потребностей каждого.

Относительно возможных способов распределения в социалистическом обществе строилось не мало предположений; однако, в какие именно окончательные формы выльется организация распределения, будет ли оно производиться путем системы пайков или посредством выдачи каждому удостоверений в произведенной им работе с правом соответственного получения продуктов,—это решит лишь практика самого социалистического строя. Одно только можно сказать, что распределение в социалистическом обществе не будет совершаться современным способом, путем обмена. В отличие от капиталистического, социалистическое производство представляет собою общественное, а не товарное производство. Там, где продукты изготовляются для непосредственного потребления и распределяются согласно точным сведениям относительно существующих общественных потребностей, не остается места для обмена. Продукты производятся непосредственно как предметы потребления, а не как товары, и распределяются между потребителями, минуя рынок. Но раз обмен отпадает, раз про-

дукты не принимают уже более товарной формы, не должны предварительно поступать на рынок для того, чтобы достигнуть потребителя, вместе с этим отпадает необходимость и во всеобщем товаре, служащем средством обмена, именно, в деньгах. На первый план выступает степень полезности продуктов, их потребительная, а не меновая, выражаемая в денежной форме, ценность. Вытеснение товарного производства социалистическим должно поэтому сопровождаться одновременным отмиранием и исчезновением из обращения денежных знаков, ставших излишними.

5. Единое планомерное мировое хозяйство. — Преобразуя всю систему производства и обмена и совершенно устраняя товарную форму хозяйства, социализм является при этом, как показано выше, не только отрицанием капиталистического строя, но и завершением тенденций развития, скрытых в самом этом строе. Капитализм, объединив производителей в немногих предприятиях, придал тем самым всему производству общественный характер, но, в противоречии с этим, сохранил частный способ присвоения продуктов производства. Отменяя частную собственность на орудия и продукты труда, социализм тем самым устраняет лишь противоречие между способом производства и присвоения и все вытекающие из этого противоречия губительные последствия. Товарное производство, лежащее в основе капиталистического хозяйства, хаотично и анархично. Устраняя капиталистический способ производства, социализм вносит планомерность в организацию всего хозяйственного целого, создает возможность целесообразного и самого широкого использования всех производительных сил общества, приводя их в то же время в соответствие с существующими общественными потребностями.

Таким же завершением намечающейся уже в капиталистическом хозяйстве тенденции развития должно явиться и объединение отдельных национальных хозяйств в единое мировое хозяйство. Мировое хозяйство не следует, конечно, представлять себе в виде хозяйства, управляемого из единого центра. Значительная часть потребностей может быть удовлетворяема на месте местными же средствами. Управления в мировом масштабе потребуют поэтому, по всей вероятности, только хозяйственные функции, касающиеся регулирования экономических взаимоотношений между различными областями и странами, как, например, заведывание средствами международного сообщения и транспорта, далее, снабжение одних стран сырьем и хлебом, других средствами производства, учет и приведение во взаимное соответствие потребностей тех и других и т. п.

Как ни неясны и ни туманны еще очертания грядущего социалистического строя, основные его принципы, основные его тен-

денции вполне определенно намечаются уже в настоящее время. Это будет единое мировое планомерно организованное хозяйство, хозяйство, которое явится завершением не только капиталистической стадии развития, но и всего вообще долгого пути, пройденного человечеством от жалкой первобытной коммунистической семьи к коммунистическому строю, объединяющему в единое целое весь мир.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Наука политической экономии.—Ее методы и значение.

1. **Предмет и содержание политической экономии.**—Знакомясь с историей производительной и хозяйственной (экономической) деятельности людей, мы видим, что условия, в каких совершается производство и распределение или обмен продуктов, постоянно изменяются. Изменения эти, однако, не случайны, но последовательно вытекают одни из других. Последовательность развития при этом в общем оказывается одинаковой у различных народов. С одной стороны, прошлое отдельных европейских народов представляет собою почти тождественную картину, с другой стороны, отсталые народности настоящего времени по своему развитию стоят на различных, пройденных уже европейскими народами ступенях, начиная от самых примитивных. Отдельные уклонения, как, например, судьба народов древнего мира, точно так же не случайны, но всегда обусловливаются какими-либо специальными местными условиями.

В этой строгой последовательности, при которой одни явления вытекают из других, и заключается закономерность всякого исторического, в частности экономического, развития. Таким образом, если в природе все явления относятся одни к другим, как бесконечный ряд причин и следствий, если в природе за каждой определенной причиной с неизбежностью должны следовать определенные же последствия, то то же самое видим мы и в истории человеческих обществ. Задача исторических так же, как и естественных наук, сводится поэтому прежде всего к установлению законов, т.-е. причинных отношений и причинной зависимости, существующей между отдельными явлениями. В частности, наука, изучающая законы развития производительной и хозяйственной деятельности людей, есть политическая экономия. От политической экономии, впрочем, необходимо отличать область, собственно, технических наук. Всякая производительная деятельность имеет

две стороны: 1) отношение к внешней природе, т.-е. воздействие, оказываемое человеком в процессе производства на предметы внешней природы, именно на различные сырые материалы: хлопок, лен, каменный уголь, железную руду и пр. и 2) взаимные отношения, образующиеся между людьми в процессе производства и хозяйственной деятельности, как, например, сотрудничество и совместный труд, общественное или частное присвоение, эксплоатация чужого труда, обмен продуктами и т. п. Явления первого рода образуют техническую сторону и составляют предмет изучения технических наук, явления второго рода имеют общественный характер, и изучением этой общественной стороны производства и занимается политическая экономия.

Подобно другим историческим наукам, политическая экономия, как уже сказано, имеет дело с постоянно меняющимся материалом и потому точнее должна быть определена, как наука, исследующая общественные отношения производства и распределения в их последовательных изменениях. Каждая отдельная ступень развития имеет свои особые законы производства и обмена. Способы производства и организации труда, равно как и способ распределения, складываются совершенно иначе в условиях первобытного - коммунистического, общинного-родового и общинного-патриархального, поместного-феодального, городского, капиталистического и, наконец, будущего социалистического хозяйства. Лишь немногие экономические законы являются общими для нескольких периодов развития, как, например, законы, вытекающие из условий натурального хозяйства, общие для всех начальных ступеней развития, или законы денежного обращения, имеющие одинаково силу как в эпоху городского хозяйства, так и в эпохи торгового и промышленного капитализма. Общим для всех периодов развития законом является зависимость форм организации труда от способов и форм производства. «В зависимости от характера, средств и орудий производства изменяются и те общественные отношения, в какие вступают отдельные производители» (Маркс). Примитивные орудия и способы производства, приемы и орудия земледельческого хозяйства, ремесленные орудия, наконец, современный машинный способ производства порождают совершенно различные общественные и производственные отношения. Первобытная орда, крепостное хозяйство, цеховое ремесло, капиталистическая промышленность—таковы соответствующие этим способам производства формы организации труда.

Первоначально изменяются способы производства, и затем уже только изменения в способах производства влекут за собою соответственные перемены в организации труда и в обусловленных ею общественно-производственных отношениях. Мало того, эти перемены в формах организации труда обыкновенно запаздывают.

Устаревшие формы организации препятствуют дальнейшему развитию, обращаются для него в «оковы» и устраняются в большинстве случаев лишь революционным путем. Такими оковами для возникновения капиталистической формы организации производства служили различные феодальные пережитки и цеховые ремесленные учреждения. Таким же препятствием является, как мы только что видели, сам капиталистический строй для организации общественного социалистического хозяйства.

Таким образом, если конечной целью политической экономии является исследование форм общественной организации труда, то начинаться такое исследование, в виду зависимости форм организации от способов производства, должно с изучения типичных для каждой отдельной экономической эпохи способов и средств производства. Так, изучение условий и законов, управляющих крупным машинным производством, должно предшествовать исследованию форм капиталистической организации труда.

2. Методы политической экономии.—Теперь, когда мы определили ту цель, какую ставит себе наука политической экономии, и путь, каким должно итти исследование экономических явлений, нам остается указать лишь те методы, т.-е. те приемы, какими они пользуются при этом исследовании. Это — обычные научные методы — индукция и дедукция. Индукция есть выведение общих законов и положений из частных наблюдений и опытов; дедукция, напротив, исходя из общих положений, делает менее общие выводы и объясняет отдельные частные явления.

Индукция прежде всего сводится к описанию экономических явлений изучаемой эпохи, к выделению общих черт в этих явлениях и, таким образом, к их обобщению. Более точные, но зато и более общие суммарные сведения дает статистика, сообщающая, например, общие цифры населения, деление его по роду занятий, цифровые данные за отдельные годы и периоды о количестве и ценности произведенных в отдельных отраслях промышленности продуктов и пр. Статистика показывает, какие факты и явления экономической жизни оказываются в ту или иную эпоху преобладающими, какие их признаки усиливаются или ослабевают, как быстро совершается в известные периоды экономическое развитие отдельных стран и в каком направлении происходит это развитие, например, от мелкого и разрозненного производства к крупному и объединенному в немногих предприятиях. Сопоставление цифр земледельческого и промышленного, сельского и городского населения за последующий ряд лет свидетельствует о растущем значении промышленности за счет сельского хозяйства, о росте городского населения за счет сельского, о тесной связи между развитием крупной промышленности и современных больших городов.

Статистические цифры свидетельствуют, однако, лишь о результатах сложного взаимодействия нескольких направляющих сил экономического развития, но не указывают действия каждой из этих сил в частности, не характеризуют непосредственно отдельных экономических явлений и не дают возможности судить об их роли и значении в общем ходе экономического развития.

Для исследования этих отдельных явлений и тенденций развития служит метод отвлечения, заменяющий в исторических науках научный опыт физических и естественных наук. Если путем физических опытов мы можем усиливать, ослаблять или совсем устранять отдельные стороны изучаемых процессов и явлений и, таким образом, обособляя изучаемое явление, исследовать его действие и значение, то в исторических науках, в частности, в политической экономии, приходится для этого обращаться к мысленному отвлечению, к мысленному обособлению и изучению отдельных сторон и явлений экономической жизни, или же к сопоставлению процессов, в которых изучаемое явление выступает с большей или меньшей силой, и к исследованию, таким образом, оказываемого им влияния и действия, которое соответственно должно повышаться или понижаться. Например, мы можем изучить влияние машин на процесс производства, сравнивая между собою организацию и условия труда в предприятиях без машин, в первоначальных предприятиях, работавших машинами и, наконец, в последовательном роде предприятий с постепенно повышающимся техническим уровнем.

Завершением индуктивного метода является схематизация, т.-е. выделение наиболее общих и типичных сторон и чаще других повторяющихся черт экономических явлений и заключение отсюда об основных законах, тенденциях и движущих силах экономического развития.

Другой метод политической экономии, дедукция, заключается, как уже сказано, в выведении из общих положений частных следствий. Так, например, зная о развитии у данного народа в известную эпоху денежного обращения, мы можем приписывать ему и все или, по крайней мере, большую часть характерных признаков денежного хозяйства и вытекающих из факта его развития последствий.

3. Практическое значение политической экономии.—Позволяя судить по существующим в данную эпоху тенденциям об общем направлении дальнейшего развития, дедуктивный метод политической экономии создает возможность исторического предвидения. Так, на дедукции прежде всего основано убеждение научного социализма в наступлении социалистического строя. Освещая современные экономические условия, давая в то же время возможность предвидеть пути развития в будущем, политическая эко-

номия, благодаря этому, помимо чисто теоретического, приобретает поэтому и важное практическое значение. Создавая более ясное и отчетливое представление относительно окружающей экономической действительности, политическая экономия тем самым позволяет с большей уверенностью и сознательностью проводить известную экономическую политику. Особенно важное значение знание экономических законов и прежде всего современных хозяйственных условий будет иметь при установлении социалистического строя и при проведении отдельных социалистических мероприятий. Не менее существенную услугу оказывает политическая экономия уже в настоящее время делу рабочего класса в его борьбе за освобождение. «Капитал» и другие чисто теоретические работы Маркса и Энгельса составили прочный фундамент для всего современного рабочего движения. Точно прожектором, осветили они путь рабочего класса. Не в темноте, не ощупью, а с полной уверенностью, с полным убеждением в конечном торжестве своего дела идет рабочий класс на приступ капиталистического строя.

Указатель литературы

по истории труда и политической экономии.

Общие пособия.

Энгельс. Философия, политическая экономия, социализм [переворот в науке, произведенный Дюрингом], отдел второй.

Чернышев. Памятная книжка марксиста, издание «Дело» Пб. 1906 г. [есть новое издание Государственного Издательства. М. 1919 г.].

А. Богданов и И. Степанов. Курс политической экономии, т. I, издание «Знания». Пб. 1910 г.; т. II, в. 1, торговый капитализм, изд. Гос. Издат. М. 1919 г.; т. II, в. 2. Промышленный капитализм. М. 1919 г.; т. II, в. 4. Общая теория капитализма. Коллективистический строй. М. 1919 г.

А. Богданов. Начальный курс политической экономии (Много изданий. последнее Гос. Издат. П. 1921 г.). Печатается новое издание с дополнениями Дволайцкого.

Его же. Начальный курс политической экономии в вопросах и ответах, изд. 3-е. П. 1921 г.

П. П. Маслов. Общедоступный курс истории народного хозяйства от первобытных времен до 20-го столетия, издание «Жизнь и Знание». П. 1914 г.

А. Тюменев. Очерк истории экономического быта, издание «Книги». П. 1919 г. 2-ое издание. Киев, 1920 г.

З. Лилина. От коммунистической семьи к коммунистическому обществу, издание Гос. Издат. Пб. 1920 г. [изложение в общем ведется по Богданову].

С. Фарфоровский и И. Кочергин. История труда. Курс-справочник, издание Гос. Издат. Казань. 1920 г. [Слишком сжатый и при том в значительной части чисто компилятивный очерк. Может быть полезен по содержащимся в нем указаниям тем для рефератов.]

Общую [не во всем, впрочем, соответствующую фактам] схему экономического развития содержит известная книга — **Бюхера.** Возникновение народного хозяйства, перевод под редакцией И. М. Кулишера. Пб. 1907 г., очерки третий и четвертый. **Его же.** Историческое развитие и классификация форм промышленности [в сборнике «История Труда», статьи из Handwörterbuch der Staatswissenschaften, перевод с немецкого под редакцией С. Н. Булгакова, издание М. И. Водовозовой. Пб. 1897 г.]. Критический разбор точки зрения Бюхера см. у **Э. Мейера.** Экономическое развитие древнего мира и у **М. Покровского.** Очерк истории русской культуры. М. 1920 г.

Краткий схематический очерк дают:

Э. Бернштейн. Развитие форм хозяйственной жизни, Всеобщая Библиотека Г. Ф. Львовича. Пб 1905 г.

Н. Рожков. Эволюция хозяйственных форм, издание «Молота». Пб. 1905 г.

Кауфман. Развитие форм хозяйственной жизни.

С. Г. Лозинский. История труда. Гос. Изд. Пб. 1920 г. [Обзор фактических данных по истории экономического развития Западной Европы; может служить полезным дополнением, но не основным пособием при прохождении курса.]

Бризон. История труда и трудящихся, перевод М. Дьяконова П. 1922 г.

Более богатый фактический материал можно найти в книге И. М. Кулишера. Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли, т. I. Период до восемнадцатого столетия. Пб. 1906 г.; т. II. Девятнадцатый век. Пб. 1908 г. и специально по экономической истории новых народов:

Его же. Лекции по экономической истории западной Европы, издание 5-ое. Пб. 1918 г. Издание 6-ое. П. 1922 г. (вышла только 1-ая часть).

Его же. Очерки по истории форм промышленности в Западной Европе с XIII до XVIII ст. П. 1906 г.

Архив истории труда в России. Кн. I — III. П. 1920 — 1922 г.г.

Из курсов политической экономии могут быть указаны:

Железнов. Очерк политической экономии. М. 1912 г.

Сверх того в качестве справочных пособий:

Чупров. Курс политической экономии [Ученые Труды, т. II].

А. Исаев. Начала политической экономии.

М. Туган-Барановский. Основы политической экономии, изд. 4. 1917 г.

Его же. Политическая экономия, курс популярный. Киев. 1920 г.

Кулишер. Политическая экономия. Издание 3-е. П. 1918 г. [между прочим дается очерк литературы и изложение важнейших теорий по отдельным вопросам экономической науки].

Менгер. Основы политической экономии 1908 г.

Платтен. Основные учения политической экономии. М. 1918 г.

Зелигман. Основы политической экономии. Пб. 1908 г.

Ш. Жид. Основы политической экономии. М. 1916 г.

А. Антонович. Основания политической экономии. Киев. 1914 г.

Ходский. Краткий курс экономики. Пб. 1915 г.

Яроцкий. Курс лекций политической экономии. П. 1916 г.

А. Мануйлов. Политическая экономия. Издание 3-ье. М. 1919 г.

По истории экономических учений:

Л. Косса. История экономических учений, перевод Н. С., издание Иогансона, Киев. 1900 г.

Ингрем. История политической экономии, издание 2-ое. М. 1898.

М. Туган-Барановский. Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма, издание пятое. Пб. 1914 г.

Берлин. Очерк развития экономических учений в XIX столетии.

В. В. Святловский. Очерки по истории экономических воззрений на Западе и в России. Пб. 1918 г.

Чупров. История политической экономии, издание восьмое М. и С. Сабашниковых. М. 1918 г.

С. Булгаков. Очерки по истории экономических учений. М. 1918 г.

А. Онкен. История политической экономии, русск. перевод. Пб. 1908 г.

Ш. Жид. История экономических учений. М. 1914 г. 2-ое издание. М. 1918 г.

Скворцов. Основания политической экономии.

Сверх перечисленных имеются еще в русск. переводе краткие, но устаревшие и мало удовлетворительные курсы политической экономии Фаусетта (1895 г.), и Джевонса (1897 г.).

В. Левитский. История политической экономии в связи с историей хозяйственного быта. Харьков. 1914 г.

В. Я. Железнов. Экономическое мировоззрение древних греков. М. 1916 г.

Введение. — Предмет истории труда.

Каутский. Экономическое учение Карла Маркса, глава первая.

Богданов. Начальный курс политической экономии, § 1: Определение экономической науки.

Маслов. Развитие народного хозяйства, глава I: Введение.

Маслов. Теория развития народного хозяйства. Введение в социологию и политическую экономию.

Бюхер. Возникновение народного хозяйства, очерки 7—9.

Карышев. Труд, его роль и условия приложения в производстве, «Образовательная библиотека», издание О. Н. Поповой. Пб. 1897 г.

Глава первая. — Первобытный коммунизм.

§ 1.

К. Вейле. Культура бескультурных народов, издание П. Сойкина. Пб. 1913 г.

Его же. Элементы культуры, издание Сойкина.

Энгельс. Роль труда в процессе развития человека из обезьяны. Издание Марии Малых. Пб. 1906 г.

А. Погодин. На грани животного и человеческого. Сборник «Новые идеи в социологии», № 4.

А. Тюменев. Теория исторического материализма. Изд. 2-ое. П. 1922 г.

Г. Морган. Первобытное общество, перевод П. Румянцева, изд. Л. Пантелеева. Пб. 1899, ч. I: Рост интеллекта вследствие изобретений и открытий.

Г. Сафаров. О научных основах коммунизма, Гос. Изд. Пб. 1921, 2: Между животными и человеком.

Гетчинсон. Очерки первобытного мира, перевод под редакцией З. Н. Журавской. Пб. 1899.

Обермайер. Доисторический человек, издание Брокгауза и Эфрона.

Мортилье. Доисторическая жизнь. Пб. 1903 г.

Н. Рожков. Русская история в сравнительно-историческом освещении, издание «Книги». П. 1919 г., том I, глава I.

И. Ранке. Доисторическая жизнь человечества, издание «Книжного Дела». М. 1901 г. [то же в первом томе «Истории человечества» Гельмольта].

Его же. Человек, том второй, издание «Просвещения».

Э. Тэйлор. Доисторический быт человечества [глава: огонь, поварское искусство и посуда].

Э. Тэйлор. Антропология. Введение в изучение человека и цивилизации [глава: житейская техника].

Э. Петри. Антропология, т. I. Пб. 1890 г.

М. Гернес. Культура доисторического прошлого, издание «Форос», ч. 1: Каменный век, ч. 2: Бронзовый век, ч. 3: Железный век.

Ю. Липперт. История культуры [издание Павленкова. Пб. 1894 г. и др.] отдел первый.

Шурц. История первобытной культуры, перевод И. Смирнова под редакцией Д. А. Клеменца, издание «Просвещения»; глава вторая: Материальная культура.

Бюхер. Возникновение народного хозяйства, очерки 1 и 2.

Его же. Работа и ритм, издание О. Н. Поповой. Пб. 1899 г.

М. Кулишер. Очерки сравнительной этнографии и культуры.

Мокиевский. Общественная жизнь людей, гл. 1—2: Первобытный человек.

Я. Яковлев. Очерки первобытной культуры, под редакцией А. Богданова, издание «Начатков знания». П. 1918 г. оч. 1: Материальная культура.

Н. Андреев. Древнейшие времена человеческой культуры, издание «Книги». П. 1919 г.

С. Фарфоровский. История первобытной культуры. П. 1919 г.

§§ 2—4.

Жиро. Общества у животных. М. 1899 г.

Эспинас. Социальная жизнь животных.

К. Каутский. Очерки и этюды, перевод и издание Г. Ф. Львовича, издание второе [очерки: общественные инстинкты в мире животных, общественные инстинкты у людей].

П. Кропоткин. Взаимопомощь среди людей и животных, издание Орехова, 1905 г.

Н. И. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры, издание Солдатенкова. М. 1883, издание второе «Издателя». Пб. 1899 г.

Морган. Первобытное общество, ч. 2: Развитие общественного строя.

К. Вейле. Первобытное общество, издание Сойкина. Пб. 1914 г.

Липперт. История культуры, отдел второй.

Шурц. История первобытной культуры, главы 2—3.

П. Маслов. Теория развития народного хозяйства.

Я. Яковлев. Очерки первобытной культуры, оч. 2: Организация общества.

Мокиевский. Общественная жизнь людей, глава 3: Первобытное общество.

Глава вторая. — Родовая община.

§§ 1—3.

Э. Тэйлор. Антропология.

Зибер. Очерки первобытной культуры.

Шурц. История первобытной культуры.

Липперт. История культуры.

Ген. Культурные растения и домашние животные в их переходе из Азии в Европу. Пб. 1872 г.

О. Шрадер. Сравнительное языковедение и первобытная история. М. 1880 г. [Перевод устарел, так как в 1906—7 г.г. вышло третье совершенно переработанное немецкое издание].

О. Шрадер. Индоевропейцы, перевод под редакцией проф. А. Погодина, издание Сойкина. Пб. 1912 г.

И. Тэйлор. Происхождение арийцев. М. 1897 г.

К. Тахтарев. Очерки по истории первобытной культуры [издание «Антик»]

§ 4.

Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.

Морган. Первобытное общество, часть третья: Развитие идеи семьи.

Э. Гроссе. Формы семьи и формы хозяйства, издание «Книжного Дела». М. 1898 г.

Г. Кунов. Экономические основания материального господства, «Научное Обозрение». 1898 г. Март.

К. Каутский. Возникновение брака и семьи. Пб. 1895 г., второе издание Львовича. Пб. 1906 г.

М. Ковалевский. Первобытное право, выпуск первый: Род, выпуск второй: Семья. М. 1886 г.

Его же. Очерки происхождения и развития семьи и собственности, издание Павленкова. Пб. 1895 г., издание второе, 1897 г.

Его же. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом, издание Брокгауза и Эфрона. Пб. 1905 г.

Его же. Социология, т. 1.

По истории семьи см. также:

Телон-Жиро. Происхождение семьи, о состоянии общества до-патриархального периода, приложение к журналу «Знание». 1876 г.

Липперт. История семьи, издание Павленкова. Пб. 1897 г.

Г. Тард. Происхождение семьи и собственности. Пб. 1897 г.

К. Н. Старке. Первобытная семья, ее возникновение и развитие, издание Павленкова. Пб. 1901 г.

Зибер. Первобытные учреждения [Собрание сочинений, т. II. Пб. 1900 г.].

О рабстве:

Г. Нибур. Рабство, как система хозяйства. Этнологическое исследование, перевод с английского, издание «Книжного Дела». М. 1902 г.

Ингрэм. История рабства с древнейших до новых времен, издание О. Н. Поповой. Пб. 1896 г.

Ш. Летурно. Эволюция рабства, издание Сытина. М. 1897 г. [также в приложении к «Миру Божьему» за 1897 г.].

§ 5.

П. Лафарг. Собственность и ее происхождение, издание «Общественной Пользы». Пб. 1907 г.

Летурно. Эволюция собственности, издание «Русского Богатства». Пб. 1889 г.

Его же. Эволюция торговли у различных человеческих рас, издание О. Н. Поповой. Пб. 1898 г., также в приложении к «Миру Божьему» за 1898 г.

Бэр. История всемирной торговли, т. I [издание Солдатенкова].

М. Н. Соболев. Очерки из истории всемирной торговли в связи с развитием экономической жизни.

И. М. Кулишер. Эволюция прибыли с капитала, т. I, глава I.

В. Святловский. Примитивно-торговое государство, как форма быта. Пб. 1914 г.

Глава третья. — Патриархальная земледельческая община. — Соседская община.

П. Маслов. Теория развития народного хозяйства.

М. Ковалевский. Родовой быт.

М. Ковалевский. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения, ч. I. М. 1879 г.

Его же. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства [издание Солдатенкова], т. I. М. 1898 г.

Его же. Развитие народного хозяйства в западной Европе, издание Павленкова. Пб. 1899 г. Приложение: Исторический переход от общинной собственности к индивидуальной.

Э. Лавеле. Первобытная собственность, перевод Кутейникова. Пб. 1875 г.

Баден-Пауэлл. Происхождение и развитие деревенской общины в Индии, перевод с английского Н. Кончевской. М. 1900 г.

Мэн. Деревенские общины на Востоке и Западе.

Его же. Древний закон и обычай, перевод под редакцией М. Ковалевского. Пб. 1884 г., глава восьмая: Восточно-европейские семейные общины.

Г. Маурер. Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общественной власти. Перевод В. Корша, издание Солдатенкова. М. 1880 г.

Август Мейтцен. Формы расселения [Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков, статьи из Handwörterbuch der Staatswissenschaften, перевод с немецкого под редакцией В. Э. Дена, издание М. И. Водовозовой. Пб. 1899 г.].

Его же. Общинное владение [там же].

Нассе. Об общинных переделах и огораживаниях в Англии, русский перевод под редакцией Азаревича. Записки демидовского юридического лицея. 1878 г.

Из многочисленных сочинений по истории русской общины лучшее:

А. Я. Ефименко. Землевладение на крайнем Севере России, см. также новейшие работы по истории русской общины Иванова и Архангельского. Менее удачна монография Островской.

Глава четвертая. — Поместье и поместное хозяйство.

§ 1.

Ковалевский. Экономический рост западной Европы, т. I—II.

Инама Штернегг. Сословия [Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков].

В. И. Солнцев. Общественные классы. Томск. 1917 г.

М. Ковалевский. Развитие народного хозяйства в западной Европе, лекция вторая.

Н. Кареев. Поместье-государство и сословная монархия средних веков.

П. Г. Виноградов. Исследования по социальной истории Англии в средние века. 1887 г.

Его же. Происхождение феодализма в лангобардской Италии.

Гревс. Статья о феодализме в словаре Брокгауза и Эфрона, и отдельно в издании Издательского Комитета при историко-филологическом факультете Пб. университета.

Павлов-Сильванский. Феодализм в древней Руси, издание Брокгауза и Эфрона и в Собрании Сочинений т. III.

Его же. Государевы служилые люди.

С. Рождественский. Служилое землевладение в московском государстве XVI столетия.

Н. Рожков. Натуральное хозяйство и формы землевладения в древней России [Исторические и социологические очерки, сборник статей, ч. I. М. 1906 г.].

Милюков. Очерк по истории русской культуры, ч. I.

М. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси, издание 4-ое. Пб. 1912 г.

Седашев. Очерки и материалы по истории землевладения в московской Руси XVII века. М. 1912 г.

М. Горчаков. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. синода. Пб. 1871 г. и отзыв об этой книге В. Ключевского. [Отзывы и ответы, третий сборник статей].

§§ 2 и 3.

Кроме указанной в предыдущем параграфе литературы см. еще:

Освобождение крестьян на Западе и история поземельных отношений в Германии, статьи из Handwörterbuch der Staatswissenschaften, издание М. И. Водовозовой. М. 1897 г.

Н. Кареев. Очерк истории французских крестьян до 1789 года. Варшава 1881 г.

П. Виноградов. Средневековое поместье в Англии. Пб. 1911 г.

Эшли. Экономическая история Англии, перевод под редакцией Д. М. Петрушевского, издание М. И. Водовозовой. М. 1897 г., часть первая, глава первая.

Роджерс. История труда и заработной платы в Англии в XIII—XIX в.в., перевод с английского, издание акц. общ. «Издатель». Пб. 1899 г. главы вторая и третья.

Кедров. Сельское население Германии в XI—XII веках [Книга для чтения по истории средних веков, под редакцией П. Г. Виноградова, том второй.

Пискорский. Крепостное право в Каталонии в средние века. П. 1901 г.

Средневековье в его памятниках. Сборник переводов под редакцией Д. Н. Егорова. М. 1913 г., отделы 3—5.

В. О. Ключевский. Происхождение крепостного права в России [Статьи и исследования, т. I].

Его же. Подушная подать и отмена холопства в России [там же].

В. Сергеевич. Древности русского права.

А. Лаппо-Данилевский. Разыскания по истории прикрепления владельческих крестьян в московском государстве в XVI и XVII в.в.

М. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения в России XVI и XVII в.в.

И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси, издание 4 [Ступина]. М. 1903 г.

Энгельман. История крепостного права в России, перевод с нем. под редакцией А. Кизеветтера, издание С. Скирмунта. М. 1900 г.

Н. Рожков. История крепостного права в России, издание «Донской Речи» 1905 г.

С. Князьков. Как сложилось и как пало крепостное право в России, истор. очерк, под редакцией А. Кизеветтера, издание 4-ое, исправленное и дополненное [Кнебеля]. М. 1911 г.

Великая реформа. Т. I. М. 1911 г.

Крестьянский строй, т. I. Сборник статей [статья Лаппо-Данилевского].

Акты о тяглом населении. Выпуск первый: крестьянские порядные. 1895 г.

Сводный текст крестьянских порядных XVI века. Пб. 1910 г.

Памятники истории крестьян XIV—XVI в., под редакцией А. Вормса, Ю. Готье, А. Кизеветтера, А. Яковлева.

И. Забелин. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве [Вестник Европы, 1870 г. Январь—февраль].

В. О. Ключевский. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в беломорском крае [Опыты и исследования].

Н. Рожков. Сельское хозяйство московской Руси XVI века [в особенности главы 1 и 2].

Миклашевский. К истории хозяйственного быта московских государей.

Заозерский. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве.

Главы пятая и шестая. — Возникновение городской рыночной торговли и ремесла и Районное городское хозяйство.

М. Ковалевский. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства, т. III. М. 1903 г.

Его же. Развитие народного хозяйства в западной Европе, лекция третья.

Дживелегов. Средневековые города в западной Европе, издание Брокгауза и Эфрона. Пб. 1902 г.

Его же. Городская община в средние века, издание «Книжного Дела». М. 1901 г.

Белов. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии, издание Сабашниковых. М. 1912 г. [Во вступительной статье Петрушевского дается очерк литературы вопроса о происхождении средневековых городов.]

И. Бондаренко. Английский город в средние века. 1904 г.

К. Бюхер. Возникновение народного хозяйства, очерки 3, 4, 10, 11.

В. Зомбарт. Современный капитализм, издание С. Скирмунта. М. 1906 г. Т. I. Генезис капитализма, книга первая: хозяйство, как ремесло.

А. Жири и А. Ревилль. Освобождение городов. Коммуны, буржуазия [Лависс и Рамбо, Всеобщая история с IV столетия до нашего времени, издание Солдатенкова, т. II. М. 1897 г. и отдельно в издании Павленкова: Культура и цивилизация западной Европы в эпоху крестовых походов].

Их же. Торговля и промышленность в средние века [там же].

Каутский. Из истории общественных течений [История социализма], издание Общественной Пользы [второе]. Пб. 1906 г., т. I, отдел второй и отдельно: Наемные рабочие в средние века и в век реформации, в издании Г. Ф. Львовича и др.

Эшли. Экономическая история Англии, часть первая, глава 2, часть вторая, главы 1 и 2.

Кеннингэм. Рост английской промышленности и торговли, перевод с английского Теплова. М. 1904 г.

Роджерс. История труда и заработной платы в Англии, глава 4.

В. Штида. О цехах в сборнике «История труда», статьи из Handwörterbuch der Staatswissenschaften, издание М. И. Водовозовой. Пб. 1897 г.

Средневековье в его памятниках.

Н. Грацианский. Парижские ремесленные цехи в XIII—XIV стол. Казань. 1912 г.

Иванов. Средневековый город [популярн.].

Булгакова. Из жизни средневекового ремесленника [то же].

Дитятин. Цехи в западной Европе [Статьи по истории русского права, издание О. Н. Поповой. Пб. 1895 г.].

М. И. Кулишер. Цехи на Западе и у нас [Русская Мысль. 1887 г.].

Его же. Из истории цехов у нас и в Европе [Вестник Европы. 1887 г.].

Рожков. Город и деревня в русской истории, издание шестое. М. 1920 г.

Чечулин. Города московского государства в XVI веке. Пб. 1889 г.

В. О. Ключевский. Разбор исследования г. Чечулина: Города московского государства в XVI веке [Отзывы и ответы, третий сборник статей.]

Дитятин. Устройство и управление городов России, т. I. Пб. 1875 г. Введение и отдел первый.

Глава седьмая. — Развитие денежного обмена и влияние его на жизнь деревни.

§§ 1 и 2.

К. Маркс. Капитал, т. I, отдел I, глава 3.

Его же. К критике политической экономии, глава вторая.

К. Каутский. Экономическое учение Карла Маркса, отдел I, глава 2.

Богданов и Степанов. Курс политической экономии, т. I, глава 3, отдел 8.

Миклашевский. Деньги. 1895 г.

Джевонс. Металлические деньги.

М. Шиппель. Денежное обращение и его общественное значение, перевод В. Ульриха.

Рыкачев. Деньги и денежная власть.

Новые идеи в экономике. Вып. 6: Теория денег Кнаппа. Пб. 1914 г. [теория государственного происхождения денег.]

К. Каутский. Золото, деньги и дороговизна, изд. «Книги».

В. Эльцин. Что такое деньги. Издание Гершунина.

Боголепов. Бумажные деньги. Издание «Кооперативного Издательства». Петроград—Москва. 1922 г.

§§ 3 и 4.

М. Ковалевский. Экономический рост Европы, т. II.

Его же. Развитие народного хозяйства в Западной Европе, лекции 5—7.

Освобождение крестьян на Западе и история поземельных отношений в Германии, статьи из Handwörterbuch der Staatswissenschaften.

Н. Кареев. Очерк истории французских крестьян. Варшава. 1881 г.

Роджерс. История труда и заработной платы.

П. Виноградов. Очерки социальной истории Англии в средние века. Пб. 1887 г. [изложение доведено до XIII века].

Петрушевский. Очерки из истории английского государства и общества в средние века, издание Брокгауза и Эфрона.

Его же. Восстание Уота Тайлора. Очерки из истории разложения феодального строя в Англии, ч. 1. М. 1897 г., и, в особенности, часть 2. М. 1901 г., где идет речь о социально-экономических условиях, подготовивших восстание. Есть новое издание Сабашниковых.

М. Покровский. Хозяйственная жизнь Западной Европы в конце средних веков (статья из Книги для чтения, Виноградова, т. IV).

Н. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси, глава 3 и след.

Его же. Статья под тем же названием в «Исторических и социологических очерках», ч. 1.

Его же. Народное хозяйство Московской Руси во второй половине XVI века («Дела и Дни», исторический журнал, книга первая. П. 1920 г.).

Забелин. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве.

Глава восьмая. — Междукоммунальная торговля и возникновение национального хозяйства.

К. Маркс. Капитал, т. III, отделы 4 и 5, в особенности главы 20 и 36.

Э. Бернштейн. Экономическое учение К. Маркса. Третий том Капитала в изложении, главы 5—6.

Бэр. История всемирной торговли, перевод Циммермана, издание Солдатенкова. М. 1876 г., т. I.

М. Соболев. Очерки по истории всемирной торговли.

Дживелегов. Торговля в средние века, издание Брокгауза и Эфрона. М. 1904 г.

Цитированные сочинения Эшли и Кеннингэма.

А. Жири и А. Ревилль. Торговля и промышленность в средние века (Лависс и Рамо, Всеобщая история, т. II, глава IX).

Михайловский. Ганза. Книга для чтения по истории среднихъ веков, выпуск 3.

М. Покровский. Господство Медичи во Флоренции (там же).

Его же. Хозяйственная жизнь Западной Европы в конце средних веков (там же, выпуск 4).

Костомаров. Северно-русские народоправства.

Бережков. О торговле Руси с Ганзой. 1879 г.

Э. Мейер. Экономическое развитие древнего мира, издание третье. М. 1910 г.

А. Тюменев. Очерки экономической и социальной истории древней Греции, т. I. Пб. 1920 г.

Рота-Кауфман. История банков. 1877 г.

Глава девятая. — Разложение цехового строя.

М. Ковалевский. Развитие народного хозяйства, лекция четвертая: рабочий вопрос в средние века, и восьмая: судьбы общины и цеха в период, следующий за возникновением капиталистического хозяйства.

К. Каутский. Из истории общественных течений, т. I, отдел 2, глава 2 и отдельно (см. глава пятая и шестая).

М. Покровский. Названная статья.

Шенланк. Союзы подмастерьев в сборнике «История труда».

Молчановский. Цеховая система Пруссии XVIII века. 1886 г.

(Гуго). Общественные отношения во Франции 17 и 18 в.в., перевод Базарова и Степанова, издание редакции «Образования». Пб. 1902 г. (из «Истории общественных течений», т. II).

Глава десятая. — Способы первичного накопления капитала: колониальное хозяйство.

§§ 1—3.

Бэр. История всемирной торговли, т. II.

Маркс. Капитал, т. I, глава 24.

Зомбарт. Современный капитализм, т. I, глава 13.

К. Каутский. Колониальная политика в прошлом и настоящем, издание «Знания». Пб. 1900 г.

Н. Борецкий-Бергфельд. Колониальная история западно-европейских континентальных стран, издание Брокгауза и Эфрона. Пб. 1914 г.

П. Г. Мижуев. История колониальной империи и колониальной политики Англии, издание Брокгауза и Эфрона. Пб. 1902 г.

Шефер. История колоний, издание П. Сойкина.

§§ 4—5.

Указанные сочинения Бэра и Соболева по истории торговли.

Костомаров. Очерк торговли Московского государства.

И. Любименко. История торговых сношений России с Англией. Юрьев 1912 г.

Довнар-Запольский. Торговля и промышленность Москвы в XVI—XVII веках. М. 1910 г.

И. М. Кулишер. Промышленность и торговля в Англии XVI столетия. (Книга для чтения по истории нового времени, т. I.)

В. Пискорский. Новые основы хозяйственной жизни Европы (там же).

А. Дживелегов. Первые биржи и революция цен (там же).

Ю. Филиппов. Биржа, ее история, современная организация и функции. Пб. 1912 г.

В. Лексис. Торговля, ч. 1. Товарная торговля и товарные биржи, ч. 2. Фондовая биржа и внутренняя торговая политика. 1915 г.

Каминка. Акционерные компании, т. I. 1902 г.

Вирт. История торговых кризисов, русский перевод Конради.

Глава одиннадцатая.—Способы первичного накопления капитала: кустарная промышленность.

Каутский. Из истории общественных течений, т. I, отдел 2, главы 3 и 4.

Его же. Эрфуртская программа, отдел первый.

В. Зомбарт. Современный капитализм, т. I, глава 16.

Его же. Домашняя промышленность. («Промышленность», статьи из Handwörterbuch der Staatswissenschaften, издание Водовозовых. М. 1896 г., то же, 2-ое издание, Пб. 1905 г.).

И. М. Кулишер. Промышленность и рабочий класс на Западе в XVI—XVII столетиях, издание Брокгауза и Эфрона. Пб. 1911 г.

Корсак. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства в западной Европе и в России. М. 1861 г.

В. В. Очерки кустарной промышленности в России. 1883 г.

Андреев. Кустари в России.

Иванов. Русские кустари.

Колкотин. Кустарный вопрос в России.

Рыбников. Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий. 1913.

Полферов. Кустарная промышленность в России. П. 1913 г.

Денисюк. Кустарная Россия, очерки. П. 1918 г.

Глава двенадцатая. —Пролетаризация крестьянства и образование рабочего класса.

Маркс. Капитал, т. I, глава 24.

Каутский. Эрфуртская программа, отдел второй.

Освобождение крестьян на Западе (статьи из Handwörterbuch der Staatswissenschaften).

Эшли. Экономическая история Англии.

Роджерс. История труда и заработной платы в Англии.

Ченей. Аграрный переворот в Англии в XVI в. по свидетельству современников, издание Куклина. Пб. 1899 г.

Савин. Английская деревня в эпоху Тюдоров, 1903 г.

Н. Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти восемнадцатого столетия. М. 1879 г.

И. В. Лучицкий. Крестьянское землевладение во Франции накануне революции. Киев 1900 г.

Его же. Крестьяне во Франции XVIII века (Книга для чтения по истории нового времени, т. II.)

Его же. Новые исследования по истории крестьян во Франции XVIII в.

Е. Тарле. Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху великой революции. Пб. 1914 г.; издание второе, Пб. 1918 г.

Г. Ф. Кнапп. Освобождение крестьян и образование сел.-хоз. рабочих в старых провинциях прусской монархии, пер. с нем., изд. О. Поповой.

Н. Волконский. Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве. Рязань. 1898 г.

А. Гакстгаузен. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М. 1869 г.

В. И. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины второй, т. I, издание второе. Пб. 1903 г., т. II. Пб. 1901 г.

Его же. Крестьянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX столетия, т. I—II. Пб. 1889 г.

А. Д. Повалишин. Рязанские помещики и их крепостные. Рязань 1903 г.

П. Струве. Крепостное хозяйство, исследования по экономической истории России в XVIII и XIX в.в. М. 1913 г. (при пользовании этим сочинением не следует упускать из вида той своеобразной точки зрения на значение крепостного хозяйства в России, какой держится автор).

Пичета. Помещичье хозяйство и быт крестьян накануне реформы (Книга для чтения по новой истории, т. IV, в. 2).

Н. Рожков. Экономическое развитие России в первой половине девятнадцатого столетия (История России в XIX веке, издание бр. А. и И. Гранат, выпуск 2).

Великая реформа. Издание Сытина, т. I и II.

А. Корнилов. Крестьянская реформа. Пб. 1906 г.

Крестьянский строй. Сборник статей А. Корнилова, Лаппо-Данилевского, В. Семевского и И. Страховского. Пб. 1905 г.

М. Н. Покровский. Крестьянская реформа. (История России в XIX веке, выпуски 9 и 10. М. 1900 г.).

И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Издание второе дополненное. М. 1910 г.

Глава тринадцатая.—Капитал как средства эксплоатации.

К. Каутский. Эрфуртская программа, отделы первой и второй.

Сверх того, см. литературу к главам IX и XI.

Глава четырнадцатая. — Мануфактурная промышленность.

Маркс. Капитал, т. I, главы 11 и 12.

Его же. Нищета философии.

К. Каутский. Экономическое учение Карла Маркса, отдел второй, главы 8—9.

Кулишер. Промышленность и рабочий класс на Западе в XVI—XVIII столетиях.

Е. Тарле. Рабочие во Франции в XVII веке (Книга для чтения по истории нового времени, т. III).

Его же. Рабочий класс во Франции в эпоху революции, т. I, Пб. 1909 г. и статья на ту же тему в Книге для чтения по истории нового времени, т. IV, в. I.

Его же. Рабочие национальных мануфактур в эпоху революции, Пб. 1908 г.

М. Ковалевский. Происхождение современной демократии, т. I.

М. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем, издание третье, Пб. 1907 г.

Глава пятнадцатая. — Развитие международной торговли и расширение рынка.

Бэр. История всемирной торговли т.т. II и III.

Гобсон. Эволюция современного капитализма, издание О. Н. Поповой. Пб. 1898 г. глава 2.

Гиббинс. Промышленная история Англии, издание О. Н. Поповой. Пб. 1898 г.

Янжул. Английская свободная торговля, т.т. I—II. Пб. 1876—1882 г.

И. Чернышев. Экономическая политика английской республики. (Книга для чтения по истории нового времени, т. II.)

Кулишер. Английская свободная торговля (там же, т. IV, в. I).

В. Филатов. Государственное хозяйство старого порядка (там же, т. II).

А. Онкен. История политической экономии. Пб. 1908 г.

В. Святловский. Очерки по истории экономических воззрений, т. I, очерки 4 и 5.

Гиггс. Физиократы, перевод с англ. О. Ю. Гофман под редакцией П. Струве, издание О. Н. Поповой. Пб. 1899 г.

Боровой. Физиократы (Книга для чтения, т. III).

П. Н. Милюков. Государственное хозяйство России в первой половине восемнадцатого столетия. Пб. 1902 г., 2-ое издание Пирожкова. Пб. 1904 г.

Витчевский. Торговая, таможенная и промышленная политика России. 1901 г.

Соболев. Таможенная политика России в XIX столетии. 1910 г.

Шульце-Геверниц. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. Перевод с немецкого под редакцией Б. Авилова и П. Румянцева, предисловие П. Струве. Издание Н. Глаголева. Пб. 1900 г. Глава первая: Прежний меркантилизм.

В. Пичета. Торговая и промышленная политика России XVIII века (Книга для чтения, т. III).

Маркс. Речь о свободе торговли.

Г. Джордж. Покровительство отечественной промышленности или свободная торговля. 1903 г.

Глава шестнадцатая. — Машинный способ производства. Рабочий и машина.

§ 1.

Маркс. Капитал, т. I, глава 13.

К. Каутский. Экономическое учение Карла Маркса, отдел второй, глава 10.

Тойнби. Промышленный переворот в Англии в XVIII веке, перевод под редакцией Чупрова. М. 1898 г.

Гельд. Развитие крупной промышленности в Англии. Пб. 1899 г.

Гобсон. Эволюция современного капитализма, главы 3, 8—12.

Шульце-Геверниц. Крупное производство в Англии.

М. И. Туган-Барановский. Очерки по новейшей истории политической экономии и социализма. Очерк первый: Генезис английского капитализма.

А. Седой. Промышленная жизнь Англии в XVIII и XIX столетиях, издание «Библиотеки для всех». Пб. 1905 г.

Кулишер. Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии (Книга для чтения по истории нового времени, т. III).

Лексис. Машины (в сборнике «Промышленность», статьи из Handwörterbuch der Staatswissenschaften, издание Водовозовых, М. 1896 г., 2-ое издание 1905 г.).

§ 2.

Цитированные главы из Маркса и Каутского.

Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии.

Ж. Грав. Гнет машины. Книгоизд. Логос. Пб. 1906 г.

П. Лафарг. Умственный труд и машина, издание Маноцковой. М. 1900 г.

Дементьев. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М. 1893 г., главы 2 и 4.

Кулишер. Эволюция прибыли с капитала, т. II, глава 3.

Штида. Фабрика (в сборнике «Промышленность», статьи из Handwörterbuch der Staatswissenschaften, издание 2-ое. Пб. 1905 г.).

Ф. Тэйлор. Научные основы организации промышленных предприятий, перевод под редакцией Панкина и Левенстерна, издание Левенстерна. Пб. 1912 г.

Поляков. Настоящее положение вопроса о применении системы Тэйлора. М. 1914 г.

А. Богданов. Между человеком и машиной (о системе Тэйлора), издание второе переработанное «Волны». М. 1918 г.

А. Ерманский. Система Тэйлора. Издание «Книги». Пб. 1918 г.

Вопросы изучения труда. Сборник статей. П. 1922 г.

§ 3.

Маркс. Капитал, т. I, отделы 3—5.

Его же. Теории прибавочной ценности, перевод П. Стрельского под редакцией и с предисловием Г. Плеханова, издание ж. «Образование». Пб. 1906 г.

Его же. Наемный труд и капитал.

Каутский. Экономическое учение Карла Маркса.

Штерн. Исторический материализм и теория прибавочной ценности. Перевод под редакцией В. Засулич, издание Алексеевой. Пб. 1905 г.; то же в издании «Молота»: Теория прибавочной стоимости Маркса. Пб. 1905 г.

Струмилин. Богатство и труд, издание «Общественной Пользы». Пб. 1905 г., есть несколько новейших изданий.

§ 4.

Ланге. Рабочий вопрос, его значение в настоящем и будущем, перевод с 4-го немецкого издания, 3 русс. издание Ф. Павленкова, Пб. 1899 г.

Рейхесберг. Рабочий вопрос в прошлом и настоящем.

В. Зомбарт. Промышленный рабочий вопрос, издание «Просвещения», есть и другие русские издания.

Геркнер. Рабочий труд в Западной Европе, издание редакции «Образования».

Шенберг. Положение труда в промышленности.

Ш. Жид. Социально-экономические итоги XIX столетия, издание «Просвещения», глава 2: условия существования рабочих.

Современная фабричная система на Западе, перевод под редакцией проф. И. В. Лучицкого (много данных о положении рабочего класса по парламентским исследованиям первой половины прошедшего столетия).

Бебель. Женщина и социализм (есть несколько русских изданий).

Лили Браун. Женский вопрос, его историческое развитие и экономическое значение, издание редакции «Образования». Пб. 1902 г.

Энгельс. Жилищный вопрос, статьи из «Народного Государства».

К. Каутский. Эрфуртская программа, отдел второй.

В. Бутс. В трущобах Англии. Пб. 1891 г.

Г. Джордж. Прогресс и бедность. Исследование причин промышленных застоев и бедности, растущей вместе с ростом богатства. Издание Л. Пантелеева. Пб. 1896 г. (есть и позднейшие издания). К выводам автора следует относиться с осторожностью.

Гобсон, Дж. Проблемы бедности и безработицы, с приложением статьи П. Струве о безработице. Издание О. Н. Поповой. Пб. 1900 г.

Макс Шиппель. Современная бедность и современное перенаселение, перевод со второго немецкого издания 1888 г., издание Дороватовского и Чарушникова. Пб. 1902 г.

Г. Адлер. О безработице, издание Гершунина. Пб. 1903 г.

В. Гаген. Безработица и меры борьбы с нею в Германии (социально-политический этюд). Пб. 1904 г.

Н. Сувиров. Безработица в Западной Европе.

Эд. Вальян. Кризис и безработица, издание 2 «Молота». Пб. 1905 г.

В. Канель. Безработица и борьба с нею. Издание Скирмунта.

Безработица и бедность на Западе, перевод с английского под редакцией проф. И. Лучицкого. Киев. 1910 г.

Эдельштейн. Биржи труда. П. 1916 г.

О положении рабочего класса в отдельных странах:

Энгельс. Положение рабочего класса в Англии.

Ностиц. Рабочий класс Англии в девятнадцатом столетии, перевод с немецкого П. Николаева, издание Солдатенкова. М. 1902 г.

М. Туган-Барановский. Промышленные кризисы, очерк из социальной истории Англии, издание второе О. Н. Поповой. Пб. 1900 г. Часть вторая: Социальное значение кризисов.

Вебб, С. Положение труда в Англии за последние 60 лет. Пб. 1899 г.

Ф. М. Пеллутье. Жизнь рабочих во Франции, перевод под редакцией Мануйлова. Пб. 1901 г.

Д. Курский. Французский рабочий, экономическое, социальное и политическое положение, издание «Колокола». М. 1905 г.

А. Браун. Положение рабочего класса в Германии, перевод П. Ф. Теплова, издание Глаголева.

Жизнь современного фабричного рабочего. Под редакцией и с предисловием П. Гере. 1908 г.

Э. Вандервельде. Положение рабочего класса в Бельгии, перевод Н. Северина, издание Глаголева.

Лабриола. Положение рабочего класса в Италии, перевод Т. Герценштейн, издание Глаголева.

Тейфен. Имущие и обездоленные классы в Австрии, перевод с немецкого под редакцией и с предисловием Н. Рязанова, книгоиздательство «Век». Пб. 1907 г.

Гертц (Геризау). Условия труда в Швейцарии, перевод Плавтова, издание «Колокола». М. 1906 г.

В. Зомбарт. Пролетариат в Америке, издание «Просвещения».

Д. Курский. Американский рабочий, издание «Колокола». М. 1905 г.

К. Каутский. Американский и русский рабочий, перевод Е. Н. Леонтьевых, издание «Земля». Пб. 1906 г.

А. Петров. Рабочий вопрос в Японии. Пб. 1912 г.

Пажитнов. Положение рабочего класса в России, книгоиздательство «Новый Мир». Пб. 1906 г. Есть второе исправленное и дополненное издание.

Его же. Некоторые итоги и перспективы в области рабочего вопроса в России. Пб. 1910 г.

С. Прокопович. К рабочему вопросу в России. Пб. 1905 г.

Его же. Бюджеты петербургских рабочих. Пб. 1909 г.

Бернштейн-Коган. Численность, состав и положение петербургских рабочих. Пб. 1910 г.

Славицкий и Шер. Очерк положения рабочих печатного дела в Москве. Пб. 1909 г.

Г. Наумов. Бюджеты рабочих г. Киева. Киев, 1914 г.

Е. Дементьев. Цитированное сочинение.

Своды отчетов фабричных инспекторов за 1901 и след. годы.

В. Святловский. Фабричный рабочий. Санитарное положение фабричного рабочего в Привислянском крае и в Малороссии (из наблюдений фабричного инспектора). Варшава. 1889 г.

Озеров. Нужды рабочего класса в России.

М. Розен. Очерк положения торгово-промышленного пролетариата в России. Пб. 1907 г.

А. Коллонтай. Жизнь финляндских рабочих. Экономическое исследование, т. I. Пб. 1903 г.

Глава семнадцатая. Промышленный капитализм: товарное производство, рабочая сила, как товар.

§§ 1—3.

Маркс. Капитал, т. I, отдел I.

Его же. К критике политической экономии, глава I: Товар.

Энгельс. К критике политической экономии.

Каутский. Экономическое учение Карла Маркса, отдел первый, глава первая.

Бах. Экономические очерки, главы I и II.

Финн-Енотаевский. Экон. система К. Маркса.

§ 4.

Маркс. Капитал, т. I, отдел I.

Энгельс. Философия, политическая экономия, социализм, отдел второй.

К. Каутский. Экономическое учение Карла Маркса, отдел первый, глава I.

Лафарг. Капитал и труд.

П. Фишер. Теория ценности, введение в изучение К. Маркса, перевод с немецкого. Киев 1907 г. (также в издании Кипера: Теория стоимости Маркса. Одесса).

К. Шрамм. Основания экономической науки (теория ценности), издание Березина и Семенова. Пб. 1899 г.

Базаров. Труд производительный и труд, образующий ценность, издание Дороватовского и Чарушникова. Пб. 1899 г.

Е. Смирнов. Цена и трудовая стоимость (этюд по теории ценности). Пб. 1902 г.

Основные проблемы полит. экономии. Сборник статей. Гос. Изд. М. 1922.

Критика теории Маркса:

Э. Бернштейн. Исторический материализм. Предпосылки социализма и задачи социал-демократии, издание «Знания». Пб. 1901 г. То же в другом издании: Социальные проблемы. М. 1901 г.

Его же. Очерки из истории и теории социализма. Пб. 1902 г.

Л. Слонимский. Экономическое учение К. Маркса. Пб. 1898.

Бенедетто Кроче. Исторический материализм и марксистская экономия, перевод Шутякова. Пб. 1902 г.

Туган-Барановский. Теоретические основы марксизма, издание третье. Пб. 1906 г.

С. Франк. Теория ценности Маркса. Пб. 1900 г.

Булгаков. Философия хозяйства. Пб. 1912 г.

П. Струве. Хозяйство и цена, т. I. М. 1913 г.

Бем Баверк. Теория К. Маркса и ее критика. Пб. 1897.

Антикритика.

К. Каутский. К критике теории и практики марксизма (Антибернштейн), издание Алексеевой. Пб. 1905 г.

То же. В сокращенном издании Львовича, перевод Ленина. Пб. 1905 г.

Плеханов. Критика наших критиков. Пб. 1906 г. (отзывы о книгах Б. Кроче и Франка).

Гильфердинг. Бем Баверк, как критик. М. 1921 г.

К истории теории ценности.

Сриженцкий. Учение о ценности у классиков и канонистов. Одесса. 1896 г.

Шапошников. Теории ценности и распределения. 1912 г.

Залесский. Учения о ценности. 1893 г.

Учение о ценности классической школы.

А. Смит. Опыт о богатстве народов, перевод П. А. Бибикова. П. 1866 г. (То же в сокращенном переводе в «Библиотеке Экономистов» Солдатенкова, вып. первый).

Давид Рикардо. Сочинения в переводе Н. Зибера, 1882, то же под редакцией Рязанова, т. I. Пб. 1908 г. (также в сокращенном издании Солдатенкова «Библиотека Экономистов», выпуск второй).

Н. И. Зибер. Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях, издание третье. Пб. 1898 г.

Мануйлов. Понятие о ценности по учению экономистов классической школы, I. М. 1901 г.

Основные проблемы полит. экономии. Отдел. 4.

Теория полезности:

Джевонс. Краткое руководство политической экономии, перевод с 6-го английского издания. Пб. 1897 г., глава 2.

Бем Баверк. Основы теории ценности. 1904 г.

Менгер. Основы политической экономии. 1908 г.

Залигман. Основы политической экономии. Пб. 1903 г.

Основные проблемы полит. экономии. Отдел. 3.

§ 5.

Маркс. Капитал, т. I, глава 4.

Его же. Наемный труд и капитал.

Каутский. Экономическое учение Карла Маркса, глава 3.

Бах. Экономические очерки, глава 5.

Глава восемнадцатая.—Прибыль и заработная плата.

§ 1.

Маркс. Капитал, т I, отделы 3, 4, 5.

Его же. Теории прибавочной ценности.

Энгельс. Философия, политическая экономия, социализм, отдел второй, главы 7—8.

Каутский. Экономическое учение Карла Маркса, отдел второй, главы 1—7.

Штерн. Исторический материализм и теория прибавочной ценности.

Бах. Экономические очерки, глава 6.

§ 2.

Маркс. Капитал, т. III, часть 1.

Его же. Заработная плата, цена и прибыль.

Э. Бернштейн. Экономическое учение Карла Маркса. 3-ий том в изложении с послесловием Ф. Энгельса, перевод с немецкого Чекерфуль-Куша, Киев 1905 г.

Различные учения о прибыли.

Залесский. Учения о прибыли с капитала.

Кулишер. Эволюция прибыли с капитала, т. II, главы 4, 7, 8.

Бем Баверк. Капитал и прибыль, История и критика теорий процента на капитал, перевод со 2 немецкого издания под редакцией и с предисловием Туган-Барановского. Пб. 1909 г.

Сочинения большинства названных в тексте авторов имеются частью в сокращенных («Библиотека Экономистов» Солдатенкова), частью в полных (сочинения А. Смита, Рикардо, Дж. Ст. Милля, Курсель Сенелля, Родбертуса, Бем Баверка) русских переводах.

§ 3.

К. Маркс. Капитал, т. II.

К. Каутский и Отто Бауер. Экономическое учение Карла Маркса, 2-й том в изложении, перевод с немецкого под редакцией Чекеруль-Куша, Киев 1906 г.

Гиршфельд. 2-ой том «Капитала» в изложении. Издание «Посева».

Адам Смит. О богатстве народов.

Дж. Ст. Милль. Основы политической экономии и другие курсы политической экономии.

§ 4.

Маркс. Капитал, т. I. отдел 6.

Его же. Заработная плата, цена и прибыль.

К. Каутский. Экономическое учение Карла Маркса, отдел 3.

Лассаль. Гласный ответ Центральному Комитету (Собрание Сочинений, т. II. Здесь излагается известное учение о железном законе заработной платы; учение это в настоящее время совершенно оставлено, как несоответствующее действительности).

Бернштейн. К вопросу о железном законе заработной платы.

Железнов. Главнейшие направления в разработке теории заработной платы Киев 1904 г.

Его же. К реформе современной теоретической экономии, речь перед диспутом. Киев. 1905 г.

Ж. Гед. Закон заработной платы, издание Кипера. Одесса. 1905 г.

Герценштейн. Теории заработного фонда, Русская Мысль. 1890 г.

Гобсон. Эволюция современного капитализма, глава X.

Ш. Жид. Социально-экономические итоги XIX столетия, перевод с французского с дополнениями Н. И. Сувирова, издание «Просвещения», глава I: заработная плата.

Роджерс. История труда и заработной платы в Англии. Относительно заработной платы по отдельным странам см. литературу о положении рабочего класса в отдельных странах, глава XVI, § 4.

Цвиденек Зюрденгорст. Теория и политика заработной платы, перевод Б. Авилова, издание С. Скирмунта, М. 1905 г.

В. Войтинский. Заработная плата. Пб. 1910 г.

П. Маслов. Капитализм, т. I: Наемный труд и заработная плата, издание «Жизни и Знания». Пб. 1914 г.

Брентано. Об отношении заработной платы к рабочему времени и к производительности труда.

Солнцев. Заработная плата, как проблема распределения.
Шлосс, Д. Формы заработной платы, перевод с английского М. Ландау, издание М. Водовозовой. Пб. 1900 г. (то же в издании «Общественной Пользы»).
Новые идеи в экономике. Выпуск 1. Пб. 1913 г.
Ф. Тэйлор. Усовершенствованная система сдельной платы. П. 1914 г.
Туган-Барановский. Русская фабрика.
Дементьев. Фабрика, глава 3. Заработная плата фабричных рабочих.
Козьминых Ланин. Заработки фабрично-заводских рабочих московской губернии. М. 1911 г.

Глава девятнадцатая.—Возникновение мирового хозяйства. Рост производства и конкуренции.

§§ 1—2.

Каутский. Эрфуртская программа, отдел 3.
Зомбарт. Современный капитализм, т. II, книги 1 и 3.
Его же. История экономического развития Германии в XIX веке, издание Брокгауза и Эфрона, глава XI: Организация сообщений.
Георгиевский. Исторический очерк развития путей сообщения в XIX веке.
Кальвер. Мировое хозяйство к началу XX столетия. Пб. 1904 г.
А. А. Исаев. Мировое хозяйство. 1910 г.
Его же. Мировая торговля.
С. О. Гулишамбаров. Всемирная торговля в XIX веке и участие в ней России. Пб. 1898 г.
Торнау. Главнейшие данныя из статистики мирового хозяйства.
Кечеджи-Шаповалов. Мировая торговля и участие в ней России. Пб. 1910 г.
М. Довнар-Запольский. Русский вывоз и мировой рынок. Киев 1914 г.
Дэн. Положение России в мировом хозяйстве.

§ 3.

К. Маркс. Капитал, т. III, отдел 3.
Энгельс. К критике политической экономии.
Каутский. Эрфуртская программа, отдел 3.
Зомбарт. Современный капитализм, т. II, отдел 1 (в особенности глава 3) и 3.
Его же. История экономического развития Германии в XIX веке, глава 8: техника.
Его же. Политическая экономия промышленности, издание «Просвещения», часть 2.
Лексис. Крупное и мелкое производство (в сборнике «Промышленность», статьи из Handwörterbuch der Staatswissenschaften, издание 2-ое Водовозовых. П. 1905 г.).
М. Шиппель. Технический прогресс в современной промышленности.
Гобсон. Эволюция современного капитализма (главы 8—12).
Кальвер. Мировое хозяйство.
Лебединский. Электричество и его служба человечеству. М. 1918 г.
Н. Андреев. Век пара и электричества. Издание «Книги».

Глава двадцатая.—Промышленный кризис.

Маркс. Капитал, т. III, отдел 3.

Каутский. Эрфуртская программа, отдел 3, §§ 8—9.

Его же. Антибернштейн, отдел второй.

Родбертус. Капитал.

Сэ. Трактат политической экономии («Библиотека Экономистов», выпуск 7).

Сисмонди. Начала политической экономии (там же, выпуск 8).

Вирт. История торговых кризисов. 1887 г.

Туган-Барановский. Промышленные кризисы, издание 2, совершенно переработанное, издание О. Н. Поповой. Пб. 1900 г., новейшее издание 1914 г.

Чупров. О характере и причинах современных промышленных кризисов. 1889 г.

Лексис. Перепроизводство (в сборнике «Промышленность». 1896 г.).

Г. Геркнер. Кризисы (там же, издание второе. П. 1905 г).

Лесиюр. Общие и периодические промышленные кризисы, издание «Общественной пользы». Пб. 1908 г.

Булгаков. О рынках при капиталистическом производстве, издание Водовозовой.

Из русских народников вопроса о рынках касались В. В. «Судьбы капитализма в России» и др. и Николай—он, «Очерки нашего пореформенного хозяйства».

В. Войтинский. Рынок и цены, издание Пирожкова. Пб. 1906 г.

Р. Люксембург. Накопление капитала. М. 1921 г.

Петражицкий. Акции, биржевая игра и теория экономических кризисов, т. I, 1911 г.

Финн-Енотаевский. Современное хозяйство России. Пб. 1910 г., главы 1 и 2.

Брандт. Торгово-промышленные кризисы. Пб. 1902 г.

Гильфердинг. Финансовый капитал, главы 16—17.

Левкоев. Промышленно-торговые кризисы. Пб. 1911 г.

А. Исаев. Кризисы в народном хозяйстве. Пб. 1912 г.

Основные проблемы политической экономии. Отдел. 5.

Глава двадцать первая.—Условия развития сельского хозяйства в капиталистическую эпоху. Крупное и мелкое хозяйство. Конкуренция.

§ 1.

Маркс. Капитал, т. III, отдел 6: превращение добавочной прибыли в земельную ренту.

Зомбарт. Современный капитализм, т. II, кн. 2: возникновение современного земледелия.

Его же. История экономического развития Германии в XIX веке, глава XIII сельское хозяйство.

В. Ильин. Развитие капитализма в России. Пб. 1899 г., издание 2-ое дополненное. Пб. 1908 г.

Маслов, П. П. Аграрный вопрос в России, т. I: Условия развития крестьянского хозяйства в России. 4-ое дополненное издание.

А. Скворцов. Основы экономики земледелия, ч. I и II. Пб. 1901—1903 г.г.

О земельной ренте.

Рикардо. Указ. соч.

Родбертус. Теория рент и исследований о капитале, сокращенный перевод и введение А. А. Кауфмана. М. 1908 г.

Маркс. Капитал, т. III, отдел 6.

Энгельс. К критике политической экономии.

Каутский. Аграрный вопрос, т. I.

П. Северук. Теория ренты К. Маркса.

Карышев. Крестьянские вненадельные аренды. Дерпт 1892 г. (о продовольственной аренде).

Бажаев. Крестьянская аренда в России. М. 1909 г.

§ 2.

К. Каутский. Аграрный вопрос, т. I, издание «Нового Мира». Пб. 1906 г. есть и другие издания.

Крживицкий. Аграрный вопрос, издание «Знания». Пб. 1906 г.

Энгельс. Крестьянский вопрос во Франции и Германии, перевод В. Перовой под редакцией и с предисловием Плеханова, издание «Буревестника», Одесса 1905 г. (есть и другие издания).

Г. Плеханов. Критика наших критиков. Пб. 1906 г. (отзыв о книге Гатти).

Ильин. Указ. соч.

П. Маслов. Указ. соч.

Н. Ленин. Аграрный вопрос и критика Маркса, издание «Буревестника», Одесса 1905 г.

П. Маслов. Критика аграрных программ, издание «Колокола», М. 1906 г.

А. Волгин. Обоснование народничества в трудах В. В., Пб. 1896 г.

Вл. Ильин (Н. Ленин). Новые данные о законах развития капитализма в земледелии, выпуск 1: Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки, издание «Жизни и Знания», П. 1918 г.

Его же. Аграрная программа социалдемократии в первой русской революции (в том же издании). Пб. 1917 г.

Его же. Из истории социалдемократической аграрной программы (в том же издании). П.б 1917 г.

Статьи Ленина имеются также в издании Государственного Издательства. М. 1919 г. и в более раннем издании под заглавием «Аграрный вопрос», т. I. Пб. 1908 г.

П. Лафарг. Крестьянская собственность и экономическое развитие, аграрная программа и комментарий к ней, издание «Молота». Пб. 1905 г.

Землевладение и сельское хозяйство. Статьи из Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Издание Водовозовой. Пб. 1897 г.

Сочинения, признающие преимущества мелкого хозяйства в земледелии.

Герц. Аграрные вопросы в связи с социализмом, с предисловием Э. Бернштейна, издание «Знания». Пб. 1900 г., то же в переводе под редакцией П. С. Дурново, М. 1901 г.

Э. Давид. Социализм и сельское хозяйство, перевод с немецкого под редакцией Е. А. Гроссмана, издание «Общественной Пользы». Пб. 1906 г.

А. Носсиг. Современный аграрный вопрос. 1902 г.

Конштедт. Аграрный вопрос и социалдемократия.

Гатти. Социализм и земледелие.

Э. Вандервельде. Социализм и земледелие. Издание «Образования».

Его же. Аграрный вопрос. Издание «Луча».

С. Булгаков. Капитализм и земледелие. Пб. 1900 г.

Карышев. Из литературы вопроса о крупном и мелком сельском хозяйстве, М. 1905 г.

Чупров. Мелкое хозяйство и его нужды.

Каблуков. Об условиях развития крестьянского хозяйства в России. М. 1899 г., 2-ое издание 1908 г.

Воронцов, В. Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве.

Зак. Земля и капитализм. 1905 г.

Чернов. К вопросу о капитализме в крестьянстве. Пб. 1906 г.

Его же. Марксизм и аграрный вопрос. Пб. 1906 г.

Огановский. Борьба за землю, т. I. 1908 г.

Его же. Индивидуализация мелкого землевладения, издание «Задруги». М 1917 г.

§ 3.

Каутский. Аграрный вопрос.

Крживицкий. Аграрный вопрос.

Парвус. Мировой рынок и сельско-хозяйственный кризис, экономические очерки, перевод с немецкого Л. Я., издание О. Н. Поповой. Пб. 1898 г.

Гулишамбаров. Всемирная торговля в XIX веке и участие в ней России.

Лященко. Очерки аграрной эволюции России, т. I. Разложение натурального строя и условия образования сельско-хозяйственного рынка. Пб. 1908 г.

А. Е. Кулыжный. Устройство хлеботорговли и товарный сбыт хлеба, второе дополненное издание. Пб. 1918 г.

Постников. Южно-русское крестьянское хозяйство.

Кечеджи - Шаповалов. Сельское хозяйство России. Пб. 1913 г.

См. также указанные в гл. 19 сочинения Гулишамбарова, Кечеджи-Шаповалова и Довнар-Запольского.

Глава двадцать вторая. — Расслоение крестьянства и рост городов.

§ 1.

Энгельс. Крестьянский вопрос во Франции и Германии.

В. Зомбарт. Современный капитализм, т. II, глава 5 и 11.

Каутский. Аграрный вопрос, т. I, часть 1, глава 8.

Крживицкий, Аграрный вопрос.

Вандервельде. Бегство в города и обратная тяга в деревню, перевод с французского Л. Никифорова, издание С. Скирмунта. М. 1904 г.

Вандервельде. Город и деревня в Бельгии, издание Звонарева. Пб. 1900 г.

Плеханов. Пролетариат и крестьянство. 1905 г.

В. Ильин. Развитие капитализма в России и другие сочинения, указанные в предыдущей главе.

П. Маслов. Аграрный вопрос.

И. Гурвич. Экономическое положение русской деревни, перевод с английского А. Санина, издание М. Водовозовой. М. 1896 г.

В. В. Святловский. Мобилизация земельной собственности в России, т. I. Пб. 1911 г.

Лосицкий. Экономическое положение деревни, издание О. Поповой.

Его же. Распадение общины. Пб. 1912 г.

И. Чернышев. Община после 9 ноября 1906 г. (по анкете вольно-экономического общества). Петроград. 1917 г.

См. также ряд интересных очерков Коновалова, в живой беллетристической форме изображающих последствия закона 9 ноября, в «Русском Богатстве», «Нашей Заре» и «Современном Мире».

И. Дроздов. Заработная плата земледельческих рабочих России в связи с аграрным движением 1905—6 г.г. Пб. 1913 г.

Бруцкус. Аграрный вопрос и аграрная политика. Изд. «Права». П. 1922 г.

О сельской буржуазии кроме того см.

Сазонов. Ростовщичество и кулачество.

Гвоздев. Кулачество-ростовщичество. Его общественное значение. Пб. 1899 г.

О сельско-хозяйственной кооперации.

Каутский. Аграрный вопрос.

В. Ф. Тотомианц. Сельско-хозяйственная кооперация. Пб. 1908 г.

Его же. Кооперация в русской деревне. Пб. 1912 г.

М. Туган-Барановский. Социальные основы кооперации, третье дополненное издание. М. 1919 г., глава третья: крестьянская кооперация.

Анциферов. Сельско-хозяйственная кооперация в Германии и Франции, издание 2. 1909 г.

Каратыгин. В стране крестьянских товариществ (Дания).

Фрометт. Крестьянская кооперация и общественная жизнь, издание 2-е. П. 1918 г.

Кулыжный. Кооперативный сбыт продуктов мелкого хозяйства. М. 1915 г.

Н. Макаров. Очерки кооперативного сбыта зерна. М. 1914 г.

Бородаевский. Сборник по мелкому кредиту.

Хейсин. История мелких кредитных учреждений в России. Пб. 1918 г.

О крестьянском отходе в России.

Дементьев. Фабрика, глава I: Связь фабричных рабочих с земледелием.

Кадомцев. Профессиональный состав населения по переписи 1897 г. Пб. 1909 г. (Статистические данные о миграции (внутренних передвижениях) населения России).

В. Флеровский. Положение рабочего класса в России. Пб. 1869 г.

С. Короленко. Вольнонаемный труд. 1892 г.

Кн. Н. В. Шаховской. Земледельческий отход крестьян. Пб. 1903 г. (переработка издания 1886 года: Сельско-хозяйственные отхожие промыслы).

Тезяков. Рынки найма сельско-хозяйственных рабочих на юге России. Пб. 1902 г.

Е. Варб. Наемные сельско-хозяйственные рабочие в жизни и законодательстве, издание «Книжного Дела». М. 1899 г.

В. Милютин. Рабочий вопрос в сельском хозяйстве России, издание «Жизни и Знания». Пб. 1916 г.

Лохтин. Безземельный пролетариат в России. 1905 г.

Дим. Сельский пролетариат в России, издание «Темы дня». Пб. 1906 г.

Клейнборт. Сельско-хоз. рабочий в России. Издание «Муравья».

Щегло. Крестьянское хозяйство и сел.-хоз. рабочие в России. Издание «Библиотеки для всех» (популярное изложение книги Маслова).

Движение сельского пролетариата.

Тотомианц. Формы аграрного движения.

Крестьянские союзы в Италии. Перевод с французского Л. П. Никифорова. Пб. 1905 г.

Бономи. Движение сел.-хоз. рабочих в Италии.

Росси. Крестьянское движение в Сицилии (неск. изданий).

Керженцев. Борьба за землю и волю в Ирландии. Издание «Книги». П. 1918 г.

§ 2.

Бюхер, Майр и Зиммель. Большие города, издание «Просвещения».

Вебер. Рост городов в XIX столетии, перевод с английского А. Н. Котельникова, издание Е. Д. Кусковой. Пб. 1903 г.

Озеров. Большие города. Пб. 1906 г.

А. А. Исаев. Большие города и их влияние на общественную жизнь.

Блюм. Вопросы передвижения жителей в связи с ростом больших городов, перевод И. Шур. Харьков 1909 г.

Гобсон. Эволюция современного капитализма, глава XIII: Машины и современный город.

В. Зомбарт. Современный капитализм, т. II, книга 2, отдел 2: Происхождение и сущность современного города.

Крживицкий. Аграрный вопрос, глава 1: Деревня и город.

Глава двадцать третья.—Концентрация производства. Финансовый капитал.

§ 1.

Каутский. К критике теории и практики марксизма (Антибернштейн), отдел 2.

Кальвер. Мировое хозяйство к началу XX века.

Н. Ленин. Империализм, как новейший этап капитализма, издание «Жизни и «Знания». Пб. 1917 г. глава 1: Концентрация производства и монополия.

Гобсон. Эволюция современного капитализма, глава 5.

В. Зомбарт. Современный капитализм, т. II, книга 2, отдел 4.

Его же. Политическая экономия промышленности, издание «Просвещения».

Роза Люксембург. Накопление капитала. М. 1921 г.

§ 2.

Петражицкий. Акционерная компания. Пб. 1898 г.

Его же. Акции, биржевая игра и теория экономических кризисов; т. I. Пб. 1911 г.

Каминка. Акционерные компании, юридическое исследование, т. 1. Пб. 1902 г.

Гильфердинг. Финансовый капитал, отдел второй.

П. Лафарг. Экономическая роль биржи. М. 1900 г.

Штиллих. Биржа и ее деятельность. Пб. 1912 г.

Ю. Филиппов. Биржа, ее история, современная организация и функции. Пб. 1912 г.

В. Лексис. Торговля, ч. 1. Товарная торговля и товарные биржи, ч. 2. Фондовая биржа. 1915 г.

Банковая энциклопедия под редакцией проф. Яснопольского, т. II. Биржа. Киев 1916 г.

§ 3.

Кауфман. Кредит, банки и денежное обращение. 1873 г.

Его же. История банкового дела в Великобритании.

Карл Диль. Золото и валюта, перевод под ред. Боголепова. П. 1921 г.

Зомбарт. История экономического развития Германии в XIX веке, глава 9: Банки и биржа.

Эпштейн. Кредитные и эмиссионные банки.

Бернацкий. Государственный банк как эмиссионное учреждение. 1913 г.

Каценеленбаум. Коммерческие банки и их торгово-промышленные организации. М. 1912 г.

Г. Витгерс. Денежный рынок. Одесса 1914 г.

Банковая энциклопедия под редакцией проф. Яснопольского, т. I. Коммерческие банки. П. 1914 г.

Вейденгаммер. Банк и его операции. П. 1916 г.

Дмитриев-Мамонов и Евзлин. Теория и практика коммерческого банка. П. 1916 г.

Их же. Организация коммерческого банка. П. 1916 г.

Сиверс, Е. Операции коммерческих банков. П. 1916 г.

Г. Вольф. Народные банки. М. 1915 г.

Ходский. Поземельный кредит. Пб. 1883 г.

Гурьев. Очерк развития кредитных учреждений в России. 1904 г.

Я. И. Печерин. Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных установлений в России. Пб. 1904 г.

Голубев. Русские банки.

Мигулин. Наша банковая политика (1729—1905 г.). Харьков 1909 г.

Косинский. Учреждения для мелкого кредита в Германии. 1901 г.

Герценштейн. Мелкий кредит и сберегательные кассы. М. 1904 г.

§ 4.

Гильфердинг. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. Авторизованный перевод и вступительная статья И. Степанова. М. 1912 г. То же, второе издание «Книги». Пб. 1918 г.

Р. Люксембург. Накопление капитала. М. 1921 г.

Ленин. Империализм, как новейший этап капитализма (главы 2 и 3).

И. Тайнов. Золотое обращение и центральные банки главнейших государств. Пб. 1909 г.

А. Н. Зак и А. Э. Феррейн. Центральные банки — банковые союзы (из докладов по заграничной командировке). Пб. 1914 г.

Микаелян. Экономическая политика финансового капитала. Госуд. Издат. М. 1920 г.

Глава двадцать четвертая. — Синдикаты и тресты. Империализм.

§§ 1—2.

Гобсон. Эволюция современного капитализма, главы 5—6.

Янжул. Промысловые синдикаты. Пб. 1895.

Гурьев. Промышленные синдикаты. Пб. 1898 г. 2-ое издание. 1908—9 г.г.

Курчинский. Союзы предпринимателей. 1898 г.

Клейнвехтер. Союзы предпринимателей («Промышленность», статьи из Handwörterbuch der Staatswissenschaften, изд. 2-ое. Пб. 1905 г.).

Поль Рузье. Что такое тресты.

П. Лафарг. Американские тресты, их экономическая, социальная и политическая роль, перевод Билллика, под редакцией Железнова, издание О. Н. Поповой. Пб. 1904 г. То же в издании «Молота». Пб. 1906 г.

Рафалович. Промышленные синдикаты за границей и в России. Пб. 1905 г.

Гольдштейн. Синдикаты и тресты и современная экономическая политика. М. 1907 г. 2-ое издание. 1912 г.

Кафенгауз. Синдикаты в русской железной промышленности. Пб. 1910 г.

Назаревский. Очерки по теории и истории коллективно-капиталистического хозяйства, т. I. М. 1912 г.

Шастен. Тресты и синдикаты, издание Брокгауза и Эфрона. Пб. 1912 г.

Е. Лурье. Организация и организации торгово-промышленных интересов в России. Пб. 1913 г.

Его же. Предпринимательские союзы по русскому праву. Пб. 1914 г.

С. Загорский. Синдикаты и тресты. Учение о капиталистических монополиях. Пб. 1914 г.

Г. Цыперович. Синдикаты и тресты. Пб. 1916 г.

Его же. Синдикаты и тресты в России. Пб. 1918 г.

Ленин. Империализм, как новейший этап капитализма, глава I.

Микаелян. Цит. соч.

§ 3.

Маркс. Капитал, т. III, ч. 1, отдел 4.

Гильфердинг. Финансовый капитал, отдел 5, глава 21.

Зомбарт. Современный капитализм, т. II, кн. 2, отдел 4: преобразование сбыта товаров.

§§ 4—5.

Гильфердинг. Финансовый капитал.

Ленин. Империализм, как новейший этап капитализма (популярный очерк), П. 1917 г.

Каутский. Национальное государство, империалистическое государство и союз государств. М. 1917 г.

Каменев. Экономическая система империализма, издание «Жизни и Знания».

М. Павлович. Сущность империализма, Гос. Издат., П. 1920 г.

Его же. Что такое империализм. М. 1918 г. (есть несколько изданий).

Его же. Борьба за великие пути будущего и пр., ряд выпусков под общим заглавием: Империалистическая политика и мировая война.

Розанов. Империализм, издание «Рабочей Библиотеки», П. 1917 г.

Быстрянский. Империализм, Гос. Издат. Пб. 1919 г.

Зомнер. Протекционизм.

Ихшинян. Развитие милитаризма и империализма в Германии. Изд. «Книги». П. 1918 г.

К. Каутский. Торговые договоры и торговая политика, перевод под редакцией Залшупина, издание журнала «Промышленный Мир». Пб. 1904 г. То же под заглавием «Социал-демократия и торговая политика», перевод под редакцией проф. Райхесберга. Пб. 1907 г.

Ван Коль. Колониальная политика и с.-д.-тия, издание «Знания».

И. М. Кулишер. Международные торговые договоры. Издание «Права», ч. I — II. П. 1922 г.

Е. Филиппович. Развитие идей экономической политики в XIX столетии. М. 1913 г.

Брандт. Иностранные капиталы в России, т.т. I—III.

Зив. Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях, выпуск 1: Германия. П. 1915 г.

Гольдштейн. Германские синдикаты и русский экспорт. М. 1914 г.

А. Зак. Немецкие капиталы в России. Пб. 1914 г.

И. Левин. Германские капиталы в России. Пб. 1914 г.

Его же. Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности, П. 1917 г.

К. Каутский. Колониальная политика в прошлом и настоящем, издание «Знания». Пб. 1900 г.

Борецкий - Бергфельд. Колониальная история западно-европейских континентальных стран, издание Брокгауза и Эфрона. Пб. 1914 г.

Мижуев. История колониальной империи и колониальной политики Англии, издание Брокгауза и Эфрона. Пб. 1902 г.

Сили. Расширение Англии.

Керженцев. Английский империализм, издание ВЦИК М. 1919 г.

Каутский. Объединение средней Европы, перевод под редакцией и с предисловием Энзиса. П. 1916 г.

Н. П. Коломийцев. Экономическое положение Германии перед войной. История современной войны, издание т-ства Васильева, т. I. 1915 г.

М. П. Федоров. Реальные основы современной международной политики, доклад в Обществе Востоковедения. Пб. 1909 г.

Парвус. Колониальная политика и крушение капиталистического строя. Издание «Нового Мира». Пб. 1908 г.

Р. Люксембург. Накопление капитала, к вопросу об экономическом объяснении империализма. М. 1921 г.

В. Мукосеев. Экономические причины войны (в сборнике: «Вопросы мировой войны». П. 1915 г.).

Петр Маслов. Экономические причины войны, издание «Задруги». М. 1917 г.

Цикколини. Происхождение современной войны.

Мировая война. Перевод Н. М. с предисловием Зиновьева. П. 1918 г.

П. Рорбах. Война и германская политика, перевод с немецкого.

Зиновьев. Англия и Германия перед войной. П. 1917 г.

Его же. Австрия перед войной.

Глава двадцать пятая. — Обострение классовых противоречий.

§ 1.

Коммунистический Манифест. Есть два русских перевода Поссе (5-ое издание Гос. Издат., 1919 г.) и Плеханова под заглавием «Буржуазия, пролетариат и коммунизм», с предисловием переводчика, в издании Алексеевой.

К. Маркс. Наемный труд и капитал.

Его же. Классовая борьба во Франции.

Его же. 18 Брюмера Луи Бонапарта.

Его же. Гражданская война во Франции.

Ш. Андлер. Историческое введение и комментарий к коммунистическому манифесту К. Маркса и Ф. Энгельса, перевод с немецкого, издание Гранат. М. 1906 г.

К. Каутский. Эрфуртская программа, V: классовая борьба.

Его же. Классовые интересы в издании «Буревестника» и «Молота».

Его же. Интеллигенция и пролетариат, издание «Демоса». П. 1905 г.

П. Лафарг. Социализм и интеллигенция. Одесса 1906 г.

М. Мауренбрехер. Интеллигенция и социал-демократия.

Е. Вицк. Классовая борьба, издание «Молота». Пб. 1905 г.

Коллонтай. Классовая борьба, издание М. Малых. Пб. 1905 г.

Л. Мартов. Класс против класса (листовка).

Солнцев. Общественные классы. Томск 1917 г.

Ю. Делевский. Социальные антагонизмы и классовая борьба в Германии.

Бухарин. Теория истор. материализма. М. 1922 г., гл. 7

§ 2.

Кулеман. Профессиональное движение. Очерк профессиональных организаций рабочих и предпринимателей во всех странах. Пб. 1901 г.

Г. Шейтау. Промышленные конфликты. Пб. 1911 г.

Н. Гарви. Капитал против труда. (Что такое локауты), издание «Рабочей Библиотеки». П. 1917 г.

В. Войтинский. Безработица и локауты. Издание «Прибоя».

Глава двадцать шестая.—Экономическая борьба рабочего класса.

В. Тотомианц. Формы рабочего движения, издание Глаголева. Пб. 1906 г.

А. Лориа. Рабочее движение. Происхождение—формы—развитие. 1905 г.

С. Иванов. Рабочие союзы и другие формы рабочего движения, издание С. Скирмунта. М. 1906 г. (попул. брошюра).

Прокопович. Рабочее движение на Западе, т. I, Германия, Бельгия, издание Пантелеева. Пб. 1899 г., 2-ое изд. 1908 г.

Ностиц. Рабочий класс Англии в XIX столетии, издание Солдатенкова, М., 1902 г. и пр. см. литературу о положении рабочих в отдельных странах, к главе шестнадцатой.

§ 1.

Э. Магайм. Профессиональные рабочие союзы, перевод с французского Н. Водовозова с примечаниями и библиографическим указателем. Пб. 1895 г.

Зомбарт. Организация труда и трудящихся.

В. Кулеман. Профессиональное движение, с приложением статьи Зомбарта: Из теории и практики профессионального движения. Пб. 1901 г.

М. Шиппель. Профессиональные союзы рабочих (существует много изданий).

С. Прокопович. Союзы рабочих и их задачи, издание Е. Кусковой. Пб. 1905 г.

Л. Брентано. Профессиональные рабочие союзы, перевод с немецкого Л. Рейнгольда, издание журнала «Всемирный Вестник». Пб. 1904 г.

Его же. Рабочие союзы («Промышленность», статьи из Handwörterbuch der Staatswissenschaften, издание 2. Пб. 1905 г.).

Ю. Лавринович. Рабочие союзы, издание О. Н. Поповой. Пб. 1905 г.

В. Святловский. Профессиональные рабочие союзы, издание 2. Пб. 1906 г. (есть и позднейшие более полные издания).

Ф. Гардинс. Профессиональные союзы в рабочем движении, перевод О. Дилевской. М. 1906 г.

М. Хейсин. Профессиональные рабочие союзы, издание «Общественной Пользы».

Вознесенский. Профессиональные союзы рабочих, издание «Нового Мира». Пб. 1906 г. (попул. брошюра).

Л. Рудановский. Профессиональные союзы, их организация и тактика. М. 1906 г. (то же).

А. Кедров. Рабочие союзы в Англии, Германии, Франции и пр., издание Сытина. М. 1905 г. (то же).

Парвус. Торговые кризисы и профессиональное движение, издание Алексеевой.

Л. Куприянова. Организация западно-европейских рабочих. М. 1918 г.

Н. Гарви (Ю. Чацкий). Профессиональные союзы, их организация и деятельность, издание «Рабочей Библиотеки». П. 1917 г.

Теория и практика профессионального движения, под редакцией **Н. Дмитриева**, издание «Книги». П. 1919 г.

Г. Цыперович. Задачи профессионального движения, издание Петроградского Совета Профессиональных Союзов. П. 1918 г.

Ленин. О профессиональных союзах, издание 2, Гос. Издат. П. 1921 г.

Ленин. Еще о профессиональных союзах, Гос. Издат. Пб. 1921 г.

Зиновьев. О роли профессиональных союзов, издание Гос. Изд. Пб. 1921 г.

Его же. О профессиональных союзах, издание 2, Гос. Издат. Пб. 1921 г.

Рязанов. Задачи профсоюзов до и в эпоху диктатуры пролетариата, М. 1921 г.

Профессиональное движение по отдельным странам:

Уэбб Сидней и Беатриса. История рабочего движения в Англии, перевод с английского Паперна, издание О. Н. Поповой. Пб. 1899 г. (есть еще издание Павленкова. Пб. 1891 г.).

Их же. Теория и практика английского тред-юнионизма, перевод Вл. Ильина, два тома, издание О. Н. Поповой. Пб. 1900—1901 г.г.

П. де Рузье. Профессиональные рабочие союзы в Англии, перевод под редакцией и с предисловием Струве, издание О. Н. Поповой. Пб. 1898 г.

Ностиц. Указ. соч.

П. Мижуев. Английские рабочие союзы, как общества взаимопомощи. Пб. 1909 г.

Шарль Рист. Профессиональные рабочие союзы в Англии. М. 1906 г. (попул. брошюра).

Ф. и М. Пеллутье. Жизнь рабочих во Франции, перевод с французского А. Мануйлова, с приложением статей Магайма о профессиональных союзах во Франции и Скаржинского о профессиональных синдикатах. Пб. 1901 г.

Галеви. Очерки по истории рабочего движения во Франции, издание т-ва «Гранат», М. 1906 г., часть первая: Синдикат.

Луи. История синдикального движения во Франции.

Н. Критская и Н. Лебедев. История синдикального движения во Франции, 1907 г.

Профессиональные союзы во Франции. Сборник статей. 1908 г.

Торгашов. Проф. союзы во Франции.

Бертран. Общества взаимной помощи в Бельгии, перевод с французского, издание О. Н. Поповой. Пб. 1898 г.

Н. В. Водовозов. Рабочее движение в Бельгии (в сборнике его статей «Экономические этюды». М. 1896 г.).

С. Н. Прокопович. Рабочее движение на Западе, т. I, Германия, Бельгия, издание второе. Пб. 1908 г.

О. де Винн. Среди фламандских рабочих, перевод с французского З. Кочетковой. Пб. 1904 г.

Шмеле. Социал-демократические профессиональные союзы в Германии со времени издания закона против социалистов. Первая подготовительная часть, перевод под редакцией С. Прокоповича, издание Е. Кусковой. Пб. 1904 г.

П. Лафарг (?) (А. Тома). Профессиональное движение в Германии, перевод с французского Дивильковского, издание Сомовой. М. 1905 г. То же в сокращенном издании «Новой Зари»: Тома Профессиональные союзы в Германии. Пб. 1905 г.

Легин, К. Развитие профессионального движения в Германии за десять лет 1894—1903 г.г., перевод с немецкого, издание «Утра». Пб. 1906 г. То же в издании Кипера. Одесса. 1906 г.

Ю. Ларин. Германское профессиональное движение и война, издание «Книги». Пб. 1918 г.

Л. Вигуру. Рабочие союзы в северной Америке, с предисловием П. де Рузье, перевод с французского Серебряковой, издание т-ва «Знание». Пб. 1900 г.

Митчель. Организация труда в Соед. Штатах, издание т-ва «Гранат». М. 1906 г.

В. Святловский. Профессиональное движение в России, издание Пирожкова. Пб. 1907 г.

Гриневич. Профессиональное движение рабочих в России 1908 г.

К. Дмитриев. Профессиональное движение и союзы в России, издание 2. Пб. 1909 г.

Его же. Из практики профессионального движения в России. Одесса 1907 г.

Его же. Профессиональные союзы в Москве, издание «Нового Мира».

Его же. Проф. движение в Петербурге, издание «Нового Мира».

Гольдберг. К итогам профессионального движения в России (союзы накануне второй Думы). Пб. 1907 г.

В. Святловский. Современное законодательство о профессиональных рабочих союзах. Пб. 1907 г.

Войтинский. Стачка и рабочий договор по русскому праву. Пб. 1911 г.

Шер. История профессионального движения рабочих печатного дела в Москве. М. 1910 г.

Клейнборт. Профессиональные союзы в России, издание «Книги». Пб. 1917 г.

Д. Пасманик. Профессиональная организация еврейского пролетариата, издание «Востока», Пб. 1906 г.

2-ая и 3-ья конференции проф. союзов.

Международное профессиональное движение 1903—1904 г.г. Отчет международного секретариата профессиональных союзов, перевод с немецкого под редакцией и с предисловием Н. Рязанова, издание «Нового Мира». Пб. 1907 г.

Лозинский. Итоги и перспективы рабочего движения на Западе и в России. Пб. 1909 г.

§ 2.

Тотомианц. Названное сочинение.

Миклашевский. Стачка и социальный вопрос. Право стачек. 1905 г.

Скаржинский. Забастовки и рабочие сотоварищества, издание Венебе. 1905 г.

Стачка и бойкот. Перевод с латышского. Женева. 1903 г.

Бернштейн. Стачка, издание «Общественной Пользы».

Н. Полянский. Стачки рабочих и уголовный закон, издание «Общественной Пользы».

Ш. Жид. Социально-экономические итоги XIX столетия, издание «Просвещения», глава 1.

Лев Мович. Стачки рабочих в западной Европе, издание «Голоса». Пб. 1905 г.

История одной стачки (в Швейцарии), издание «Молота». Пб. 1905 г.

В. Поссе. Рабочие стачки («Библиотека Рабочего», под редакцией Поссе, №№ 7 (Англия, Америка, Австралия, Япония), 8 (Франция, Испания Италия, Швейцария), 9 (Германия, Австрия, Венгрия, Бельгия, Голландия, Швеция), 10 (Россия).

С. Вебб. и Х. Кокс. 8-часовой рабочий день, перевод Д. Муратова, 2-е издание «Общественной Пользы». Пб. 1904 г. (между прочим обзор движения за сокращение рабочего дня в отдельных странах).

П. Мижуев. 8-часовой рабочий день.

Е. Кувшинская. Борьба рабочих за восьмичасовой рабочий день в Англии. П. 1907 г.

Варзар. Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895—1904 г.г. Пб. 1905 г.

То же, за 1905 год.

То же, за 1906—1908 г.г.

Своды отчетов фабричных инспекторов за 1901 и следующие годы.

И. Чернышев. Стачечное движение в России 1895—1904 г.г., издание «Дела».

Тар (Тахтарев). Очерки петербургского рабочего движения 90-х годов.

Д. Пихно. Торгово-промышленные стачки. Киев 1885 г. (с реакционной точки зрения).

Волков. Секретариаты рабочих и палаты труда в Западной Европе. 1905 г.

Нолькен. Промысловые суды в Германии и Австрии. 1901 г.

Зотов. Соглашение и третейский суд между предпринимателями и рабочими в английской крупной промышленности. 1902 г.

В. Святловский. Положение вопроса о рабочих организациях в иностранных государствах. 2 выпуска. П. 1906 г.

§ 3.

Тотомианц. Кооперация. Теория, практика и история. Пб. 1915 г.

Его же. Теории кооперации. М. 1918 г.

Прокопович. Теория и практика кооперации.

Николаев. Теория и практика кооперативного движения, 2-ое исправленное и дополненное издание «Мысли», в 4 томах. П. 1918 г. (первое издание в 2 томах).

М. Туган-Барановский. Социальные основы кооперации, издание 3. М. 1918 г. глава 2: пролетарская кооперация.

Пажитнов. Основы кооператизма. Издание «Мысли».

Анцыферов. Очерки по кооперации.

Шарль Жид. Кооперация.

Бансель. Кооператизм.

Ч. Р. Фей. Кооперация в Западной Европе, издание Брокгауза и Ефрона, ПБ. 1912 г.

З. Ленский. По кооперативной Европе.

Тотомианц. Фурье и кооперация.

Ек. Вебб. Мирный переворот в экономической жизни.

Курсы по кооперации, под редакцией А. Мануйлова. М. 1912 г.

Тотомианц. Потребительные общества на Западе, издание 3. М. 1919 г.

Штаудингер. Потребительная кооперация, перевод под ред. М. Хейсина, издание «Книги». П. 1918 г.

В. Леонов. Краткий курс потребительской кооперации, под редакцией М. Л. Хейсина, издание «Книги». Пб. 1918 г.

В. А. Поссе. Основы кооперативного движения, 2-ое дополненное издание. П. 1918 г.

И. Степанов. Кооперация в земледелии и промышленности, 2-ое издание. Гос. Издат. М. 1920 г.

К. Каутский. Потребительные общества и рабочее движение, издание «Буревестника». Одесса. 1905 г.

К. Каутский. Потребительные общества и Бертран. Кооперация и социализм, перевод под редакцией и с предисловием Д. Кольцова, издание «Нового Мира». Пб. 1906 г.

Г. Давид. Социализм и кооперативное движение. Пб. 1906 г.

А. Ф. Эльм. Кооперативное движение, издание Кипера. Одесса. 1906 г.

Г. Линдов. Рабочие кооперативы и профессиональные союзы, издание «Книги». Пб. 1917 г.

Кооперативы и профессиональные союзы. Сборник под редакцией М. Хейсина, издание «Книги». П. 1918 г.

Рабочий класс и кооперация. Сборник статей под редакцией М. Л. Хейсина. П. 1918 г. Издание «Мысли».

Пажитнов. Кооперация и ее отношение к профессиональному движению, политическим партиям и социализму, 2-е дополн. издание «Мысли». П. 1918 г.

Его же. История кооперативной мысли, издание 2-е. П. 1918 г.

С. Семковский. Кооперативы и социализм, издание «Книги». Пб. 1919 г.

Холиок. Современное кооперативное движение.

Б. Фроментт. Социализм и кооперация на Западе, 1. Исторические этюды, 2. Социалистические начала, издание «Мысли». П. 1918 г.

Его же. Революционное учение Фурье и коопер. пропаганда.

Б. Уэбб. Кооперативное движение в Англии, перевод с английского Н. и С. Алексеевых. Пб. 1905 г.

М. Л. Хейсин. Потребительская кооперация в Англии, издание «Мысли». П. 1918 г.

Е. Вебб. Герои и друзья кооперации, издание 2, «Труд». М. 1917 г.

Холиок. История рочдэльских пионеров.

Д. Галеви. Очерки по истории рабочего движения во Франции, глава 2.

Бертран. История кооперации в Бельгии, издание «Колокола». Пб. 1906 г.

Его же. Общества взаимопомощи в Бельгии.

Мильо. Германская социал-демократия, глава о кооперации.

Прокопович. Кооперативное движение в России.

М. Л. Хейсин. Положение рабочей кооперации в России, издание петроградского союза потребительных обществ. П. 1917 г.

В. Ежов. Пути рабочей кооперации на Западе и у нас, издание «Книги». П. 1918 г.

Л. Мартов. Копенгагенский конгресс. Наша Заря, 1910 г. № 8—9 (излагаются различные течения на конгрессе по вопросу об отношении партии к кооперативным союзам и резолюция, принятая по этому вопросу на конгрессе).

Глава двадцать седьмая.—Политическая борьба рабочего класса.

§ 1.

К. Маркс. Лассальянизм и профессиональная борьба, письмо к Швейцеру с вступительной статьей и примечаниями Э. Бернштейна, издание А. Г.

К. Маркс. О профессиональных союзах, перевод с предисловием Г. Плеханова, издание «Единства», П. 1917 г.

Бебель. Профессиональное движение и политические партии, издание Алексеевой. П. 1905 г. (То же в издании «Колокола» и «Нового Мира»).

К. Каутский. Профессиональное движение и политическая партия пролетариата, к вопросу о нейтрализации профессиональных союзов, перевод с немецкого Гродзинского, издание «Луча». Пб. 1905 г.

М. Шиппель. Нейтральные или партийные профессиональные союзы, с предисловием Д. Кольцова, издание «Нового Мира». Пб. 1906 г.

Г. Штребель. Профессиональное движение и социал-демократия, издание «Трибуны». Пб. 1906 г. То же в издании «Нового Мира». Пб. 1906 г.

Профессиональные союзы и политические партии. Сборник статей Г. Бьера, Ад. Брауна, Банга, Вандервельде, Роланд-Гольст), издание «Набата». Пб. 1906 г.

Профессиональное движение и социал-демократия (из отчета о работах съезда германской с.-д. партии в Иене в 1905 г.), издание «Жизни и Науки». Одесса 1906 г.

Д. Кольцов. Профессиональные союзы и социал-демократия, издание «Нового Мира». Пб. 1906 г.

Немановский. Партийные и беспартийные союзы. Пб. 1906 г.

Е. Синицкий. О профессионально-политических союзах, издание Холчева. М. 1905 г.

Сомов. Проф. союзы и с.-д.-тия. Издание Кусковой.

Г. Квэлч. Тред-юнионизм, кооперация, социал-демократия, издание Кипера. Одесса 1906 г.

Зиновьев. Рабочие партии и профессиональные союзы, Гос. Издат. П. 1918 г.

Партия и профессиональные союзы. Гос. Издат. П. 1921 г.

§ 2.

Интернационал.

Иекк. Интернационал.

Малон. Интернационал.

В. Засулич. Международное общество рабочих, издание Алексеевой.

В. Зомбарт. Рабочий интернационал. Пб. 1906 г.

Шипулинский. Интернационал. Издание «Практич. Знаний».

Стеклов. Интернационал, в 3 частях, Гос. Издат. П. 1919 г.

П. Л. Лавров. Очерки по истории интернационала, с предисловием и примечаниями П. Витязева, издание «Колоса». П. 1919 г.

Луначарский. Очерк развития интернационала, издание «Книги». П. 1918 г. (1-ое издание О. Поповой).

Пименова. История интернационала, Гос. Издат. П. 1918 г.

Гильом. К. Маркс и интернационал, изд. «Голоса Труда». 1921 г. (с анархистской враждебной Марксу точки зрения).

Международные социалистические конгрессы. Очередные вопросы и постановления, собранные Международным Социалистическим Бюро в Брюсселе, с прибавлением постановлений, принятых на последнем международном социалистическом конгрессе в Амстердаме 1904 г. Пб. 1906 г.

Общий очерк международного рабочего движения за последние годы перед войной см. в книге **Н. И. Кареева.** «История Западной Европы в начале XX столетия», П. 1917 г., глава 10.

Интернационал и мировая война. Материалы, собранные Карлом Грюнбергом, с предисловием Г. Зиновьева. Гос. Издат. П. 1919 г.

Первая Циммервальдская конференция. Издание «Книги». П. 1917 г.

Вторая Кинтальская конференция. Издание «Книги». П. 1917 г.

Г. Зиновьев. Второй Интернационал и проблема войны, издание «Жизни и Знания». П. 1917 г.

Стеклов. Международная политика рабочего класса, Гос. Издат. М. 1919 г.

Ю. Каменев. Крушение интернационала.

Коммунистический Интернационал. Орган Исполнительного Комитета Третьего Интернационала.

Зиновьев. 3-й Интернационал. П. 1921 г.

Ф. Адлер. Возрождение интернационала. П. 1920 г.

Рабочее движение и рабочие партии в отдельных странах:

В. Зомбарт. Социализм и социальное движение в XIX веке.

Г. Грейлих. Буржуазная революция и освободительная борьба рабочего класса за 100 лет, издание «Нового Мира». Пб. 1906 г.

А. Лориа. Рабочее движение.

А-н. Арк. История рабочего движения Англии, Франции, Германии, три типа рабочего движения, издание Моск. С. Р. Д. М. 1918 г.

Гуго и Штегман. Справочная книга социалиста, издание «Голоса», т. I—III.

С. и Б. Уэбб. История рабочего движения в Англии, издание Поповой. Пб. 1899 г.

С. Уэбб. Социализм в Англии, сборник статей, издание «Общественной Пользы».

А. Метен. Социализм в Англии, издание Л. Пантелеева. Пб. 1898 г.

Ностиц. Рабочий класс Англии в XIX столетии. Из общественной истории нашего времени, перевод с немецкого Николаева, издание Солдатенкова. М. 1900 г.

М. Туган-Барановский. Промышленные кризисы. Пб. 1900 г. Часть 2.

Гаммедж. История чартизма.

Э. Боркгайм. Движение чартистов, издание «Молота». Пб. 1905 г.

Кувшинская. Борьба рабочих за политическую свободу в Англии.

Кэйр-Гарди. Различие между английским и континентальным рабочим движением, перевод Ю. Элиасберга. Пб. 1905 г.

Парвус. Победа английских рабочих, издание «Нового Мира». Пб. 1906 г.

Керженцев. Новая Англия. Издание «Книги». П. 1918 г.

П. Луи. История социализма во Франции, перевод Ю. Стеклова, издание т-ства «Гранат». М. 1906 г. (также в издании «Молота» и др.).

Ж. Жорес. Социалистическая история Франции, т. I (Учредительное собрание. (во введении обзор рабочего движения во Франции в XVIII столетии)

Ковалевский М. Происхождение современной демократии, т. I.

Тарле. Рабочий класс во Франции в эпоху революции.

Его же. Крестьяне и рабочие в эпоху Великой Французской Революции.

К. Каутский. Противоречия классовых интересов во Франции в 1789 году, издание «Донской Речи», Ростов на-Д. 1903 г. Издание 2-ое Г. Ф. Львовича. Пб. 1905 г.

Блос. История Французской революции.

Кунов. Борьба классов и партий в Великой Французской Революции, перевод И. Степанова, 2-ое русск. издание. М. 1921 г.

А. Тюменев. Революция и рабочий класс во Франции 1789—1848—1871 г., издание «Книги», Пб. 1919 г.

Лихтенберже. Социализм и французская революция.

Девилль. История заговора равных (в изложении Жбанкова).

Бабеф. Учение равных. Издание Глаголева.

Тома. Бабеф. и учение равных (в изложении Жбанкова).

К. Маркс. Классовая борьба во Франции 1848—1850 г.

Его же. 18 Брюмера Луи Бонапарта.

В. Либкнехт. Революция в Париже в 1848 году.

К. Каутский. Республика и социал-демократия во Франции, в издании «Колокола» и Алексеевой.

К. Маркс. Гражданская война во Франции, с предисловием Ф. Энгельса.

Лиссагарэ. История Парижской Коммуны [1]).

А. Арну. Народная история Парижской Коммуны.

Его же. Мертвецы Коммуны.

Дюбрейль. Коммуна 1871 года, издание Глаголева.

Мендельсон. Парижская Коммуна 18 Марта, ее происхождение и значение.

Б. Бакс. Парижская Коммуна 1870—1871 г.

А. Тюрлян. Парижская Коммуна 1871 года.

П. Л. Лавров. Парижская Коммуна 18 Марта 1871 г., издание «Колоса». П. 1919 г.

В. Либкнехт. 1848 год и Коммуна.

Л. Мишель. Коммуна. Издание «Логоса».

Вандервельде. Революция 1871 года и Парижская Коммуна, издание «Северного Издательства». П. 1917 г.

Очевидцы революции 71 г. в Париже, издание «Молота». Пб. 1905 г.

Геррон. От революции к революции, уроки Парижской Коммуны.

В. Быстрянский. Очерки по истории Парижской Коммуны. П. 1921 г.

Фриче. Парижская коммуна. М. 1921 г.

Л. Фио. История гражданской войны 1871 года, перевод под редакцией Кудрина. 1906 г.

Конколь. Коммуна 1871 года, перевод с польского.

Вейль. История социального движения во Франции, издание «Общественной Пользы». Пб. 1906 г.

Ж. Гед. Рабочее движение во Франции со времени Коммуны.

Ф. и М. Пеллутье. Жизнь рабочих во Франции.

Галеви. Очерки по истории рабочего движения во Франции.

Ф. Пеллутье. История бирж труда, их происхождение, их деятельность, их будущее, перевод с французского под редакцией и с предисловием Е. Татарского, издание «Народной Мысли». М. 1906 г. (то же в переводе С. Львова, издание «Свободного Труда», Пб. 1906 г.).

Социальное движение в современной Франции. Сборник статей под редакцией и с предисловием Л. Козловского. 1908 г.

---

[1]) Все сочинения, касающиеся Парижской Коммуны, за исключением специально оговоренных, имеются в новых изданиях Государственного Издательства.

Л. Блюм. Конгрессы французских рабочих и социалистов 1876—1900 г., издание «Голоса». М. 1906 г.

Игнатов. И. Н. Из истории рабочего движения во Франции, издание «Свободной России». М. 1905 г.

Л. Козловский. Очерки синдикализма во Франции.

В. Блос. Очерки по истории Германии в XIX веке, перевод В. Базарова и И. Степанова, издание С. Скирмунта. М. 1905 г.

Фр. Меринг. История германской социал-демократии, в издании т-ства «Гранат» и «Колокола».

Рэссель (по). Из истории социал-демократии в Германии, издание «Колокола». М. 1905 г.

П. Кампфмейер. Из истории и литературы германского рабочего движения, издание «Молота». Пб. 1905 г.

Г. Геркнер. Социал-демократическое движение в Германии, издание «Товарища». Пб. 1906 г.

Мильо. Германская социал-демократия, издание «Колокола». М. 1906 г.

Прокопович. Рабочее движение на Западе, т. I, Германия, Бельгия. Пб. 1903.

Э. Бернштейн. История рабочего движения в Берлине, перевод под редакцией Постмана. Пб. 1908 г.

Бебель. Из моей жизни (мемуары), перевод Н. Рязанова, Гос. Издат. П. 1918—1919 г.

Лили Браун. Роман моей жизни, Гос. Издат. П. 1918 г., в особенности том второй.

Бертран. История демократии и социализма в Бельгии.

Э. Вандервельд и Ж. Дестрэ. Социализм в Бельгии, издание т-ства «Гранат» М. 1906 г.

Прокопович. Названное сочинение.

Бинк. Развитие бельгийской рабочей партии. 1906 г.

Анджиолини. История социализма в Италии, 2 тома. Пб. 1907 г.

Петр. Рысс. Италия.

О. Ланг. Социализм в Швейцарии, перевод под редакцией и с предисловием Плеханова, издание «Общественной Пользы». Пб. 1906 г.

Хилквит. История социализма в Соединенных Штатах.

Зорге. История рабочего движения в Северной Америке.

Ж. Лонгэ. Рост социализма в Северо-Американских Соединенных Штатах, издание «Новой Зари». Пб. 1905 г.

Зомбарт. Почему нет социализма в Соединенных Штатах, издание «Общественной Пользы».

Его же. Пролетариат в Америке.

А. Метен. Аграрный и рабочий вопрос в Австралии в Новой Зеландии, издание Немчинова. М. 1903 г.

Ж. Лонгэ. Общественное движение в Японии (Социализм в Японии), перевод В. Цедербаума, под редакцией В. Засулич, издание Алексеевой. Пб. 1905 г.

Экштейн. Рабочее движение в Японии, издание Львовича. Пб. 1905 г.

Тун. История революционного движения в России, перевод с немецкого (есть много изданий, новейшее издание Петроградского С. Р. и К. Д. П. 1918 г. в переводе Засулич, Д. Кольцова и др.).

Кульчицкий. История револ. движения в России.

Сватиков. Общественное движение в России (по истории рабочего движения мало данных).

Куклин. Материалы по истории русского революционного движения (с 1862 по 1902 г.). Женева 1903 г.

Л. Мартов. Красное знамя в России. Женева 1903 г.

Его же. Пролетарская борьба в России, с предисловием Аксельрода, 2 исправленное и дополненное издание Глаголева. Пб. 1906 г.

Его же. История российской социал-демократии, издание «Книги». Пб. 1918 г.

М. Лядов. История российской социал-демократической партии.

Пажитнов. Рабочее движение в России, издание «Нового Мира».

Ельницкий. Первые шаги рабочего движения в России. Пб. 1906 г., издание «Темы дня», 2-ое издание Белопольского. П. 1917 г.

Г. Плеханов. Русский рабочий в революционном движении, издание «Пролетариата». Пб. 1906 г.

Г. Линдов. Очерк истории р. с. д. р. п. Издание «Муравья».

В. Акимов (Махновец). Очерк развития социал-демократии в России, издание О. Поповой. Пб. 1906 г. (автор—представитель так наз. «экономического» течения в русской с.-д. партии).

Н. Батурин. Очерки по истории социал-демократии в России. М. 1906 г.

Н. Рязанов. Группа «Освобождения труда», издание «Нового мира».

Плеханов. Наши разногласия.

Его же. Русский рабочий в революционном движении.

Общественное движение в России в начале XX века. Под редакцией Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Пб. 1910 г. т.т. I—III.

Ю. Стеклов. История подготовки русской социал-демократии.

Его же. Борцы за социализм, очерки из общественных и революционных движений в России, издание «Денницы». М. 1918 г.

Его же. Год борьбы за социальную революцию, два тома, издание В. Ц. И. К. М. 1918 г.

А. Ельницкий. История рабочего движения в России, издание Белопольского, в двух частях. П. 1918 г. ч. I, XIX век, ч. 2, XX век.

Б. Павлов. Пролетарская борьба в России до революции 1905 года, издание В. Ц. И. К. М. 1919 г.

Революционное движение в России. В докладах министра Муравьева с предисловием Мартова.

Тар. Очерки петербургского рабочего движения 90-х годов, издание 2, доп. и испр., издание «Нового мира». Пб. 1906 г. (новое издание Гос. Издат. 1921 г.).

Заря рабочего движения в Москве, сборник статей под редакцией Овсяникова. М. 1919 г.

Невский. Южнорусский рабочий союз в г. Николаеве в 1897 году. М. 1922 г.

Н. Рязанов. Обуховское дело.

Ф. Дан. Из истории рабочего движения и с. д. в России 1900—1904 г.г. (доклад Амстердамскому конгрессу).

«За два года». Статьи из «Искры». 1906 г.

Материалы по истории общественного и революционного движения в России. Под общей редакцией С. П. Мельгунова и М. Я. Цявловского, том I: Большевики, документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывшего московского охранного отделения. Издание 2. М. 1918 г.

Протоколы Стокгольмского съезда.

Чернышев. Памятная книга марксиста, ч. 3: программы социалистических рабочих партий.

К. Каутский. Эрфуртская программа.

В. Либкнехт. Обоснование эрфуртской программы.

Каутский и Шенланк. Основные принципы и требования С. Д.

Б. Шенланк. Пролетариат и его стремления (программа минимум германской рабочей партии. издание Козмана.

Возникновение партийной организации германской социал-демократии (речи Бебеля, Либкнехта, Зингера, Ауэра, Фолмара и др. на партийном съезде в Галле в 1890 году). Издание Доровaтовского и Чарушникова. М. 1907 г.

Основные вопросы программы и тактики на съездах германской социал-демократии, выпуск 1: Программа партии. Речи и дебаты на съездах в Галле в 1890 г. и в Эрфурте 1891 г., издание «Движения». М. 1906 г.

Гед и Лафарг. Чего хотят социал-демократы (программа французской рабочей партии).

Вандервельде. Программа бельгийской рабочей партии, издание «Колокола». М. 1906 г.

А. Ерманский. Наши ближайшие требования и конечная цель, издание «Нового Мира». Пб. 1906 г.

Л. Мартов. Рабочее дело в России (программа минимум. Р. С. Д. Р. П.). 4-е переработанное издание Алексеевой. Пб. 1906 г.

Р. Люксембург. Чего мы хотим (комментарий программы с.-д. Польши и Литвы). Изд. «Эпохи».

Бухарин. Программа коммунистов.

§ 3.

Мильо. Тактика социал-демократии.

Аксельрод. Цели и средства международной социал-демократии, издание «Нового Мира».

а) Парламентаризм.

В. Либкнехт. Парламентаризм и социал-демократия, издание «Демоса» Пб. 1906 г., то же в издании «Работника». Политика социал-демократии и отношение ее к рейхстагу.

К. Каутский. Представительное правление (парламентаризм), издание «Молота». Пб. 1905 г.

Бернштейн. Парламентаризм и с.-д.-тия (в сборнике: «Задача соц. культуры»).

Берлин. Борьба в парламенте и вне его, издание «Темы Жизни».

Н. Троцкий. Парламентаризм и рабочий класс (Борьба, 1914 г., № 1).

Фридберг. Парламентаризм и всеобщая стачка.

б) Всеобщая стачка.

Роланд-Гольст. Всеобщая стачка и социал-демократия, перевод с немецкого Таубмана. М. 1906 г.

А. Бебель. О политической массовой стачке, реферат на партейтаге в Иене 22 сентября 1905 г. (в издании «Нового Мира» и «Луча». Пб. 1906 г.).

Его же. Всеобщая забастовка, речь на партейтаге в Маннгейме, перевод П. Гуревича, издание «Мира». Пб. 1906 г.

К. Каутский. Всеобщая политическая забастовка и социализм, издание «Нового Мира». Пб. 1906 г.

Его же. Революционные перспективы.

Бернштейн. Массовая политич. стачка.

Ж. Жорес. Социальные этюды.

Маннгеймский партейтаг германской социал-демократии. Доклад и прения о массовой стачке. Предисловие П. Орловского, издание «Интернационала» Пб. 1907 г.

В. Поссе. Всеобщая стачка. Женева 1903 г.

Бюиссон. Всеобщая стачка, с приложением статьи Н. Кудрина, издание «Общественной Пользы».

Адлер. Массовая стачка.

Р. Люксембург. Всеобщая забастовка и немецкая с. д—тия (доклад на Маннгеймском партейтаге). П. 1919 г.

Лагарделль. Революционный синдикализм.

Ивто. Азбука синдикализма.

Роллер. Социальная всеобщая забастовка, (анарх. точка зрения).

Б. В. Всеобщая стачка и тактика международного социализма (взгляды Каутского, Парвуса, Лафарга, Жореса, Гэда, Вальяна и др.). Пб. 1906 г.

§ 4.

Каутский. Социальная революция.

Его же. Революционные перспективы (ответ на критику предыдущей брошюры).

Э. Бернштейн. Социальные проблемы.

Его же. Очерки из истории и теории социализма.

К. Каутский. К критике теории и практики марксизма.

Луначарский и Зиновьев. К. Маркс о социальной революции.

Амстердамский конгресс. Речи Гэда, Бебеля и Вальяна. Пб. 1905 г.

Ж. Жорес и Ж. Гэд. Две тактики. Пб. 1906 г.

Г. Плеханов. Социализм и политическая борьба, новейшее издание «Огней». П. 1917 г.

Н. Ленин. Государство и революция, учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. П. 1919 г.

Его же. Задачи пролетариата в нашей революции.

Роза Люксембург. Реформа или переворот. Киев 1907 г. (есть и другое издание).

Ст. Вольский. Социальная революция на Западе и в России.

Г. Сафаров. Буржуазный порядок и коммунистическая революция. Гос. Издат. П. 1920 г.

Борисов. Диктатура пролетариата. П. 1920 г.

Бухарин. Экономика переходного периода.

П. Маслов. Мировая социальная проблема. Чита 1921 г.

Сборник экономических статей. Гос. Издат. П. 1922 г.

П. Луи. Будущее социализма, перевод с французского Займовского, издание т-ства «Гранат». М. 1906 г.

Галеви. Очерки рабочего движения во Франции.

Лабриола. Реформизм и синдикализм.

Арт. Лабриола. Реформа и социальный переворот. Синдикализм и социализм, перевод и предисловие В. Ф. Тотомианца, издание «Освобождения Труда». Пб. 1907 г.

Ивто. Азбука синдикализма.

Ж. Грав. Умирающее общество и анархия. М. 1917 г.

Лагарделль. Революционный синдикализм.

Э. Пуже. Синдикат. Пб. 1907 г.

Глава двадцать восьмая. — Неорганизованность капиталистического хозяйства. Анархия производства.

К. Маркс. Капитал, т. III, ч. I, отдел 3, в особенности глава 15.

Ф. Энгельс. От утопии к научной теории.

Его же. Философия, политическая экономия, социализм, отдел 3, глава 2: очерк теории.

Бернштейн. Указ. сочинение.

Каутский. Назв. сочинение.

Его же. Обнищание и крушение, новейшая фаза ревизионизма, по поводу книги Туган-Барановского, перевод с немецкого Д. Лященко. Пб. 1908 г.

Гобсон. Экономика распределения, издание «Книжного Дела». М. 1908 г.

Вандервельде. Разрушение капиталистического строя, издание «Свободного Слова». Пб. 1905 г.

Шиппель. Экономический переворот и развитие социализма (ревизионистская точка зрения), издание Горской. 1906 г.

Михайлович. Крушение капитализма.

Г. Сафаров. О научных основах коммунизма, Гос. Издат. П. 1921 г. 7. Капиталистическое развитие и коммунистическая революция.

М. Бургэн. Современные социалистические учения и экономическая эволюция, перевод с французского, издание «Общественной Пользы».

Петровский. Капитализм и социализм. М. 1920 г.

Глава двадцать девятая. — Социализм.

Литература по истории социалистических учений. Общие обзоры:

Каутский, Гуго, Лафарг, Бернштейн. Из истории общественных течений (История социализма, два тома), издание «Общественной Пользы». Пб. 1906 г.

Сюдр. История коммунизма, перевод с французского. Пб. 1870 г.

Н. Щеглов. История социальных систем. Пб. 1889 г., 2 тома.

Н. Рожков. История социализма. П. 1918 г.

В. Святловский. История социализма. П. 1921 г.

Андрей Фогт. Социальные утопии, перевод Н. Стороженко. Пб. 1907 г.

Свентоховский. История утопии. М. 1910 г.

Грагам. Социализм, старый и новый.

Гуго и Штегман. Справочная книга социалиста, перевод под редакцией Богучарского и Марковича, издание «Голоса». Пб. 1906 г., три тома.

Н. Русанов. Социалисты Запада и России. Пб. 1908.

С. Прокопович. Проблемы социализма. Развитие социалистической мысли во Франции. П. 1911 г.

*

Энзор. Современный социализм, обоснование его в речах и сочинениях его виднейших представителей и в программах партий, издание т-ства Гранат. М. 1906 г.

В. Зомбарт. Социализм и социальное движение в XIX веке.

Лавров. Из истории социальных учений. П. 1919 г.

М. Бурген. Современные социалистические системы. П. 1906 г.

Диль. Социализм, коммунизм, анархизм. М. 1918 г.

Более ранние учения:

Платон. Государство и Критаас (русский перевод Карпова), Законы (перевод Оболенского).

Евг. Трубецкой. Социальная утопия Платона. М. 1908 г.

К. Каутский. Платоновский и христианский коммунизм (из Истории социализма).

Р. Пельман. История античного коммунизма и социализма, русск. пер. Пб. 1910 г.

Его же. Ранний христианский коммунизм, перевод с нем. М. Козловского. Казань 1920 г.

Т. Мор. Утопия, перевод Генкеля, издание Пирожкова. Пб. 1905 г. (есть и другие издания).

К. Каутский. Томас Мор и его утопия, перевод Генкеля. Пб. 1905 г.

Е. Тарле. Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени, издание «Мира Божьего» 1901 г.

Яковенко. Т. Мор, его жизнь и общественная деятельность, издание Павленкова. Пб. 1891 г.

Кампанелла. Государство Солнца, перевод Генкеля. Пб. 1907 г.

П. Лафарг. Томас Кампанелла (есть несколько изданий).

Социалисты-утописты:

С.-Симон. Собрание сочинений, т. I, издание «Всеобщей Библиотеки», также в издании Брокгауза — Ефрона: «Родоначальники позитивизма», вып. 2 и 3. Пб. 1910 — 1911 г.г.

Р. Оуэн. Об образовании человеческого характера. Пб. 1893 г.

Энгельс. От утопии к научной теории.

П. Луи. Французские мыслители и деятели XIX века (Бабеф, С.-Симон, Фурье, Консидеран, П. Леру, Луи Блан, Ф. Видаль, Пекер, Кабе, Прудон, Бланки и др.), издание «Молота». Пб. 1905 г.

М. Туган-Барановский. Современный социализм. Пб. 1906 г.

Ив. Иванов. Сен Симон и сенсимонизм. М. 1901 г.

А. Бебель. Шарль Фурье, его жизнь и учение, перевод с немецкого В. Лаврова, издание «Просвещения».

Бибиков. Современные утописты (в книге: Критические очерки. Пб. 1865 г.).

Б. П. Фурье и фурьеризм. Казань 1905 г.

В. Тотомианц. Фурье и кооперация, издание «Луча». Пб. 1906 г.

Г. Люкс. Этьен Кабэ и икарийский коммунизм.

Гепнер. Икарийцы в северной Америке.

Н. А. Добролюбов. Р. Оуэн и его попытка общественных реформ.

В. Либкнехт. Роберт Оуэн, его жизнь и общественно-политическая деятельность, издание «Молота». Пб. 1905 г.

Эд. Доллеан. Роберт Оуэн, его жизнь и учение, перевод с французского М. Суворова, издание «Просвещения».

Каменский. Р. Оуэн, его жизнь и общественная деятельность, издание Павленкова. Пб. 1892 г.

Е. Волкова. Пророк «разумного общества», издание «Пользы». М.

Ю. Жуковский. Прудон и Луи Блан. Пб. 1869 г.

И. Чернов. Луи Блан, издание «Молодой России». М. 1906 г.

В. Святловский. Русский утопический роман. П. 1922 г.

М. Туган-Барановский. В поисках нового мира. Социалистические общины нашего времени. Пб. 1913 г.

Предшественники научного социализма:

В. Вейтлинг. Евангелие бедного грешника.

Его же. Человечество, каково оно есть и каким оно должно быть, перевод Чернявского, издание «Просвещения».

Калер. Вильгельм Вейтлинг.

Ф. Меринг. Из общественных учений XIX в., издание «Молота». Пб. 1905 г.

Его же. В. Вейтлинг, перевод Мандельштама. Пб. 1906 г.

В. Величкина. В. Вейтлинг, издание «Вперед». Пб. 1906 г.

В. В. Святловский. Вожди пролетарского движения. I. Вильгельм Вейтлинг (1808—1871 г.). П. 1919 г.

Родбертус. Письма к Кирхману (1 и 4 письма в издании «Начала», 2 и 3 в издании Глаголева).

Н. Зибер. Карл Родбертус Ягетцов (Собрание сочинений, т. II).

Г. Плеханов. Экономическая теория Карла Родбертуса Ягецова (За двадцать лет. Пб. 1906 г.).

Ф. Лассаль. Собрание сочинений, издание Глаголева.

Его же. Письма к Марксу и Энгельсу с примечаниями Ф. Меринга, издание «Литературного Дела». Пб. 1905 г.

Е. Классен. Жизнь Лассаля в связи с его научной и общественной деятельностью. Пб. 1896 г.

Э. Бернштейн. Фердинанд Лассаль (есть несколько изданий, новейшее Гос. Издат. П. 1918 г.).

Г. Онкен. Лассаль как политический деятель, издание О. Н. Поповой. Пб. 1905 г.

Г. Плеханов. Лассаль, издание «Пролетариата». Пб. 1906 г.

Г. Брандес. Лассаль. Пб. 1897 г.

Э. К. Ватсон. Этюды и очерки по общественным вопросам. Пб. 1892 г.

Б. Чичерин. Немецкие социалисты, Ф. Лассаль и К. Маркс. Пб. 1878 г.

П. Струве. Еще о Лассале (в сборнике На разные темы. Пб. 1902 г.).

Гумплович. Лассаль, издание «Луча». Пб. 1906 г.

В. Святловский. Вожди пролетарского социализма. П. 1919 г.

К. Пажитнов. Развитие социалистических идей в России, т. I. Харьков. 1913 г.

Научный социализм.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Полное собрание сочинений (издается Гос. Издат. в Москве).

П. Берлин. К. Маркс и его время, издание «Книги». Пб. 1918 г.

К. Каутский. К. Маркс, его жизнь и историческое значение (несколько изданий, между прочим Гос. Издат.).

Ф. Меринг. Карл Маркс, история его жизни. Гос. Издат. П. 1920 г.

Карл Маркс. К столетию со дня его рождения (1818—1918 г.г.), сборник статей, издание С. Р. и К. Д. П. 1918 г.

Памяти Карла Маркса. Сборник статей, 1908 г.

В. Либкнехт. К. Маркс, биогр. очерк, издание «Демоса». Пб. 1905 г.

Его же. Воспоминания о Марксе, издание «Буревестника». Одесса 1905 г.

П. Лафарг. Мои воспоминания о К. Марксе, издание «Демоса». Пб. 1905 г.

Ю. Стеклов. К. Маркс, его жизнь и деятельность.

К. Каутский. Ф. Энгельс, его жизнь, его деятельность, его сочинения (несколько изданий, последнее Гос. Издат. М. 1920 г.).

В. Зомбарт. Ф. Энгельс, из истории развития социализма, перевод с немецкого Котляра, издание Глаголева. Пб. 1905 г. (есть и другие издания).

Ф. Меринг и П. Лафарг. Фридрих Энгельс, издание С. Р. и К. Д. П. 1918 г.

И. Логинов. Фридрих Энгельс. Материалы к библиографии его сочинений, Гос. Издат. П. 1920 г.

В. Быстрянский. Фр. Энгельс, к его характеристике. Гос. Издат. П. 1920 г.

Ш. М. Дволайцкий. Фр. Энгельс, его жизнь и деятельность. Гос. Издат. М. 1919 г.

Дэвиль. Очерк научного социализма.

Катедер-социализм.

В. Зомбарт. Идеалы социальной политики, издание 2-ое. «Знания».

А. Вагнер. Социальный вопрос. Пб. 1906 г.

А. Бебель. Академики и социализм.

Бернацкий. Теоретики государственного социализма в Германии. Пб. 1912 г.

Анархизм.

М. Штирнер. Единственный и его собственность, издание «Библиотеки Светоча». Пб. 1907 г.

Прудон. Что такое собственность? Перевод Капелюша, издание «Мысли». Пб. 1907 г.

Бакунин. Бог и государство и др. сочинения.

Кропоткин. Завоевание хлеба, Анархия и др. сочинения.

Реклю. Анархия.

С. Фор. Преступление бога.

Малатеста. Избранные сочинения, издание «Голоса Труда». П. 1919 г.

Ньювенгаус. Социализм в опасности. Издание «Просвещения».

Ю. Жуковский. Прудон и Луи-Блан. Пб. 1866 г.

М. Туган-Барановский. Прудон, его жизнь и сочинения, издание Павленкова. П. 1891 г.

Ю. Стеклов. Прудон.

Макай. Макс Штирнер, перевод Даманского. Пб. 1907 г.

К. Маркс и Фр. Энгельс. Святой Макс, перевод с немецкого под редакцией и со вступительной статьей «Социальная философия Штирнера» Гиммельфарба. М. 1920 г. (1-ое издание: Маркс и Энгельс, критики учения Штирнера. Пб. 1912 г.).

Курчинский. Философ эгоизма Макс Штирнер, издание «Огней». П. 1920 г.

Энгельс. Бакунисты за работой.

Полянский. Бакунин. 1920 г.

Г. Плеханов. Анархизм и социализм.

Адлер. Анархизм, издание «Мысли» (статья из Handwörterbuch der Staatswissenschaften).

Ценкер. Анархизм, история и критика анархических учений, издание «Свободной Мысли». Пб. 1906 г.

Б. Эльцбахер. Анархизм, перевод Стрельцова, издание О. Н. Поповой.

Штаммлер. Теоретические основы анархизма, издание «Свободной Мысли». М. 1905 г. (То же в издании «Начала». Анархизм, теория и практика, перевод под редакцией В. Святловского. Пб. 1906 г.).

Боргиус. Теоретические основы анархизма.

Анархизм. Сборник статей, издание «Земли». Пб. 1906 г.

Кульчицкий. Современный анархизм. Пб. 1907 г.

Гектор Цокколи. Анархизм. Пб. 1908 г.

Рейхесберг. Социализм и анархизм, издание «Земли и Труда».

Диль. Социализм, коммунизм и анархизм.

В. Святловский. Очерки анархизма. Пб. 1922 г.

Ст. Иванович. Анархия и анархисты.

Кульчицкий. Анархизм в России.

Панэкэк. Социализм и анархизм.

Синдикализм.

Ст. Вольский. Теория и практика анархизма. М. 1919 г.

Лагарделль. Революционный синдикализм, издание «Шиповника».

Ж. Сорель. Введение в изучение современного хозяйства, перевод под редакцией и со вступительной статьей Козловского. М. 1908 г.

Его же. Размышление о насилии. 1907 г.

Ж. Грав. Умирающее общество и анархия, издание «Бунтаря». М. 1917 г.

Его же. Осуществим ли анархический идеал?

Социальное движение в современной Франции. Сборник статей Перта, Лагарделля, Пуже, Сореля, Эрве с предисловием Л. Козловского. 1908 г.

Ивто. Азбука синдикализма.

Пуже. Синдикат.

А. Лабриола. Реформа и социальный переворот. Синдикализм и социализм, перевод и предисловие В. Ф. Тотомианца, издание «Освобождения труда». Пб. 1907 г. (То же в другом издании. Реформизм и синдикализм).

Плеханов. Статьи о синдикализме в «Современном Мире» за 1907—1908 г.г.

Л. Козловский. Очерки синдикализма во Франции. 1907 г.

Сталинский. Новое течение в социализме. 1909 г.

Ж. Грав. Будущее общество, издание «Голоса Труда». П. 1919 г.

Траутманн, Эттор и др. Производительный синдикализм, сборник статей. М. 1919 г.

Социалистическое устройство общества.

Бебель. Женщина и социализм, глава о социализации общества и отдельно: Общество будущего (новейшее издание Гос. Издат. П. 1920 г.).

К. Каутский. Эрфуртская программа, отдел 4: Государство будущего.

Его же. На другой день после социальной революции (есть несколько изданий).

Его же. Очередные проблемы международного социализма.

И. Штерн. Государство будущего. Тезисы о социализме, его сущность, осуществимость и целесообразность, издание «Луча». Пб. 1917 г.

Государство будущего. Дебаты германского рейхстага в марте 1893 года, перевод с немецкого С. Кувшинского с предисловием Ю. Стеклова, издание «Свободного Труда». Пб. 1907 г.

Оливетти. Проблемы современного социализма.

Задачи социалистической культуры. (Сборник статей ревизионистского направления).

Атлантикус (Карл Баллод.) Марксизм или теория наивысшей производительности, перевод с немецкого Либермана, издание «Общественной Пользы». Пб. 1907 г. (есть и другие издания, новейшее в издании Центросоюза. П. 1919 г.).

Вандервельде. Промышленное развитие и общественный строй, издание «Молота».

Ж. Жорес. Очерки социализма, изд. «Луча».

П. Лафарг. К царству социализма.

В. Фриче. Социализм.

Ренар. Социалистический строй.

П. Лафарг. За и против коммунизма, издание «Демоса». Пб. 1905 г.

Его же. Умственный труд и машина. — Ремесленник и наемник. — Интеллигентный наемник. — Производитель в будущем, издание Манопковой. М. 1900 г.

Ж. Гед. Коллективизм, издание «Буревестника». Одесса 1905 г. и «Колокола». М. 1905 г.

П. Луи. Будущее социализма, издание «Гранат».

На второй день после социальной революции (картины будущего строя), статьи **Г. Монтичелли и А. Коста.** М. 1917 г.

Задачи социалистической культуры. (Сборник статей Вандервельде, Давида, Линдемана и Мауренбрехера).

Ларский. Общество будущего, «Темы жизни», издание О. Поповой.

Осинский. Строительство социализма. Гос. Издат. М. 1919 г.

Н. Бухарин. Экономика переходного периода. М. 1920 г.

П. Маслов. Мировая социальная проблема. Чита 1921 г.

Организация труда. Орган Центр. Института труда. М.

Моррис. Вести ниоткуда, издание «Дела».

Ц. де Пап. Общественная служба в будущем обществе, перевод П. Лаврова. П. 1919 г.

А. Менгер. Завоевание рабочим его прав.

Его же. Право на полный продукт труда.

Его же. Индивидуалистическое и коммунистическое государство.

Курчинский. Муниципальный социализм.

Ж. Гед. Государственные предприятия и социализм.

Прокопович. Проблемы социализма. Пб. 1911 г.

О. Цвиденек. Социалистическое вознаграждение за труд, перевод с немецкого, издание «Демоса».

Л. Гижицкая (Браун). Положение женщины в настоящем и будущем социальном строе, издание «Демоса».

Заключение. — Наука политической экономии. Ее методы и значение.

Энгельс. Философия, политическая экономия, социализм, отдел второй, глава первая.

К. Каутский. Антибернштейн, отдел первый.

Богданов и Степанов. Курс политической экономии, т. I.

Мархлевский. Что такое политическая экономия и чему она учит, издание Петросовета. П. 1918 г. (издание неудовлетворительное, сделанное без перемен с устаревшего первого издания).

К. Менгер. Исследование о методах социальных наук и политической экономии в особенности. Пб. 1894 г.

Сиринов. Политическая экономия, как наука. Пб. 1913 г.

Новые идеи в экономике, выпуск 5: закономерность общественного развития.

Майо-Смит. Статистика и экономия, издание С. Скирмунта. М. 1902 г.

В. Святловский. История развития воззрений на метод в политической экономии (Народное хозяйство, 1901 г., № 5).

Основные проблемы политической экономии. М. 1922 г. Отдел. 1.

В. Святловский. История развития метода политической экономии (Записки Научного общества марксистов 1922. № 2.)

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 10 25 04 09 006 8